

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ПРОПАВШИЙ

МЭРИ ТОРДЖУССЕН

Annotation

Ханна Монро поздним вечером возвращается домой, к своему возлюбленному Мэтту Стоуну. Но Мэтт исчез. Исчез без следа. В буквальном смысле слова: вместе с ним пропали не только его личные вещи, но и каждое сообщение, каждая фотография, каждое упоминание о нем в соцсетях. Будто и не было такого человека.

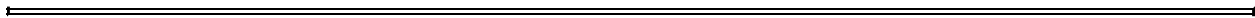
Ханна готова пойти на все, чтобы найти Мэтта. Но чем больше она пытается узнать о произошедшем, тем сильнее ее затягивает в круговорот событий. И постепенно Ханна понимает: единственный выход из ситуации – принять шокирующую правду...

- [Мэри Торджуссен](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)

- [Эпилог](#)

Мэри Торджуссен

Пропавший

Посвящается Роузи и Люису, маме и памяти отца.

С любовью

Mary Torjussen

GONE WITHOUT A TRACE

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Diane Banks Associates Ltd.

© Mary Torjussen, 2016

© Перевод. И.Л. Моничев, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

В тот день, поднимаясь по дорожке к своему дому, я пела. Действительно пела. В голос. Сейчас при одном воспоминании об этом меня начинает подташнивать.

Я участвовала в семинаре по повышению квалификации в Оксфорде, покинув Ливерпуль с восходом солнца, в шесть утра, а вернувшись только на закате. Моя должность – старший менеджер в крупной аудиторской фирме, и когда я записывалась для участия в занятиях, успела бегло просмотреть список «студентов» из других отделов, увидев несколько знакомых имен. Я не встречалась с ними лично, но мне доводилось читать о них в бюллетене внутренних новостей, издаваемом нашей компанией. Я знала, что все они занимают высокие должности. Тогда впервые до меня дошло: вероятно, и мне прочат такое же светлое будущее.

От этой мысли мурашки пробежали по коже, но я постаралась ничем не выдать своих чувств, расслабив мышцы лица и превратив его в маску спокойствия, в чем упорно упражнялась уже не первый год. Войдя в конференц-зал, застала остальных уже в сборе. Они стояли группами и беседовали между собой как хорошие друзья. Выглядели они лощеными профессионалами, и казалось, для них это вполне заурядное событие. Мне осталось лишь порадоваться, что я не пожалела целого состояния на свой гардероб, прическу и маникюр. На одной из женщин был точно такой же костюм от Хоббса, как и у меня, но, к счастью, иной расцветки. Другая дама не без зависти посмотрела на шоколадную кожу сумки «Малберри», которую мой возлюбленный Мэтт подарил мне к Рождеству. Я могла вздохнуть полной грудью от облегчения, потому что ничем не отличалась от них. Улыбнулась стоявшей рядом сотруднице, спросила, в каком отделе она работает, и все – я вошла в общий круг, была принята как своя среди своих, и вскоре от первоначальной нервозности не осталось и следа.

В конце дня нашей группе поручили выполнить командное задание, и именно меня избрали для презентации нашей работы собравшимся. Я немного испугалась и провела короткий перерыв одна, в уголке, лихорадочно запоминая тезисы своего выступления, пока остальные оживленно беседовали. Но все прошло гладко. Как только мое основное выступление закончилось, я смогла расслабиться, чтобы потом толково и грамотно ответить на возникшие вопросы, сумев предвидеть, о чем меня спросит следующий участник семинара. Краем глаза заметила в зале

Алекса Хьюза, одного из руководителей нашей фирмы, одобрительно кивавшего, слушая меня, а однажды он даже сделал в своем блокноте запись по поводу чего-то, сказанного мной. И когда все стали собираться по домам, Хьюз отвел меня в сторону.

– Ханна, должен отметить, вы хорошо справились с заданием, – сказал он. – Мы присматриваемся к вашей работе и весьма довольны достигнутым вами прогрессом.

– Благодарю вас.

В этот момент к нам подошел Оливер Саттон, исполнительный менеджер компании.

– Превосходное выступление, Ханна. Вы держались блестяще. Колин Джеймисон покидает нас в сентябре, и, думаю, перед вами теперь открыт путь к должности одного из руководителей отделов. У меня такое ощущение, что вы станете самым молодым директором в вашем филиале фирмы, верно?

Я уже забыла, что ответила. Его слова так поразили меня, словно сбывался один из моих самых сладких снов. Разумеется, я знала, в каком возрасте получил свое назначение каждый из директоров, изучив их биографии на сайте в Интернете. Мне тридцать два года, а прежде самому молодому было тридцать три. Это, кстати, служило хорошим стимулом для моего особого усердия в последнее время.

Организатор семинара хотела с ними поговорить, и Хьюз и Саттон с улыбкой пожали мне руку, прежде чем уделить ей внимание. Я же пошла в туалет, заперлась в кабинке и безмолвно издала торжествующий крик. Это было то, к чему я годами стремилась с тех пор, как окончила университет и меня приняли в фирму на должность секретаря-референта. Но никогда я не трудилась так напряженно, как в последние два года, и вот настал час пожинать плоды приложенных усилий.

Выйдя из кабинки, я взглянула в зеркало и заметила, что лицо у меня покраснелось, словно я целый день провела на ярком солнце. Достала косметичку и постаралась устранить следы перевозбуждения, но щеки все равно сияли от гордости.

Все будет хорошо.

Я потянулась к лежащему в сумочке мобильному телефону, чтобы отправить сообщение Мэтту, но в этот момент в туалетную комнату зашла начальница нашего отдела кадров и улыбнулась мне. Я благодарно кивнула ей и вынула вместо телефона щетку для волос, чтобы привести в порядок прическу. Мне не хотелось, чтобы она заметила, насколько я взволнована, и подумала, что я так взвинчена, поскольку сама не считаю себя достойной

повышения.

Кроме того, у меня не возникло желания задерживаться в дамской комнате вместе с ней, и я вернулась в конференц-зал, чтобы попрощаться с коллегами. Решила: сообщу Мэтту новости лично. Мне не терпелось увидеть его радость за меня. Он знал, как я добивалась поставленной цели. Разумеется, праздновать было пока рано – в конце концов, повышения я еще не получила, – но меня поддерживала уверенность, что Оливер Саттон не стал бы попусту разбрасываться обещаниями. Вновь и вновь вспоминая его слова, я ощущала заслуженную гордость.

Сев за руль, подумала об отце и о том, как счастлив он будет за меня. Папа ведь наверняка обо всем узнал заранее от моего босса Джорджа, с которым играл в гольф, но мне хотелось первой поделиться с ним столь приятным известием. И я отправила ему сообщение:

Папочка! Сегодня я на курсах повышения квалификации, и исполнительный менеджер говорит, что они рассматривают мое назначение директором уже через несколько месяцев! Целую.

Через несколько секунд пришел ответ:

Не удивлен. Ты же моя дочь, и вся в меня! Прекрасные новости! Молодец!

Я порозовела от удовольствия. У моего отца собственная фирма, и он часто повторял, что его единственное желание в жизни – мой успех. В вопросах карьеры отец являлся для меня главным источником поддержки, хотя порой огорчал, считая мое продвижение по службе слишком медленным. Телефон издал обычный сигнал, и поступило новое сообщение:

Немного пополнил твой счет. Отпразднуй с шиком!

Я нахмурилась. Не для этого я делилась с ним новостями. И быстро набрала такой текст:

У меня достаточно денег, папа. Не было необходимости делать это. Просто хотела держать тебя в курсе событий. Передай все маме, пожалуйста. Люблю тебя.

И получила в ответ:

Чепуха! Деньги никогда не бывают лишними.

Да, иметь деньги хорошо, подумала я, но лучше бы ты просто позвонил, и запустила двигатель автомобиля.

До дома мне предстояло проехать двести миль, которые я преодолела без единой остановки. Я живу на полуострове Уиррал на северо-востоке Англии, и от центра Ливерпуля меня отделяет только река Ме́рси. Вечерний транспортный поток всегда очень плотный, но мне было легко ехать, поскольку маршрут пролегал вдоль широких скоростных шоссе. Путешествие даже показалось коротким. Я все еще сгорала от нетерпения и ерзала на сиденье, репетируя, как подам известие Мэтту, в каких именно выражениях расскажу обо всем. Мне бы очень хотелось выглядеть невозмутимой и бросить как бы вскользь сообщение о своих новых перспективах, когда он спросит, как у меня дела. Но знала заранее, что выпалю все сразу, едва увижу Мэтта.

Доехав до Эллесмир-Порта, который всего в пятнадцати милях от дома, я заметила неоновую вывеску универсама «Сэйнсберис» и решила свернуть к нему. Это был вечер для шампанского. Я взяла бутылку «Моэта», а потом решила прихватить и вторую. Одной маловато, когда у тебя такие потрясающие новости, и к тому же дело было в пятницу: никакой работы утром!

Снова выехав на магистраль, я представила реакцию Мэтта на свое сообщение. Причем я не собиралась ничего приукрашивать. Достаточно повторить сказанное мне Алексом Хьюзом и Оливером Саттоном. Мэтт работал архитектором, и сам вполне преуспевал. Он без лишних подробностей понял бы, насколько важный шаг в карьере мне предстоял. Кстати, и в финансовом смысле тоже – получив повышение, я бы стала зарабатывать не меньше Мэтта. Зная примерный уровень зарплат директоров, я снова заволновалась. Может, мой доход станет даже выше, чем его!

Я погладила свою сумку из натуральной кожи.

– Вас скоро станет больше, моя дорогая, – сказала я. – Придется тебе делить полку с другими. Приготовься.

Но дело было не только в деньгах. Я бы согласилась получать меньше, но все же стать директором. Статус! Он важнее.

Я опустила стекла в окнах машины и позволила теплему ветру трепать

свои волосы. Солнце садилось, и небо впереди прочертили яркие алые и золотые полосы. Мой айпод был включен в режим воспроизведения музыки, и я пела песню за песней звучно и громко. Когда группа «Элбоу» исполнила «Необычайный день», я нажала на повтор, а потом гоняла эту мелодию вновь и вновь до самого дома. К моменту прибытия мной снова овладело лихорадочное возбуждение, голос сел, в горле запершило.

Фонари на нашей улице вспыхнули, словно тоже хотели отпраздновать мое возвращение домой. Сердце стучало от предвкушения событий и от горячего ритма музыки. Бутылки шампанского позвякивали в пакете из супермаркета. Я достала их, чтобы вручить Мэтту в момент своего триумфа.

Припарковавшись на подъездной дорожке, я буквально выпрыгнула из машины. Дом был погружен в темноту. Я посмотрела на часы: половина восьмого. Накануне Мэтт предупредил, что может задержаться, но все-таки я рассчитывала уже застать его дома. Ладно. У меня будет время охладить шампанское в морозильной камере, чтобы пить его прохладным. Я убрала бутылки обратно в пакет, взяла собственную сумку и поднялась к входной двери.

Нащупав выключатель в холле, я щелкнула им и внезапно замерла. У меня возникло тревожное чувство.

Неужели кто-то проник к нам в дом?

Глава 2

Последние четыре года стены холла украшали плакаты, которые Мэтт привез с собой, когда переселился ко мне. Это были крупные портреты джазовых музыкантов и певцов в тяжелых черных рамах. Обычно еще на пороге меня сразу встречал взгляд Эллы Фицджеральд с полузакрытыми глазами, с застенчивой, но полной экстаза улыбкой. Теперь на этом месте не было ничего, кроме ровного слоя кремовой краски, которым мы покрыли холл прошлым летом.

Я уронила свой плащ и сумки на лакированный дубовый паркет и наклонилась, чтобы не дать упасть бутылкам шампанского. Шагнув вперед, осмотрелась. Не осталось ничего. На стене вдоль лестницы обычно висело фото Чарли Паркера, подсвеченное золотистыми софитами. Напротив располагался снимок Майлза Дэвиса. Создавалось впечатление, будто они играют одновременно. Но сейчас оба плаката исчезли.

Я озиралась по сторонам. Нас ограбили? Даже если так, кому понадобились плакаты? Бюро из орехового дерева, купленное мной в «Хилзе», стоило больших денег, но оно оставалось на месте. Поверх него рядом с настольной лампой бросалась в глаза серебряная и украшенная эмалью ваза от Тиффани, подаренная мне родителями в день получения диплома университета. Наверняка любой грабитель заинтересовался бы ею.

Я взялась за ручку двери гостиной. А если там кто-то есть? Вдруг грабители только что забрались в дом? Я подняла с пола сумку и тихо вышла из дома. Оказавшись в безопасности на подъездной дорожке, достала телефон, все еще не понимая, сразу мне звонить в полицию или дожждаться Мэтта. Снова взглянула на дом. Если не считать света в холле, повсюду царила темнота. Дом, вплотную примыкавший к моему, тоже не был освещен, но Шейла и Рэй – наши соседи – говорили мне, что вернутся только в воскресенье. А тот, что стоял рядом с противоположной стороны, пару месяцев назад продали хозяева. Другая семейная пара вскоре должна была заселиться туда, но, судя по всему, пока не переехали. Комнаты казались пустыми, и даже шторы на окнах отсутствовали. Напротив начиналась другая улица, дома вдоль которой были больше нашего. Они стояли на значительном удалении от проезжей части, а высокие ограды не позволяли взглянуть на прилегавшие к ним участки земли.

В нашем же доме не наблюдалось никакого движения. Я медленно

пересекла лужайку к окну гостиной и заглянула в темную комнату. Если телевизора нет на месте, то нас определенно ограбили, решила я. И вздрогнула. Телевизор действительно исчез. Когда мы съезжались, Мэтт купил огромных размеров плоскую панель с системой объемного звука. Она помещалась на столь же большом стеклянном столе, занимая чуть ли не половину помещения.

Вместо современной панели стоял старый журнальный столик, который принадлежал мне долгие годы, – я перевезла его с собой, покинув родительский кров. А на столике возвышался мой столь же старый телевизор – тоже большой, но никуда не годный, с почти потерявшим цвет экраном, начинавшим мигать во время грозы. Последнее время он находился в гостевой комнате, дожидаясь, чтобы мы наконец решились от него избавиться. Но я, собственно говоря, едва ли обращала внимание на его затаившееся существование.

Я так плотно прижалась лицом к окну, что оно покрылось испариной от моего дыхания.

Где-то далеко взвизгнула тормозами машина. Я вздрогнула и повернулась, надеясь, что приехал Мэтт. Даже не знаю, с чего это мне взбрело в голову.

Внезапно стало очень холодно, хотя вечер был теплый и безветренный. Я глубоко вдохнула и плотнее запахнулась в жакет. Затем вернулась в дом, тихо закрыв за собой дверь. В гостиной включила люстру и задернула шторы, хотя на улице еще было достаточно светло. Я стояла спиной к окну и осматривала комнату. Над каминной полкой висело большое зеркало, в котором я могла видеть свое лицо, бледное и испуганное. Мне сразу захотелось отвести от него взгляд.

По обе стороны от камина располагались ниши с белыми полками. На них всегда стояли наши книги и диски. На более длинных нижних полках Мэтт держал свою коллекцию виниловых пластинок. Сотни альбомов в строго алфавитном порядке по названиям групп и именам солистов, причем самыми ценными он считал записи наименее известных исполнителей. Мне запомнилось, как в день его переезда пришлось снять с полок множество книг, поместив их в коробки, чтобы освободить пространство для винила.

Все книги снова вернулись на прежние места, словно их никто и не трогал. Пропала бо́льшая часть дисков. Виниловых пластинок не было.

Я повернулась и взглянула в другой угол. Проигрыватель Мэтта исчез, как и принадлежавший ему айпод. Зато вернулся мой прежний музыкальный центр. Нигде не было и наушников, купленных им, когда я

пожаловалась, что не могу смотреть телевизор из-за его громкой музыки.

У меня задрожали ноги. Я села на диван и опять осмотрела гостиную. Желудок вдруг скрутило так, что мне пришлось чуть ли не согнуться пополам. *Что произошло?* Я не могла решиться осмотреть другие комнаты дома.

Достала из сумки мобильник, хотя знала: не стоит даже пытаться звонить Мэтту. Какой смысл? Он оставил мне сообщение, читавшееся яснее ясного. Но в этот момент гордость не значила для меня ничего. Я просто хотела поговорить с ним, спросить, что случилось. Хотя уже знала. Поняла смысл представшего передо мной зрелища. Догадалась, что именно он сделал.

У меня не значилось в памяти телефона пропущенных звонков, не поступало никаких новых писем или сообщений. Внезапно охваченная гневом – Мэтт мог, по крайней мере, предупредить меня о своих намерениях, как сделал бы любой нормальный мужчина, – я просмотрела список своих последних вызовов, пытаюсь найти его имя и позвонить. Ничего не обнаружив, наморщила лоб. Я точно помнила, как звонила Мэтту несколько дней назад. Я сидела в машине, когда моя подруга Кэти прислала сообщение, что она со своим парнем Джеймсом хочет заехать к нам в гости. Я решила связаться с Мэттом и выяснить, достаточно ли у нас вина. Но в памяти телефона этот звонок не отразился. Я опустила еще ниже по списку. Высветились сотни звонков, сделанных за последние несколько месяцев. Но ни одного звонка Мэтту или от него.

Я закрыла глаза и постаралась выровнять дыхание, но мне это не удалось. Казалось, я близка к обмороку. Пришлось опустить голову на колени. Через несколько минут я снова посмотрела на дисплей, переключилась на «Контакты» и нажала букву М, чтобы отыскать номер Мэтта, но снова не получила нужного результата. Уже охваченная паникой, нажала на С – его фамилия Стоун. Но и она отсутствовала.

Пальцы вдруг стали горячими и липкими, когда я водила ими по дисплею, просматривая сообщения и электронные письма: ни единого, отправленного Мэтту или полученного от него. А ведь мы переписывались по нескольку раз в неделю. В последнее время вообще предпочитали обмен сообщениями прямым звонкам. Я могла прочитать письма от друзей и родителей, свои сообщения Сэму на работу, но ничего, посланного Мэтту. Этот телефон я купила в Рождество на премиальные деньги. И в тот же день отправила Мэтту сообщение. Самое обычное. Я сидела в гостиной, а он находился в кухне. Я попросила его принести в комнату бутылку вина. Мне было хорошо слышно, как Мэтт рассмеялся, прочитав мой текст, а

потом принес вино и шоколадный мусс. В тот день мне пришлось готовить рождественский обед для нас и его матери, но взамен Мэтт согласился, что потом я до конца дня уже ничего делать не стану.

Я все же решилась на еще одну проверку и просмотрела свой обмен сообщениями с Кэти. На их просмотр ушло немало времени, поскольку мы с ней тоже переписывались регулярно, но мне удалось добраться до самого первого текста. Я желала ей счастливого Рождества и хвалилась, что Мэтт подарил мне сумку «Малберри». Она изобразила удивление и восторг, хотя я уже знала, что Мэтт консультировался с ней по поводу подарка. До сих пор не пойму, как моя подруга, болтушка, ухитрилась сохранить все в секрете.

Что же произошло с сообщениями и звонками Мэтта?

Я выключила телефон и включила вновь в надежде обнаружить какие-то перемены к лучшему. Но нашла лишь не замеченные прежде тексты от Кэти, отправленные накануне вечером, где она расспрашивала меня о поездке в Оксфорд. Она звонила мне сегодня утром перед началом занятий, желая удачи, зная, как важен был этот день для меня. Несколько минут я разговаривала с ней, сидя в автомобиле на стоянке перед учебным центром, прежде чем зайти внутрь. Остался мой обмен сообщениями с Сэмом, другом по работе, и с Люси, моей помощницей. Нашла я и короткую переписку с папой уже после окончания семинара в Оксфорде всего несколько часов назад. Прочитала приветы от Фрэн и Дженни – старых приятельниц, с которыми продолжаю встречаться, как и от одной из бывших университетских сокурсниц. От Мэтта не было ничего.

Теперь я уже догадывалась, что получится, если попробую открыть свой почтовый ящик с электронными письмами. Никаких уведомлений. Но как раз это не удивило меня. Я уже не помнила, когда Мэтт в последний раз отправил мне письмо. Он всегда предпочитал краткие сообщения. Зато в первые месяцы знакомства мы писали друг другу многословные послания много раз в день. Оба постоянно держали свои компьютерные почтовые ящики открытыми, чтобы поддерживать контакт на протяжении всего рабочего дня. Кстати, это не снижало продуктивность. Мы трудились с утроенной энергией, быстро, вдохновенно, часто приходя к самым простым и гениальным решениям стоявших перед нами производственных задач. И настолько преуспели, что оба получили повышения по службе, а наша любовная переписка оборвалась только после того, как фирма Мэтта ввела запрет на использование рабочих компьютеров в личных целях. Вскрылось, что один идиот постоянно торчал на порнографических сайтах. Но мое сердце сейчас буквально оборвалось, стоило мне просмотреть папки. Та, в

какой я хранила все его прежние письма, мои бесценные сокровища, бесследно исчезла. Я открыла окно для написания нового письма и ввела имя Мэтта в адресную строку. В ней ничего не отобразилось.

Я слышала собственное дыхание: частое, отрывистое, чуть хрипловатое. Глаза затуманила пелена слез.

У меня не было сейчас другого способа связаться с ним.

Глава 3

Казалось, я лишилась способности двигаться. Сидела на краю дивана, схватившись за живот, будто у меня начались предродовые схватки. Мысли в голове метались, руки тряслись. Когда же свет фар автомобиля появился в конце нашей улицы и стал виден в щель между шторами, я все-таки вскочила и подкралась к стене у окна, чтобы украдкой выглянуть наружу.

Если это Мэтт, то мне нужно подготовиться к его появлению. Но кто-то подъехал к пустовавшему соседнему дому. Дверцы машины распахнулись и захлопнулись. Я слышала, как мужчина что-то сказал, а женщина громко рассмеялась. Выглянув в щелку между шторами, я увидела молодую пару, стоявшую у багажника своего автомобиля. Незаметно для них я наблюдала, как они достали оттуда чемоданы и коробки, а потом занесли в дом. Вероятно, они оставили вещи в холле, поскольку уже через минуту вернулись, сели в машину и укатили вниз по улице. Мои новые соседи, как нетрудно предположить. Я снова посмотрела на часы. Начало девятого. Мне это время показалось немного странным для переезда, но я вспомнила, как моя соседка Шейла рассказывала, что дом купили люди, жившие неподалеку. Может, они собирались перевезти все сами, не прибегая к услугам грузчиков из транспортной компании?

Я набралась смелости и прошла в кухню. Дверь открыла ногой и сразу включила свет. Оглядевшись, застонала и снова закрыла глаза. Пропала репродукция картины Ротко в бордовых тонах, ярким пятном выделявшаяся над дубовой полкой. Не стало подсвечника из светлого металла, который Мэтт привез с собой и зажег в нем свечи в первый вечер после переезда. Помню, как он задул их, прежде чем взять меня за руку и отвести наверх в нашу спальню. Мэтт улыбался мне в своей обаятельной и чуть лукавой манере, невольно заставляя улыбнуться в ответ, привлек к себе в ставшей темной комнате, прошептав на ухо: «Пора отправиться в постель». Я растаяла в его объятиях и прижалась к нему.

При этом воспоминании я содрогнулась.

Задняя часть дома представляла собой единое пространство со стойкой и «островком» из мрамора в виде низкого стола, разделявшими кухню и столовую. Оттуда французские окна выходили в патио, а подоконники двух обычных окон были достаточно широкими, чтобы мы смогли расставить на них растения в горшках и фотографии в рамках. Разумеется, все снимки Мэтта исчезли. Остались только мои фото с Кэти, на которых мы

обнимаемся во время многочисленных вечеринок, и еще одна – особенно мной любимая. На ней мы в шапочках Санта-Клауса держимся за руки, и нам обеим по пять лет. Папу и маму я сняла сама во время празднования годовщины их свадьбы, и есть другой снимок родителей с церемонии получения мной диплома, где на их лицах читается не только гордость за дочь, но и облегчение. Групповые фотографии университетских подруг и друзей. Раскрасневшиеся лица и сияющие глаза, поскольку снимались мы в основном в барах и клубах. Они остались нетронутыми. А вот я финиширую после участия в своем первом полумарафоне, пересекая черту, взявшись за руки с Дженни и с Фрэн. Но все изображения, на которых присутствовал Мэтт, кажется, растворились в воздухе, и было даже невозможно определить, где именно они стояли прежде.

Я села у стойки, обхватив голову руками, и осмотрелась по сторонам. Квадратная стеклянная ваза с фиолетовыми тюльпанами находилась на обеденном столе, куда я ее и поставила несколько дней назад. Я зашла в «Теско» за молоком и увидела цветы при входе. Их плотные, еще не раскрывшиеся бутоны напоминали о приближении лета. В комнате было уютно и чисто, как всегда, но она приобрела несколько поблекший вид, напоминая зал ночного клуба при дневном освещении.

На полках буфета рядом с дверью стало меньше бокалов. Мэтт привез с собой набор для вина из массивного хрусталя, который получил в подарок от бабушки. Мне он никогда не нравился. Я считала его старомодным, хотя сомневалась, что он выглядел красиво, даже когда подобная посуда была в моде, а потому его пропажа сейчас не воспринималась как утрата чего-то ценного и дорогого сердцу. Мои стаканы работы дизайнера Веры Вонг никуда не делись и, выстроившись в ряд, были готовы к празднику. К празднику в комнате, ставшей вдруг почти пустой.

У меня заурчало в животе, и я подошла к холодильнику, заранее зная, что не смогу заставить себя ничего съесть. Содержимое холодильника выглядело таким же, как и в шесть часов утра, когда я уезжала в Оксфорд. Прошлым вечером доставили заказ из супермаркета, где было все необходимое для предстоявшего уик-энда. Продукты остались на месте, но теперь их было в два раза больше, чем могло потребоваться мне одной. Я сделала заказ по телефону с работы, а Мэтт вместе со мной распаковал сумки, ни словом не обмолвившись о том, что больше не прикоснется к этой еде. Я захлопнула дверь холодильника и встала к нему спиной, тяжело дыша и закрыв глаза. Когда дыхание выровнялось, я открыла глаза и заметила пустоты на привинченной поверх плиты магнитной полосе, к которой Мэтт крепил ножи фирмы «Сабатье». Под ней раньше была

установлена кофеварка.

Собрав волю в кулак, я открыла дверцы кухонных шкафов. Пакеты с его излюбленным сортом кофе в зернах пропали вместе с жерновой кофемолкой. Я склонилась чуть ниже и ощутила застоявшийся кофейный аромат. Интересно, долго ли он продержится? Запах – то единственное, что Мэтт не смог забрать с собой. И все же мое сердце вновь забилося учащенно, когда я открыла нижние створки буфета и увидела пустоту там, где обычно стояла его электрическая соковыжималка. В другом отделении бросилось в глаза отсутствие кружек, огромных и уродливых, с нелепыми рисунками. Мэтт купил их еще во время учебы в университете, пока жил в общежитии, потом использовал в своей лондонской квартире, а поудобнее в доме – в моем доме, – и я сейчас жалела, что они не остались здесь, чтобы я могла разбить их вдребезги.

Я снова открыла холодильник и проверила отделения, встроенные в дверцу. Бутылочка кетчупа, к которой я сама не прикасалась, исчезла. Банка арахисового масла тоже. Невелика утрата. Терпеть не могу ни то, ни другое, но зачем понадобилось забирать это? Я осмотрела на всякий случай кухонную корзину для мусора, но там их не оказалось. Все мои бутылочки и баночки переставили вдоль полки так, будто между ними ничего больше не стояло.

Достав из холодильника бутылку белого вина, взяв бокал, я опять села на мраморный «островок». Налила бокал до краев и выпила залпом, затем снова наполнила. При этом я постоянно посматривала на свой телефон, а потом проверяла, действительно ли из его памяти стерт номер Мэтта. Я ничего не понимала. С ним же все было прекрасно накануне вечером! Можно даже сказать, что Мэтт пребывал в отличном настроении. Утром я поднялась рано, чтобы успеть принять душ и подготовиться к поездке в Оксфорд. Выехала с рассветом, опасаясь возможных пробок. И находилась почти в паническом состоянии при мысли, что опоздаю.

Перед отъездом я склонилась над Мэттом и поцеловала в щеку. Его глаза были закрыты, он дышал спокойно и размеренно. Тепло лица Мэтта мои губы ощущали долго. Он мирно спал или, по крайней мере, мне так показалось. А может, он всего лишь притворялся спящим, а сам только ждал момента, когда выйду из дома? И его глаза широко распахнулись, стоило ему услышать удаляющийся звук двигателя моей машины, а потом он выскочил из постели и начал собирать вещи?

Я заплакала, представив эту сцену. Мы ведь прожили вместе четыре года. Как же Мэтт мог бросить меня, ничего не объяснив? Не поленился поставить мои старые вещи на прежние места? Складывалось впечатление,

что он вообще никогда не бывал в этом доме!

Я выпила и второй бокал вина почти до дна, но от этого только еще сильнее расстроилась и разрыдалась. Я любила Мэтта. Любила всегда. С самого начала. Он знал, как много для меня значит, – столько раз слышал от меня об этом! Все свободное время мы проводили вместе. Я взялась за телефон, решив поговорить с кем-нибудь, но сразу положила трубку на место. Мне стало стыдно быть брошенной, причем так унизительно брошенной. Как я могла рассказать кому-то в деталях об уходе Мэтта?

Бутылку и бокал я взяла с собой, поднявшись наверх. Той ночью мне требовалось забыться, а это был самый простой и быстрый способ добиться подобного состояния.

Добравшись до двери спальни, я уже знала, чего ожидать, но все равно один только вид покрывала, свежего и чистого, невероятно расстроил меня. Я сменила постельное белье в прошлое воскресенье и использовала бордовое покрывало, привезенное Мэттом среди прочих своих вещей. Теперь же его не было. Кровать выглядела ослепительно-белой: покрывало, простыни, наволочки – набор из расшитого белого хлопка, купленный мной задолго до нашего знакомства с Мэттом.

Снова собрав волю в кулак, я открыла створки его гардероба. Разумеется, он оказался пустым. Проволочные вешалки болтались на перекладинах, но здесь не осталось даже намека на запах любимой туалетной воды Мэтта. Не было смысла проверять выдвижные ящики, но я все равно сделала это. Пустота. Как в тот день, когда я купила этот платяной шкаф.

Я разделась и бросила свою одежду в корзину для вещей, предназначенных в стирку. При этом наливая вино бокал за бокалом и пила, не ощущая вкуса. Из нижнего ящика своего прикроватного столика я достала наушники. Они служили мне глушителями шума, когда я не хотела ничего слышать, даже собственные мысли, – как раз то, что мне требовалось в тот момент. Я чувствовала головокружение и жар по мере того, как алкоголь проникал в кровь. Взяв подушку с той стороны постели, где обычно спал Мэтт, я уткнулась в нее. Она пахла свежестью и чистотой. Напрасно было искать на подушке хоть что-то, связывающее ее с ним. Слезы обильно текли по моему лицу, и сколько бы раз я ни протирала его, через несколько секунд оно снова становилось мокрым. Когда я представляла, как Мэтт тщательно собирает вещи, чтобы оставить меня, без единого слова объяснения, без всякого предварительного намека, что может уехать, мое сердце будто с силой сжимал невидимый кулак. Я едва дышала.

Где же он мог быть?

Глава 4

Я проснулась посреди ночи. Во рту было кисло, глаза распухли от слез. Я крепко сжимала ножку своего бокала, а вторая половина постели, где всегда спал Мэтт, пропиталась разлитым вином. В воздухе стоял устойчивый запах перегара, и я вдыхала эти выветрившиеся алкогольные пары. Мой желудок взбунтовался. Пришлось броситься в ванную.

Хотя я должна была успеть подготовиться к этому и не реагировать особенно остро, меня охватила глубокая печаль при виде своей зубной щетки, оставшейся в одиночестве. Я смотрела в раковину, пока чистила зубы и умывалась, намеренно не глядя туда, где зияли пустоты вместо бритвенных принадлежностей Мэтта, на крючок, где еще накануне висел его халат, на углубление в полке, куда он ставил гель для душа и шампунь. Но при этом я уже чувствовала себя по-другому, словно все изменилось. Другой стала я сама. У меня раскалывалась голова, глаза покраснели от плача, но этим ощущения не исчерпывались. Болела каждая мышца, грудь стянуло обручем, мешавшим дышать. Казалось, я серьезно заболела чем-то вроде гриппа.

Я вышла на верхнюю лестничную площадку, чтобы спуститься и налить себе стакан воды, но замерла, вновь заметив отсутствие плакатов на стенах в холле. Не сумев заставить себя справиться с эмоциями, я вернулась в постель.

Только через несколько часов я смогла поговорить с Кэти. Она была единственным человеком, кому я могла довериться и все рассказать. Мы дружили с пятилетнего возраста, сидели рядом на уроках в школе. И с тех пор прошли вместе через очень многое. Я знала: Кэти не будет осуждать меня и не пристанет с расспросами. С Мэттом она тоже была близко знакома и не могла не понимать: случившееся явилось для меня полнейшей неожиданностью. Даже зная, что еще слишком рано для выходного дня и Кэти едва ли проснулась, я все же послала ей сообщение:

Мне необходимо поговорить с тобой. Ты уже встала?

В ожидании ответа я проверила «Фейсбук». И снова у меня сердце оборвалось, когда я подумала, что Мэтт «заблокировал» меня. Но затем я провела поиск по его имени. Мэтт вообще не фигурировал в этой

социальной сети. Наверное, просто закрыл свою страничку, решила я. Я поискала сообщения, которыми мы обменивались, но вся наша переписка оказалась удалена. Как могло произойти такое? И мои собственные папки с нашими совместными фото постигла та же участь! Я быстро зашла в «Твиттер», в «Инстаграм» и в «ЛинкедИн». Ни на одном из сайтов Мэтт не был зарегистрирован.

Кэти, вероятно, легла накануне очень поздно, потому что прошло больше часа, прежде чем я получила от нее ответ. Лежа на кровати, я выстукивала пальцами дробь по матрасу и так напряженно думала, куда он мог деться, что головная боль стала почти невыносимой.

Собираюсь в гости к маме. Могу позвонить тебе позднее?

При мысли, что придется еще очень долго оставаться с проблемой один на один, мне не удалось сдержать нового потока слез.

Прошу тебя, Кэти! Мэтт бросил меня. Можешь приехать?

Последовала долгая пауза. Я вообразила ее лицо, изумление от подобной новости. В конце концов, мы же столько лет были близки. Наконец она ответила:

Он уехал? Дай мне полчаса.

Я лежала, свернувшись калачиком в полутемной комнате, не в состоянии даже раздвинуть шторы. И хотя я почистила зубы, вкус выпитого предыдущим вечером вина ощущался где-то в глубине гортани, его запахом пропитались простыня и подушка. От меня отвратительно воняло. Я потеряла контроль над собой. Нельзя, чтобы Кэти застала меня в таком виде.

К ее приезду я успела принять душ и сменить постельное белье. Распахнула окна, раздвинула шторы. Но, несмотря на повторную чистку зубов, во рту осталось неприятное послевкусие.

– Что стряслось? – спросила Кэти, как только я открыла дверь.

Мои глаза мгновенно наполнились слезами, и я порывисто смахнула их.

– Вчера вечером я вернулась с работы, а Мэтта уже не было. Он уехал, забрав все свои вещи.

– Все вещи?

Я кивнула:

– Да. У него на сборы должно было уйти несколько часов, не меньше.

– Ханна! – Кэти обняла меня.

Я прильнула к ней, ощущая тепло ее тела, сладковатый аромат духов, чувствуя, как нежные губы прикоснулись к моей щеке, когда она поцеловала меня.

– Давай же! Рассказывай обо всем!

Мы сели в кухне у открытых французских окон, и свежий воздух из сада наполнил помещение. Я заварила чай, но меня одолевала тошнота при мысли о необходимости что-нибудь съесть. Я смотрела на гладкую блестящую отделку кухонной мебели, и возникала иллюзия, будто все нормально, и Мэтт никуда не уехал. Кэти оглядывалась по сторонам, словно могла заметить нечто, упущенное мной.

– А что наверху? – спросила она.

Я нахмурилась:

– То же самое. Он забрал все свои вещи.

– Ты звонила ему? Хочешь, я с ним поговорю?

Я с трудом сглотнула.

– Ничего не получилось. У меня нет его номера.

– Как?

– Он удалил его, – объяснила я. – Стер из памяти телефона все: почту, сообщения.

Кэти встала, подошла ко мне и снова обняла.

– Бедная моя, – промолвила она, и я всхлипнула. Вскоре я уже рыдала. Кэти держала меня в объятиях, поглаживая по волосам. – Но ничего. Все будет хорошо. Ты сумеешь с этим справиться.

За годы нашей дружбы она едва ли вообще видела меня плачущей. Я постаралась успокоиться. Мне стало стыдно за свое поведение.

– Да. Это просто следствие внезапного шока.

– Ты не помнишь его номера?

Я покачала головой:

– У него был один и тот же номер со дня нашего знакомства. Как только я занесла его в память телефона, отпала необходимость помнить наизусть.

– Со мной та же история, – заметила Кэти. – Я не помню ни единого телефонного номера. Даже не обращаю на них внимания. Подожди! Джеймс должен знать его.

Она достала мобильник и позвонила своему возлюбленному. Через минуту он скинул ей номер.

– Скрой свой номер, – посоветовала Кэти. – Он может не ответить, если поймет, что звонишь ты.

Я хотела сказать ей в ответ что-то резкое, но потом признала ее правоту, и я набрала номер Мэтта.

«Вызываемый вами абонент недоступен», – сообщил мне механический голос.

Я покраснела от стыда.

– Кажется, он сменил телефон.

– Попробую со своего, – предложила Кэти.

Она набрала номер и включила громкую связь. Мы услышали такой же ответ, и она дала отбой.

– Ты действительно не замечала никаких признаков, что Мэтт собирается уйти от тебя?

Я покачала головой.

– Впрочем, теперь вспоминаю, как на прошлой неделе он пару раз спрашивал, в котором часу я вернусь из Оксфорда. Я идиотка. Мне-то казалось, что ему хочется видеть меня как можно раньше. «Перестань постоянно спрашивать об одном и том же! – сказала я ему. – Не волнуйся, я вернусь не поздно!» А ему всего лишь нужно было знать, каким временем он располагает.

Казалось, Кэти не знала, как меня утешить.

– Вы с ним не поссорились? Он не стал подолгу задерживаться на работе без особых причин?

– Не происходило ничего из ряда вон выходящего. – Слезы опять навернулись на глаза. – Я считала, что у нас с ним все в полном порядке.

– А как насчет... постели? Тоже полный порядок?

Я вытерла глаза. На пальцах остались следы растекшейся туши, и я оторвала кусок бумажного кухонного полотенца.

– Все было прекрасно, – выдавила я. – У нас всегда все было прекрасно.

Кэти сидела молча, а потом взяла меня за руку.

– Он сволочь, – заявила она. – Просто невероятная сволочь.

– Да.

Она встала, чтобы вымыть под краном свою чашку.

– Как ты думаешь, куда он уехал? Есть какие-нибудь соображения?

Внезапно мне захотелось побыть одной.

– Оставим эту тему, Кэти. Я понятия не имею, где Мэтт. И мне наплевать на это.

Однако, несмотря на столь смелое заявление, как только Кэти ушла, я провела несколько часов, пытаясь разыскать в Интернете номера телефонов его друзей, коллег, членов семьи. Мне стало ясно: покоя не будет, пока я не найду Мэтта.

Он работал архитектором в крупной местной компании. В выходные дни их офис обычно был закрыт, хотя иногда по субботам Мэтт ездил туда, чтобы еще раз взглянуть на проект, над которым трудился. Позвонить ему туда я могла только в понедельник. Разумеется, номера его рабочего телефона в памяти моего телефона тоже больше не было. Я даже не помнила, когда в последний раз звонила ему туда, но твердо знала, что сама не удаляла номер из списка контактов. Мэтт сделал это сам.

В начале нашего знакомства я названивала ему в обеденный перерыв каждый день, и он отвечал мне с напускной формальностью в голосе: «Добрый день, мисс Монро. Подождите секундочку. Я выйду из здания». Потом он выбирался на стоянку к своей машине, и мы проводили отведенный на ланч час, возбужденно обсуждая, что делали прошлым вечером и как хотели провести предстоящий вечер. Конечно же, такие разговоры стали происходить реже и длиться меньше после его переезда ко мне, и мы чаще ограничивались сообщениями, что было быстрее. И все равно за последние несколько месяцев мы не раз обменялись звонками.

Куда бы я ни посмотрела, всюду замечала следы исчезновения Мэтта. Прежде я не обращала внимания, как много у него было личных вещей, насколько наш дом – мой дом, напоминала теперь я себе, – был буквально заполнен его имуществом. Я лежала на кровати с закрытыми глазами, но стоило мне открыть их, как я отмечала очередную пропажу. Будильник. Радиоприемник. Все, что считалось принадлежавшим ему одному.

Мною владело одно чувство – унижение. Щеки по-прежнему горели, но не от ощущения несправедливости, хотя это тоже обжигало душу, а от непостижимого стыда, непонимания, почему лучшим способом покинуть меня Мэтт счел тайный побег, пусть и среди бела дня. Я закуталась в покрывало. В голове теснились бесчисленные вопросы, которые я хотела бы задать. Но поговорить с Мэттом не было возможности. По крайней мере, в тот момент.

Я так и пролежала целый день и лишь с наступлением сумерек сумела немного успокоиться. В темноте я больше не видела признаков его ухода. И если бы я оставалась в таком же положении, зафиксировав взгляд на свете, пробивавшемся сквозь щель в шторах, то могла притвориться, что Мэтт по-прежнему здесь. Лежит у меня за спиной и молчит. Просто лежит рядом.

Глава 5

В понедельник я приехала на работу в ужасном состоянии. Остаток уик-энда прошел тихо. После ухода Кэти я больше ни с кем не виделась. Мои подруги Фрэн и Дженни прислали сообщение, спрашивая, не хочу ли я встретиться с ними в воскресенье утром, но у меня ни на что не хватало сил, и уж тем более я не в состоянии была рассказать им о Мэтте. Я ответила: в воскресенье занята, свяжусь с вами позднее. Мама тоже интересовалась, не хотим ли мы с Мэттом пообедать у них в воскресенье, но и ей я повторила то же самое: «Извини, очень занята». Она восприняла это по-своему, как прозрачный намек, и оставила меня в покое.

Я не хотела никого видеть, но одновременно не желала находиться в одиночестве. Атмосфера в доме была удушливой от попыток разобраться в себе, осознать, в чем я виновата, как и от постепенно копившейся злости. Поначалу телевизор и радио помогали мне заглушать звучащие в голове голоса, но потом я вдруг испугалась и отключила все. Мне нужно было слышать эти голоса на случай, если они сообщат мне нечто, что важно знать.

Когда будильник разбудил меня в семь утра в понедельник, я лежала в той же позе, в какой устроилась в семь часов вечера накануне. Я скрючилась, кожа на лице стала сухой и словно потрескалась, зато подушка промокла от слез.

Я с трудом собралась с силами, чтобы отправиться в тот день на работу, но после семинара в Оксфорде нельзя было позволить себе сорваться. После чуть теплого душа я оделась и воспользовалась карманным зеркальцем, чтобы наложить макияж – так можно было сосредотачиваться поочередно на какой-то одной части лица и не видеть при этом своих глаз.

Уже на полпути к зданию своей компании вдруг вспомнила, что не проверила мусорные баки в саду на заднем дворе. И хотя мусор даже не собирались вывозить в понедельник, но я развернулась в неподобающем месте, заслужив гневный хор клаксонов от других водителей, и помчалась назад. Поспешно выскочив из машины, вынуждена была кивнуть Рэю, выглянувшему из окна соседнего дома, и через калитку заднего двора вошла в сад.

С напряженным ожиданием я поднимала крышки баков. Даже не знаю, что я надеялась обнаружить в них. В зеленом баке сиротливо лежал

небольшой мешок с мусором, и я вспомнила, как сама наполнила его после уборки в кухне в четверг вечером. С тех пор туда больше никто ничего не выбросил. Я обследовала остальные баки, не забыв даже о садовом, но картина везде выглядела одинаково – все они были пусты. Посмотрев на часы, я вздрогнула. Если не потороплюсь, то опоздаю.

Прибыв на рабочее место, я оставила записку своей помощнице Люси, предупредив, что у меня болит голова и чтобы меня, по мере возможности, не особо беспокоили. Оказавшись в безопасности своего кабинета, я сняла трубку и позвонила на работу Мэтту. Мне ответила женщина из их приемной, голос которой звучал скучно и устало:

– Доброе утро! Это фирма «Джон Деннинг и партнеры». С вами говорит Аманда. Чем могу быть полезна?

Я с трудом сглотнула, а когда заговорила, то мой голос приобрел странную интонацию, будто я ни с кем не общалась уже много дней. Отчасти так оно и было.

– Доброе утро! Не могли бы вы соединить меня с Мэттью Стоуном?

– Подождите, пожалуйста, – сказала она и через несколько секунд добавила. – Извините, но у нас нет сотрудника, которого зовут Мэттью Стоун.

– Попробуйте в таком случае найти в списке просто Мэтта, – попросила я. – Не уверена, как он предпочитает, чтобы его звали на работе, Мэттью или Мэттом.

Я услышала щелчок компьютерной мыши, а затем ее голос:

– Боюсь, в нашей фирме не работает человек с такой фамилией.

– Вы уверены? Он – один из ваших архитекторов.

– Простите, я здесь недавно и не знаю по именам всех сотрудников. Но в базе данных он не значится.

Сквозь стеклянную дверь кабинета я видела, как появилась Люси и прочитала мою записку. Она сочувственно улыбнулась мне и жестом предложила что-нибудь попить, но я покачала головой и уставилась в монитор своего компьютера, дождавшись, чтобы помощница заняла рабочее место спиной ко мне.

Все утро я делала вид, будто работаю. Перебирала бумаги, просматривала на экране тексты документов, читала входящие электронные письма, но рассеянно, не в состоянии сосредоточиться, и уже через минуту не могла вспомнить прочитанное. Одни и те же мысли упрямо вертелись в голове. Где же он? Почему ни о чем мне не сказал? Зачем удалил все данные о себе? Но мысли могли вращаться в мозгу до бесконечности, я была не способна найти ответ ни на один из своих

вопросов.

В итоге я позвонила начальнику Мэтта.

– Извините, – небрежно ответил он, – но Мэтт уволился из нашей фирмы неделю назад.

Сердце бешено заколотилось в моей груди, и я опять испугалась, что могу упасть в обморок. Я вспомнила, как Мэтт каждое утро надевал деловой костюм и уезжал из дома на работу, а вечером охотно делился событиями дня.

– Значит, он больше у вас не работает? – задала я вопрос, прозвучавший глупо.

– Нет, не работает. Нам временно пришлось передать его проекты Дэвиду Уолкеру. А вы наш клиент? Возникла какая-то проблема?

– Нет никаких проблем. Не могли бы вы мне сказать, куда он перешел?

– Извините, но мы не можем делиться ни с кем подобной информацией.

Я положила трубку и снова уперлась взглядом в дисплей компьютера. Мне доводилось читать в газетах о людях, которые в семьях делали вид, будто продолжают работать, уже уволившись, но всегда считала это признаком какого-то нервного расстройства. И если бы Мэтт так поступал, я бы, наверное, то же самое подумала о нем. Но, вспомнив, как тщательно он уничтожил все следы своего пребывания в нашем доме, я поняла, что имею дело с совершенно иным случаем. Он явно не подавал признаков нервного расстройства, предоставив пережить его мне самой.

Глава 6

Разумеется, я не могла скрыть новость об исчезновении Мэтта от Сэма. Мы с ним начали работать в должности ассистентов примерно в одно время, сразу после получения дипломов университета. Трудились в разных отделах, и наши офисы находились по противоположные стороны огромного открытого производственного пространства. У нас не сложилось традиции часто встречаться в выходные дни, хотя порой мы с Мэттом летом приглашали его с подружкой Грейс на барбекю, и сами побывали у них в гостях несколько раз. Зато на работе мы с Сэмом поддерживали тесные дружеские отношения, помогали друг другу в случае необходимости. Я всегда полностью доверяла ему.

Еще утром в тот день он прислал мне электронное письмо: «У тебя такой вид, будто ты немного перетрудилась. Встретимся в кафетерии?»

Я выглянула из двери своего кабинета. Сэм стоял в проходе и смотрел в мою сторону. Я помахала ему рукой. Он вернулся к себе и вышел снова уже в пиджаке.

– С тобой все в порядке? – сразу спросил Сэм, как только мы сели за столик в кафетерии. Затем принес поднос и поставил передо мной чашку чая и стакан с водой. – Ты очень бледная сегодня. Что-нибудь случилось? Или просто похмелье?

Я усмехнулась:

– Не совсем так, хотя, если честно, я действительно перепила в выходные.

С благодарностью приняв чай, я пристально посмотрела на Сэма, все еще не решив, довериться ему или нет. Ненавижу людей, которые лезут в мою личную жизнь, но я твердо знала, что Сэм распускать слухи обо мне не станет.

– Это должно остаться строго между нами. Обещаешь?

– Конечно, – кивнул он.

– Дело в Мэтте. Он бросил меня. И я не представляю, где он сейчас.

Сэм несколько минут молчал. Уж не знаю, каких дурных новостей он мог ожидать, но точно не этой.

– Ничего себе! – наконец воскликнул он. – Вот уж сюрприз так сюрприз. Что произошло? Вы серьезно поссорились?

Я достала из сумки таблетки от головной боли и запила их водой из стакана.

– В том-то и проблема, что нет. Мы с ним вообще не ссорились. Но когда в пятницу я вернулась из Оксфорда, то обнаружила, что он съехал.

Я пока не собиралась вдаваться в специфические детали его отъезда, сообщать, что в доме не осталось ни одной из принадлежавших Мэтту вещей.

– А его друзья? Ты у них не спрашивала, где он?

– Все его друзья – коллеги, – ответила я. – Иногда мы ходили в рестораны с ними и их подружками, но у меня нет ни одного номера телефона. В основном мы проводили время с Кэти и Джеймсом. Если я была занята на работе, Мэтт отпрашивался в паб, чтобы повидаться с давними друзьями, но не могу же я пойти туда и начать выяснять у них, где он?

– У него есть странички в «Фейсбуке» или в «Твиттере»?

– Были, – сказала я, почувствовав, как задрожал мой голос, и поспешно допила воду. – Везде были, но он все удалил.

Сэм достал свой сотовый телефон:

– Напомни мне его фамилию.

– Стоун.

Он снова на несколько минут замолчал, набирая текст на дисплее. Сэм морщился и начинал заново.

– Я подумал, он мог «блокировать» только тебя, – объяснил он, – но действительно его данных нет ни в одной из сетей. – Сэм положил телефон в карман и стал пить кофе. – А ты не можешь позвонить ему на работу?

– Мэтт и с работы ушел.

– Что? Мне казалось, ему там нравится.

Я промолчала. Да, ему действительно нравилась его работа. Да и сам он, обладая легким характером, располагал к себе людей. В той фирме Мэтта все устраивало. Но теперь приходилось иметь в виду и другое: я ведь думала, что и дома он был вполне доволен жизнью и даже счастлив.

– И ты понятия не имеешь, куда он перешел от них?

– Нет. Ни малейшего, – призналась я.

– А среди его знакомых нет ли кого-нибудь с криминальными наклонностями? Может, он поэтому скрывается?

– Мэтт? Невероятно! Совершенно не в его духе.

– Знаю, он сам не принадлежит к подобным типам, но случайности возможны. Он не мог крупно задолжать, например?

– Сомневаюсь. Пару недель назад я брала его кредитную карточку, чтобы снять немного денег через банкомат, и у него был положительный баланс в несколько тысяч долларов. Кроме того, насколько мне известно,

Мэтт отложил приличную сумму наличными, но его текущий счет оказался бы пуст, набери он долгов, не так ли?

– Да. А он не мог стать невольным свидетелем чего-то? Присутствовать при совершении убийства или иного преступления, столь же опасного?

Я в изумлении уставилась на Сэма:

– Ты предполагаешь, что его спрятали по программе защиты свидетелей? Думаешь, они защищают Мэтта, чтобы он смог дать показания в суде? И он ни словом не обмолвился мне об этом?

Сэм выглядел немного смущенным.

– Я ничего не берусь утверждать, не говорю, что произошло нечто подобное. Просто перебираю все возможности.

– Он бы непременно со мной поделился. Но... Ты считаешь, мне следует обратиться в полицию?

– Только в том случае, если, по твоему мнению, с ним могло случиться несчастье. – Сэм заметил, насколько я встревожена, и поспешил мягко добавить: – Но, судя по всему, Мэтт действительно ушел от тебя, Ханна. Полиция ничего не изменит. Он не прихватил твоих вещей, я надеюсь?

Покачивая головой, я ответила:

– Он увез только свои, и больше ничего.

– В таком случае не следует привлекать полицию. Вероятно, Мэтт переехал к своей мамочке. Именно так все и делают. Отправляются туда, где им всегда рады.

– Он бы к ней не переехал.

К счастью, Сэм не спросил, откуда мне это известно, потому что уверенности ни в чем у меня не было. Но ведь Мэтт покинул родительский дом в восемнадцать лет, а сейчас он вдвое старше. Разве мог он вернуться жить с матерью?

– Но есть и хорошие новости, – сказала я с напускной оптимистической интонацией. – Меня скоро могут назначить директором!

Лицо Сэма расплылось в широченной улыбке:

– Великолепно! Я знал, что ты добьешься повышения раньше меня.

– Давай подождем, когда это случится. Пока никаких решений не принято.

– Не важно. Расскажи мне обо всем. Что они тебе пообещали?

Следующие десять минут мы провели, анализируя подробности моего разговора в Оксфорде, но факт оставался фактом: я бы легко отказалась от нового назначения, если бы смогла вернуть Мэтта, и сочувственный взгляд Сэма доказывал, что он это понимает.

Когда я сидела в кабинете и бессмысленно смотрела в окно, Сэм снова навестил меня.

– Скажи мне, Ханна, вы с Мэттом выплачивали совместно ипотеку?

– Почему у тебя вдруг возник подобный вопрос?

– Потому что ты не сможешь урегулировать выплаты, не зная, куда он делся.

Я покачала головой:

– Дом целиком принадлежит мне. А своими финансами каждый распоряжался самостоятельно.

До встречи с Мэттом я прожила в доме много лет, сохранив его в собственности, а он лишь давал мне деньги на оплату ежемесячных счетов за коммунальные услуги. Дом купил мне отец. Это была взятка с его стороны, чтобы я почувствовала себя обязанной сдать все экзамены с первого раза и получить диплом бухгалтера, то есть весьма достойную, с его точки зрения, профессию. Порой я понимала, насколько мне повезло, но в иные дни, когда работа действовала мне на нервы, фантазировала, как могла бы сложиться моя жизнь, сделай я выбор сама.

– У Мэтта тоже есть дом, но в Лондоне, и он сдает его, – добавила я. – Успел купить и обустроить жилье буквально накануне переезда на работу сюда. Ты должен помнить. Когда мы с ним встретились, он все еще продолжал жить там, а я каждые выходные ездила к нему.

Мой голос дрогнул при воспоминании о поездках в Лондон по пятницам. Я отправлялась на вокзал прямо из офиса, с дорожной сумкой, надев свое самое красивое нижнее белье, хотя знала, что Мэтт сорвет его с меня уже через пять минут после моего появления. Те уик-энды мы всегда проводили счастливо, как маленькие медовые месяцы. Через несколько месяцев Мэтт начал подыскивать себе работу в Ливерпуле.

– Я думала, что мы поженимся, а потом продадим оба наших дома и купим новый, большой. Мы часто обсуждали с ним подобную перспективу.

Но тут я осеклась, потому что до меня дошло – я не помнила, когда мы разговаривали на эту тему в последний раз. Мэтт изучал цены на недвижимость в нашем районе несколько месяцев назад, в канун Рождества, но стоило мне предложить ему продать свой дом, он ответил, что делать это сейчас неразумно. Цены поползли вверх, а если бы он продолжил сдавать свое жилье еще какое-то время, то смог бы полностью выплатить ипотеку. Я не стала с ним спорить. Мне и в голову не приходило, что у Мэтта могли быть особые причины не расставаться со своей собственностью. Но какой смысл думать об этом сейчас? Он приводил

убедительные аргументы спокойным тоном, и не возникало ни намека на то, будто он строит какие-то свои планы, собирается сбежать от меня.

– А ты не считаешь, что Мэтт мог перебраться обратно в Лондон, если у него там по-прежнему жилье?

– Едва ли, – ответила я. – У него договор со съемщиками еще на год. Они продлили его месяц назад.

И все же, как только Сэм вернулся к себе, я позвонила по номеру городского телефона Мэтта в Лондоне. Я ни разу не вспоминала этот номер со дня переезда Мэтта ко мне, но он с легкостью всплыл в моей памяти. Мне запомнился сам по себе ритм, который я выстукивала по кнопкам аппарата, и радостное возбуждение, возникавшее при каждом звонке. Когда ответила девушка, снимавшая дом и говорившая с бруклинским акцентом (где-то на заднем плане раздавался плач ее ребенка), я просто повесила трубку.

Я не ошиблась. Мэтта там быть не могло.

Глава 7

Домой я возвращалась в подавленном настроении. Задержалась на работе как можно дольше, пока не остались в помещении одни лишь уборщицы. Я заметила, как одна из них бросила на меня взгляд, исполненный жалости. Но не могла же она знать, какой стресс я переживаю? А меня раздражала необходимость работать и одновременно соображать, где еще попытаться найти Мэтта. Женщина отвела взгляд и чуть покраснела, но мне этого оказалось достаточно. Не хватало еще, чтобы посторонние люди жалели меня! Я отодвинула кресло и взяла плащ. Продолжу строить догадки дома.

Я открыла дверь, чувствуя себя взломщиком, незаконно проникнувшим в чужое жилище. Отопление было отключено, и, хотя уже заканчивался апрель, воздух внутри был прохладный. Пока Мэтт жил здесь и возвращался с работы раньше меня, я входила в ярко освещенный и шумный дом. В одной из комнат звучала музыка, в другой работал телевизор, а радио в ванной наверху оставалось включенным, даже если там никого не было.

Услышав, что я пришла, Мэтт выходил в холл, чтобы поцеловать меня. Мы садились в кухне и обсуждали события дня, потом смотрели какой-нибудь фильм, слушали музыку или вместе с Кэти и Джеймсом отправлялись в паб пропустить по стаканчику. Сегодня дом казался темным и мрачным, потому что я осталась в нем одна. Я переходила из комнаты в комнату, включая везде свет, настроив телевизор на какую-то программу, но, как ни старалась, ощущение пустоты не исчезало. Полной пустоты. Словно я тоже была всего лишь пустым местом.

Я включила отопление в гостиной и села на диван, закутавшись в плед, чтобы согреться. По телевизору показывали очередную серию «Коронейшн-стрит», и я неожиданно кое-что вспомнила. До знакомства с Мэттом я пару лет ни с кем не встречалась и вечерами часто сидела в такой же позе, смотрела телевизор, не вникая в суть происходящего, и мечтала начать иную жизнь. Лучшую жизнь.

Когда же мы с Мэттом впервые встретились, все вокруг утратило сумрачный цвет, внезапно заиграв полной палитрой красок. Я больше не чувствовала себя одинокой, и, наверное, одного этого стало бы для меня достаточно, чтобы полюбить Мэтта. Если раньше в доме что-нибудь ломалось, я не знала, что делать. Могла провести целый вечер в раздумьях,

стоит ли попытаться заняться ремонтом самой (безнадежное дело) или все же заплатить кому-то за починку. Но кого вызывать? И сколько денег с меня возьмут? Где искать номер телефона? Откуда мне знать, что им можно доверять? Так я могла сидеть часами, обкусывая ногти, надеясь, молясь, чтобы кто-то вдруг появился, помог мне, полюбил меня, наладил бы мое существование.

И вот возник Мэтт и осветил меня своим сиянием. А теперь с его уходом все выглядело даже более тусклым, чем прежде.

Тем вечером я рано легла спать, отодвинувшись как можно дальше от того края, где обычно спал Мэтт, и только свет моего планшета для чтения мерцал между одеялом и простыней. Если бы мне удалось сосредоточиться и лежать очень тихо, я, вероятно, смогла бы вообразить, будто ничего не изменилось.

Я так привыкла к присутствию Мэтта в доме. Он переехал ко мне через несколько месяцев после знакомства. А встретились мы с ним во время отпуска на Корфу. Оба купили групповые туры и заметили друг друга еще в зале ожидания аэропорта, сидя вместе со своими попутчиками и дожидаясь запаздывавшего, но обещавшего стать, как обычно, буйным и пьяным, перелета в Грецию. В группе с Мэттом летели товарищи по работе, и он стоял среди них, а его лицо казалось напряженным и усталым. Выглядел так, словно действительно нуждался в хорошем отдыхе. Зато его друзья уже начали веселиться от души, намереваясь взять все возможное от кратковременного пребывания вместе и вдали от жен с детьми. Бросалось в глаза, как Мэтт старается поддерживать их жизнерадостную беседу, но его мысли витают где-то далеко.

Вероятно, я слишком пристально смотрела на него, хотя потом отрицала это. Вскоре я заметила, как он сам изредка посматривает на меня, а это всегда забавно, если привлечший твое внимание мужчина притворяется, будто ты его совершенно не интересуешь. В самолете мы сидели в одном ряду через проход. Когда Мэтт отлучился в туалет, мой сосед перебрался в его кресло, чтобы поболтать с приятелем, а вернувшемуся Мэтту ничего не оставалось, как сесть рядом со мной. За несколько минут мы уже успели обменяться информацией, что ни с кем не поддерживаем интимных отношений, а затем выяснили – нас поселили в один отель. Изначально я должна была делить номер с другой девушкой и не могла поверить в свою удачу, когда он оказался в моем единоличном распоряжении. Разумеется, тогда я не догадывалась, как подобное могло произойти.

С того момента мы стали неразлучны.

В то время Мэтт работал в Лондоне, а я – в той же фирме, где и сейчас. Каждый вечер мы часами разговаривали по телефону, а потом наступала пятница, и поезд уносил меня к нему в столицу. Я сходила по нему с ума и надеялась, что он испытывает ко мне те же чувства. Мэтт не сразу признался мне в любви, но я заведомо знала, когда дойдет и до этого. Сама же буквально прокричала о своей любви к нему однажды вечером, лежа с ним в постели, и хотя мы оба зашлись от смеха, я не сомневалась, что он тоже любит меня. Мэтт прижал меня к себе, а я лукаво прошептала ему на ухо: «Это была шутка», но он снова рассмеялся и поцеловал меня. Затем какое-то время ни один из нас больше не заводил речи о любви, но с того вечера наши отношения стали по-настоящему трепетными. Мне даже нравилась сдержанность Мэтта. Он словно специально тянул с этим, и потому я лишь серьезнее воспринимала происходившее между нами. По пути домой из Лондона прислонялась щекой к оконному стеклу, закрывала глаза и воображала, как он скажет, что любит меня.

Но, конечно же, его признание прозвучало неожиданно. Это случилось поздно вечером в пятницу, в тот редкий уик-энд, который мы решили провести порознь. Мне стало тяжело постоянно уезжать на все выходные. Приходилось ходить по магазинам и делать уборку вечером в будние дни, и в моем доме стали отчетливо заметны признаки беспорядка. Мэтту предстояло подготовиться к какой-то важной встрече в понедельник, и мы согласились, что для обоих будет лучше назначить следующее свидание в Лондоне через пятницу.

В тот вечер я действительно очень устала и была рада возможности никуда не уезжать. После того как мы поболтали по телефону, я легла на кровать, вытянувшись на ней по диагонали, посылая Мэтту короткие текстовые сообщения и смеясь над его ответами. Так и заснула с мобильником в руке.

А вскоре очнулась, потому что в дверь позвонили. Я вздрогнула и посмотрела на часы. Было около четырех часов ночи, и за окнами царила кромешная тьма. Выглянула в окно, но ничего не разглядела. Накинув халат, спустилась вниз. Думала, что это Шейла из соседнего дома. Может, у них кто-то серьезно заболел?

Я открыла дверь. Передо мной стоял Мэтт.

– Говори об этом! – потребовал он. – Говори же!

Я смотрела на него в недоумении.

– Как ты здесь оказался?

– Говори, – повторил он. – Просто скажи мне. Вот и все, что мне

нужно.

– О чем ты? Что я должна тебе сказать?

– Что любишь меня.

Он выглядел изможденным, но глаза горели.

– Ты любишь меня, Ханна?

– Конечно, люблю!

– Слава Всевышнему! Я так благодарен ему за это! – Мэтт засмеялся. –

А то мне показалось, что придется сесть за руль и отправляться назад.

Я обняла его и поцеловала.

– А ты? – спросила я. – Ты меня любишь?

– Я сто раз повторил тебе это.

– Ты не говорил мне о своих чувствах ни разу! – возразила я.

Но уже через тридцать секунд мы оказались в спальне, где я взяла свой телефон и прочитала пришедшее от него за ночь сообщение:

Я люблю тебя, Ханна.

Сейчас я вовсе не шучу. Я очень тебя люблю.

Я так долго ждал, чтобы признаться тебе в этом. Я люблю тебя.

Люблю. Люблю.

Ханна, а ты меня любишь?

Боже! Я сваял такого дурака, верно?

Но теперь ничто не имеет значения, потому что я люблю тебя.

Ханна? Ты не хочешь мне отвечать? Ты меня игнорируешь?

Пожалуйста, не надо!

Мэтт лежал со мной в постели, смотрел, как я читаю его признания, и смеялся до слез. Я и сама готова была разрыдаться от счастья.

А потом я притянула его к себе, прижалась к нему и продемонстрировала, как крепко люблю.

Я крутилась в постели с мокрым от слез лицом, с шумом в голове, как было в ту ночь. Поняла, насколько скучаю по нему, как мне не хватает его рядом, недостает возможности поговорить с ним. Мне нужно было, чтобы Мэтт протянул руку и погладил мои волосы, хотелось прижаться лицом к его ладони, почувствовать прикосновение пальца к моим губам перед поцелуем. Он действительно любил меня. Как же мог бросить, не сказав мне ни слова?

Я взяла телефон с прикроватного столика. Захотелось посмотреть на его фотографию, на что-то, напоминавшее о тех счастливых мгновениях. И

еще. Мне стало важно увидеть его, понять, было ли в его лице нечто вроде странного выражения глаз, например, что послужило бы предупреждением: он со мной несчастлив. Предостережением: он может уйти.

Но я застонала, осознав невозможность исполнения своего желания.

Папки с фотографиями подверглись той же манипуляции, что и тексты. В моем телефоне не осталось ни единого снимка Мэтта. У меня все было тщательно рассортировано по альбомам, и тот, что носил название «Мы», где хранились наши снимки, оказался удален, как и тот, что я озаглавила «Мэтт». Я лихорадочно просмотрела остальные папки, выводя на дисплей одно фото за другим, но на них отсутствовала даже его тень.

Рядом с планшетом для чтения лежал мой айпод. То же самое проделали и на нем. Все снимки Мэтта удалили.

Внизу в холодной гостиной я достала из сумки-чехла свой портативный компьютер. У меня была полезная привычка непременно все дублировать, но и здесь тоже поработали на славу. Нужные мне папки оказались пусты. Хотя снимки Кэти, университетских друзей и мои собственные остались нетронутыми. Исчезли наши фото вдвоем, которые Мэтт просил сделать специально, сцены с различных вечеринок и все прочее. Ни единого изображения празднования Рождества или дня рождения. Лучшая часть моей жизни была безвозвратно утрачена. Стерта. Будто четыре последних года я либо провела одна, либо не жила вообще.

И это сделал он сам. Он все у меня забрал.

Я откинулась на диване. Злость болезненно обжигала мне лицо. Почему Мэтт так поступил? Еще можно было понять, зачем он забрал все свои вещи, но для чего понадобилось уничтожать воспоминания? Все его снимки, сообщения исчезли. Не осталось ни одного электронного письма. Не затерялась в шкафу хотя бы одна его футболка, в которых я любила спать, заменяя ими ночные сорочки. В кухне не нашлось бы кружки Мэтта, чтобы поддержать ее в руке. Сколько понадобится времени, прежде чем я забуду его лицо, перестану помнить слова, обращенные ко мне?

Внезапно меня словно током ударило. А если Мэтт так же обработал свой телефон, компьютер, стерев из них все мои фотографии? Если я тоже вскоре стану для него лишь смутным воспоминанием из прошлого? Я представила, как он уничтожает меня. С каким выражением лица он удалял образ за образом из четырех последних лет своей жизни? Стирал лицо женщины, которую на словах очень любил. Если бы вдруг Мэтт оказался в тот момент передо мной, я могла бы... Даже не знаю. Я была способна на все.

Вспомнила, что он мне говорил, охотно вроде бы общался со мной,

зная – отлично зная! – как собирается поступить. Но мне все равно не хотелось бы запомнить его таким. Если бы Мэтт умер, я бы вспоминала только хорошее, те времена, когда мы вместе смеялись, проводили время, сидели рядом на диване, касаясь друг друга, и рассказывали, как каждый из нас провел прошедший день. Мысли о тех минутах стали для меня невыносимыми, окрашивались черной краской, приобретая приметы обмана, разрушавшего все хорошее. И сквозной нитью проходило: он уже тогда все планировал? Тогда все продумывал?

Например, за неделю до его исчезновения мы пошли ужинать в индийский ресторан. Неужели Мэтт знал, что больше никогда не вернется туда? И лежа рядом со мной в постели ночью, испытывал ли облегчение от скорого и желанного избавления от меня?

Это были моменты, когда я постепенно умирала для него, верно? Еще один поцелуй, и меня не станет. Только я об этом даже не догадывалась.

А потом я вспомнила, где все-таки могла найти его фотографию. Несколько лет назад, незадолго до знакомства со мной, Мэтта пригласили в старый лондонский университет, который он окончил, чтобы рассказать студентам о практической работе архитектора. Он провел там целый день, рассматривая и оценивая проекты будущих зодчих, давая рекомендации, как лучше всего подавать заявления о приеме на работу. Потом взахлеб делился со мной, что получил истинное наслаждение, встретившись со студентами и не без гордости повествуя им о том, как провел годы, разделявшие студенчество и сегодняшний день.

Я зашла на сайт университета и начала поиск. Прежде я видела тот снимок лишь однажды, и в тексте его фамилия не значилась, поскольку тогда университет посетила большая группа бывших выпускников, а потому найти кадр, введя «Мэтт Стоун», не удалось. Велика была вероятность, что фото вообще убрали. Ведь встреча состоялась более пяти лет назад. Я сканировала сайт, затаив дыхание, переходя со страницы на страницу, стараясь вспомнить, каким образом мне удавалось открыть изображение раньше.

А потом оно внезапно само возникло на дисплее. Группа студентов разглядывала какие-то архитектурные чертежи, и Мэтт стоял рядом с ними, указывая молодым людям на что-то. Он улыбался широко и радостно, заставив всех улыбаться вместе с собой. А двое парней даже смеялись.

Я скопировала снимок в фотошоп и обрезала так, чтобы на нем остался один Мэтт. Затем увеличила и распечатала на листе бумаги. Снова легла в постель, держа его перед собой. Мэтт выглядел таким же, как при нашей первой встрече. И теперь я поняла, что по-прежнему очень люблю

этого человека и постараюсь найти его.

Глава 8

Неделя прошла без особых событий. Кэти уехала в Шотландию. Она занималась сбытом фармакологической продукции и последние несколько месяцев часто рассказывала мне о предстоявшей конференции. Перейдя в фармацевтику из другой сферы торговли, Кэти отчаянно пыталась добиться успеха на новом поприще. И я не сомневалась, что ей это удастся. Когда Кэти ставила перед собой цель, то неуклонно шла к ней и всегда осуществляла задуманное. Я скучала по ней. Для меня стало привычным, что она всегда доступна для разговора по душам, но на той неделе, пусть она и звонила мне несколько раз, мы не могли, как обычно, подолгу изливать друг другу душу.

– Меня ждут в ресторане отеля, – сказала Кэти, когда я позвонила ей в среду днем. – Через минуту мне пора бежать, извини.

– Но разве у тебя совсем не бывает свободного времени? – спросила я, с отвращением слыша в своем голосе откровенное нытье. – Я тут просто схожу с ума, Кэти. Не могу сосредоточиться на работе, а дома пусто и уныло. И больше нет никого, с кем можно хотя бы поболтать. Пожалуйста... – Пожалуйста, Кэти. Найди для меня немного времени.

– Прости. – Я уловила в ее ответе отголоски чувства вины и стресса. – Почему бы тебе не позвонить Фрэн? Она с удовольствием пойдет с тобой куда-нибудь выпить. Ей всегда нравится ужинать вне дома. Или Дженни...

– Не хочу даже рассказывать им, что Мэтт ушел от меня, – пробормотала я.

– Так не рассказывай! Просто выйди с ними проветриться, а о нем даже не упоминай.

Я молчала. Ее предложение не стало для меня выходом из положения.

Кэти вздохнула:

– Мы закончим сегодня очень поздно, как обычно. Уже после полуночи. Меня не поймут, если я уйду раньше. Ты же знаешь, как все происходит. На таких конференциях ты заводишь полезные знакомства, сходишься ближе с нужными людьми. А после разговора с тобой я так расстраиваюсь, что не могу уснуть. Сейчас мне нельзя себе этого позволить. Тебе ведь знакомы такие ощущения, верно?

Она была права. Мы обе знали, что стоит мне начать разговор с ней, и я буду плакать и часами жаловаться на жизнь, сама сознавая, насколько ужасно звучат мои слова. Понимала я и то, как напряженно сейчас

складывается ситуация у нее. Она должна выспаться, чтобы утром находиться в хорошей форме. Кэти заранее объяснила мне, как будет проходить конференция. Целый день работы и вечер неформального общения. Джеймс тоже сказал: «Надеюсь, ты найдешь минутку, чтобы позвонить мне», а она рассмеялась и ответила: «Разумеется, если тебе нравятся телефонные звонки в шесть часов утра!» Я старалась убедить ее не воспринимать все серьезно. Обычная конференция, но Кэти отреагировала неожиданно резко: «Легко тебе так говорить, Ханна! Ты зарабатываешь намного больше меня и сама постоянно участвуешь в таких «обычных конференциях». Но там мне выпадает шанс показать себя с самой лучшей стороны, и я не должна упускать его».

Я не стала напоминать ей о корпоративной ситуации, ее медицинской страховке или ежегодной премии, в два раза превышавшей ту, что получала я. Стоило ей однажды увидеть чек с суммой моей зарплаты, и она уже не могла воспринимать все иначе.

– Хорошо, – произнесла я. – Не беспокойся ни о чем.

– Ты поставила в известность родителей, что Мэтт бросил тебя?

– Нет, – ответила я. – Мне и так слишком плохо. А они начнут во всем винить меня же, и станет еще хуже.

– Не глупи. Твои старики – чудесные люди. – Непрошибаемый аргумент, против которого не возразишь. – И потом, в чем им тебя винить?

– В том, что не сумела удержать его. Папа никак не может смириться с нашей совместной жизнью вне брака.

Не знаю, на кого он возлагал больше ответственности – на меня или на Мэтта. Впрочем, будь мы женаты, сейчас нам пришлось бы разводиться, а это тоже едва ли понравилось бы папочке. Он ведь из того поколения отцов, для кого традиции семьи значат очень много. Поначалу, когда Мэтт переехал ко мне, папа вообще не желал с ним общаться, а меня предупредил, чтобы не передавала ему никаких прав на недвижимость, пока мы не вступим в законный брак, словно от Мэтта можно было ожидать любого подвоха. Задним числом мне оставалось лишь радоваться, что я последовала совету отца.

А потом я снова заплакала, прямо в своем кабинете со стеклянными стенами, отделявшими его от других офисов, и слезы капали на клавиатуру моего компьютера. Я сгорбилась над телефоном, положив локти на стол. Сообразила, что Люси заметила, в каком я состоянии, потому что уже через минуту после того, как я положила трубку, она принесла мне чай. Через пять минут все в отделе будут судачить обо мне, это неизбежно.

Кэти все же перезвонила.

– Ханна, – ее голос звучал мягко, – не плачь, не надо. Я понимаю, какой ты пережила тяжелый удар, но тебе лучше смириться с уходом Мэтта.

Я достала бумажные носовые платки, чтобы протереть глаза.

– Ведь еще недели не прошло!

– Конечно, но нельзя отрицать, что все складывается не слишком благополучно для тебя, правда? Если он почувствовал необходимость уйти именно таким образом, значит, был несчастлив. Прости, но мне кажется, ты должна была предчувствовать, как это назревает.

– Как я могла такое предчувствовать? Он твердил, что любит меня. Клялся любить вечно.

– И ты ему верила?

– Конечно же верила! – воскликнула я. – С чего мне было не верить ему?

– Они все говорят одно и то же, пока отношения складываются нормально. Но вот только длиться это может не так уж долго.

Я молчала.

– Ладно, не будем больше об этом, – продолжила Кэти. – Почему бы тебе не прийти к нам в воскресенье вечером? Приготовим кари, немного выпьем.

– А как же Джеймс?

Возлюбленный Кэти всегда вызывался между мной и Кэти невидимым барьером. Мы познакомились с Джеймсом одновременно с ней, когда нам было семнадцать лет, готовясь поступать в университет. И нравился он нам обоим. Но я первой стала встречаться с ним. Однажды Джеймс пригласил меня в бар. Мы стали неразлучны с ним в летние месяцы после окончания средней школы. Но вскоре расстались. Я уехала в Австралию, чтобы позднее выбрать университет в другом городе, далеко от того, где продолжал образование Джеймс. Мы не виделись несколько лет.

Однажды я лежала с Мэттом в постели у него дома в Лондоне, когда позвонила Кэти и сообщила, что накануне вечером столкнулась с Джеймсом в одном ночном клубе Ливерпуля. По ее тону я поняла: между ними возникла связь. У нее даже голос изменился, звучал взволнованно и радостно, но присутствовало в нем и нечто другое. Позднее я догадалась, что она сильно нервничала. Но я в тот момент постоянно отвлекалась, потому что Мэтт, слушая наш разговор, то и дело целовал меня в обнаженное плечо. Мне трудно было сосредоточиться на чем-либо еще. Да я и не хотела ни на чем больше сосредотачиваться. Кэти говорила о том,

как много общего оказалось у них с Джеймсом, сколько тем для обсуждения они нашли в первый же вечер. Она прямо спросила его, придавал ли он значение тому времени, которое провел со мной несколько лет назад, и он ответил: «Ни малейшего». Это признание далось ей не без труда, и я почувствовала, как Кэти собирается с духом, чтобы продолжить.

Он даже ни разу не упомянул твоего имени, добавила она, не интересовался, чем ты занимаешься и где живешь. Я понимала, как Кэти радовалась этому обстоятельству, но, если честно, тогда мне было безразлично. Мной владело одно стремление – как можно скорее закончить беседу и снова упасть в объятия Мэтта, чтобы снова заняться с ним любовью, а мы предавались ей уже несколько часов подряд. Кэти успела лишь спросить, не вызывает ли у меня ревности ее роман с Джеймсом.

Я поспешила заверить, что она может поступать, как посчитает нужным, и пожелала удачи в амурных делах. Кэти произносила последние фразы возбужденно и с явным облегчением, а я потом даже не вспоминала об этом разговоре. Лишь через неделю, когда до меня дошло, что мы с ней ни разу не пообщались за семь дней, я осознала, насколько все серьезно у Кэти с Джеймсом.

Странно, но и он, и я чувствовали себя гораздо лучше теперь, чем в то время, когда были близки. Я действительно не возражала против ее отношений с Джеймсом, хотя порой все же возникала взаимная неловкость. Особенно если я навещала их без Мэтта.

– Не волнуйся о Джеймсе! – небрежно бросила Кэти. – Я только что рассказала ему о случившемся с тобой, и мы сможем все обсудить, не стесняясь его присутствия.

– Ты ничего не стала ему рассказывать в прошлую субботу, когда приезжала ко мне?

Возникла пауза.

– Ханна, я же знаю, что ты терпеть не можешь, когда я делюсь с Джеймсом подробностями твоей личной жизни. Мне показалось, ты и сама не хотела бы, чтобы он сразу все узнал.

Но прошло несколько дней, и она посвятила его в суть моих проблем. Мне действительно не нравилось думать о том, как они обсуждают между собой мои дела, хотя до недавнего времени причина крылась в наших юношеских отношениях с Джеймсом и ни в чем другом. Но при мысли, что они мусолят историю с Мэттом, гадают, почему он бросил меня, я испытала пренеприятное чувство. Потом, правда, вспомнила, что в последние дни Кэти находилась далеко от дома, была очень занята и едва ли располагала временем на долгие беседы с Джеймсом о чем-либо.

вообще, а уж обо мне – тем более.

Мы договорились, что я приду к Кэти домой в семь часов вечера в воскресенье. Отказавшись от приглашения, я рисковала еще не скоро снова увидеться с ней.

Вместо того чтобы проехать несколько миль, разделявших Ливерпуль и мой дом, я остановилась в центре города и отправилась на прогулку по опустевшим улицам, чувствуя грусть и уныние. Но мысль о возвращении домой казалась нестерпимой. Зашла в универмаг и купила книгу, а затем уселась на диванчике в баре с бутербродом и напитком, проторчав там до восьми часов, когда заведение закрывалось. Если бы бар работал круглосуточно, я бы, наверное, задержалась там на всю ночь.

Дома я сразу поднялась наверх, в спальню, стараясь отводить взгляд от любых примет его ухода. Включила лампу со своей стороны постели и отправилась в ванную принять душ. Высушила волосы феном и надела пижаму. В доме царила тишина. В постели я легла подальше от стороны Мэтта и опять погрузилась в размышления, почему он ушел от меня.

Когда Мэтт получил работу в фирме «Джон Деннинг и партнеры», а потом переехал ко мне, я была переполнена надеждами на самое светлое будущее. Много лет не встречала я никого, кто бы так понравился мне. И дом стал другим, наполнился новой жизнью. Мэтт от души посмеялся над моим стареньким телевизором и сразу отправился покупать самый современный, сказав, что свой оставит в Лондоне для жильцов. Помню, как мы распаковали покупку, а пустую коробку позднее сдали в центр сбора и переработки вторичного сырья. Нам пришлось основательно потоптаться на картоне в саду, чтобы сплющить его и поместить в машину, но мы все равно недооценили размеры коробки и постоянно натыкались головами на ее углы, пока везли до пункта приема. К моменту прибытия туда это так нас насмешило, что мы долго хохотали, и, по-моему, рабочие приняли нас за пьяных. Новый телевизор отливал черными и серебряными гранями. В первый же вечер мы смотрели фильм за фильмом, а я шутила, подражая голосу престарелой леди: «Ах, до чего же я обожаю этот синематограф!», заставляя Мэтта смеяться.

Я перевернулась на кровати и посмотрела на его подушку, такую теперь гладкую и нетронутую. Протянула руку и прикоснулась к ней, вспомнив, как Мэтт лежал рядом и разговаривал со мной. Интересно, что он сказал бы, окажись здесь сейчас? Объяснил бы, почему ушел, или просто закрыл бы глаза, зло поджав губы? Так он делал всегда, если между нами возникали размолвки.

Но я не позволяла себе никаких тягостных воспоминаний. Мне хотелось воскресить в памяти минуты, когда Мэтт выглядел счастливым, веселым и заботливым. Любившим меня.

Неожиданно в дверь позвонили. Я посмотрела на будильник. Десять часов. Кто мог явиться ко мне в столь поздний час? Разумеется, Мэтт! Он вернулся! Я знала, что так и будет! Я буквально скатилась вниз по лестнице к входной двери. Я прочно заперла ее на засов, вернувшись домой, никак не предполагая возможности его возвращения.

– Мэтт? – крикнула я. – Подожди минутку!

У меня от волнения тряслись пальцы, когда я с усилием отодвигала неподатливый засов. Повернув ручку, распахнула дверь настежь.

На пороге стоял Джеймс.

– Джеймс? – воскликнула я.

До меня только сейчас дошло, что на мне была только короткая полупрозрачная пижама, и я поспешила укрыться за створкой двери.

– У тебя все в порядке?

Он кивнул и спросил:

– Могу я войти?

– Да. Да, конечно. Иди в кухню. Я спущусь к тебе через минуту.

Я кинулась в спальню и надела домашний халат, гадая, зачем он явился. Когда я спустилась в кухню, Джеймс рассеянно мерил ее шагами, открывая шкафы, выдвигая ящики. Теперь я поняла цель его визита.

– Прости за вторжение, – произнес он, заметив, что я уже наблюдаю, как он изучает содержимое стенного шкафа, где у меня хранился пылесос.

– Зря стараешься. Там ты его не найдешь, – сказала я.

– Но что произошло? Кэти говорит, он пропал.

Я покраснела от унижения.

– И ты даже ни о чем не догадывалась, – продолжил Джеймс. – Не предвидела ничего подобного?

– Ты последний, от кого я хочу слышать такой вопрос! Мне хватило беседы с Кэти!

– Что ж, буду честен. Это совсем не то, чего я мог бы ожидать от Мэтта. – Он открыл дверь кладовки и заглянул в нее.

– Там его тоже нет! – резко бросила я.

Но он все равно посмотрел за дверь, словно Мэтт при его росте шесть футов мог притаиться за ней.

– Просто проверяю на всякий случай, – объяснил он.

– Спасибо, но в этом нет необходимости. Неужели ты думаешь, я не осмотрела весь дом?

Джеймс пожал плечами:

– Мне кажется естественным желание все увидеть своими глазами.

– Своими глазами ты можешь увидеть, что Мэтт забрал с собой принадлежавшие ему вещи.

Он вышел в холл и оглядел стены, где прежде висели джазовые плакаты.

– Но ведь это очень странно, правда?

– Еще бы!

Хотя не менее странно было искать Мэтта в кладовке, как играющего в прятки мальчишку. Джеймс промолчал, но открыл дверь гостиной и осмотрел ее тоже.

– Ты рассчитываешь увидеть что-то, чего я не заметила?

– Я просто подумал, что если с ним что-нибудь случилось...

– Что, например?

Он покачал головой:

– Я всего лишь обеспокоен.

– Я тоже, – сказала я и вдруг сообразила, с кем именно разговариваю.

Мне ни в коем случае нельзя было показывать Джеймсу, как я расстроена.

– То есть была обеспокоена, хотя это продолжалось ровно минуту. Но как только убедилась, что он собрал свои вещи вплоть до последней мелочи, все мое беспокойство исчезло. Трудно переживать за человека, унесшего из дома свои пожитки и ушедшего, никого ни о чем не предупредив. Даже не трудно, а бессмысленно.

Он уставился на меня, и я встретила с ним взглядом.

– Наверное, так и есть, – промолвил он. – Вот только почему он ничего не сообщил мне?

– Или мне! Ладно, мне нужно идти спать. Его здесь нет. Придется тебе поверить мне на слово.

– Хорошо, – кивнул Джеймс. – Но если тебе что-нибудь понадобится, можешь смело обращаться. – Он задержался в дверном проеме. – Ты расскажешь Кэти о моем приходе?

Я представила реакцию Кэти, если она узнает, что ее мужчина приходил сюда поздним вечером, застав меня полуодетой, пока ее самой не было дома. Хотя прошло много лет с тех пор, как мы с Джеймсом поддерживали интимные отношения, я понимала, что воспоминания все еще грызли ее. Мы старались не возвращаться в разговорах к тому периоду нашей жизни. Ей нравилось думать, будто они с Джеймсом стали парой, и это изначально было предназначено судьбой. Узнав, что Джеймс не

удержался и проведal бывшую возлюбленную, Кэти в приступе ревности могла найти способ заставить поплатиться за это и его, и меня. Причинить неприятности нам обоим.

– Нет, – ответила я. – Джеймс, я действительно очень устала и хочу спать. Клянусь, я ни о чем не расскажу Кэти, но при условии, что ты уйдешь отсюда немедленно.

Я стояла на пороге своего дома и наблюдала, как его машина скрылась в дальнем конце улицы. Разумеется, это станет не первым секретом, которым я не поделюсь с Кэти. Нельзя сообщать обо всем даже лучшей подруге. Хотя я всегда испытывала мучительную неловкость перед ней. По крайней мере, по поводу сегодняшнего эпизода уж точно. Я заметила в поведении Джеймса нечто необычное. Злость, какой он давно не проявлял при мне. С тех самых пор, когда мы были очень молоды.

Глава 9

Я провела одна уже восемь ночей, и все они показались мне пыткой. Без привычного тепла тела Мэтта ночи тянулись бесконечно долго, и я ощущала тягостное одиночество. После его ухода я начала обращать внимание на то, что проходило мимо меня прежде, не оставляя впечатления. Например, когда бы ни просыпалась посреди ночи, лежа в постели вместе с Мэттом, я слышала в его дыхании какой-то не совсем обычный звук. Я начинала подстраивать свое собственное дыхание в попытке добиться такого же эффекта, и уже через несколько минут снова глубоко засыпала. Теперь же я просыпалась в абсолютной тишине. И как ни напрягала слух, не слышала ничего. Спальня превратилась в одиночную камеру. Хотя даже легкое сотрясение решетки ворот за окном заставляло пугаться грабителей, пытающихся проникнуть в мой дом. И я лежала, парализованная страхом, сжимая в руке мобильный телефон, готовая в любой момент вызвать полицию, пока не успокаивалась, понимая – никто не нарушает моего покоя. Кругом ни души, и это всего лишь ветер колышет решетку, заставляя ее стучать о бетонную опору. Но даже за короткое время у меня пересыхало во рту, сердце бешено колотилось, и мне приходилось спускаться вниз, выпить стакан воды и привести в порядок расшалившиеся нервы.

Утром перед уходом Мэтта на работу я всегда чувствовала запах кофе, еще не поднявшись с кровати. Я могла какое-то время просто лежать, вдыхая аромат, и лишь затем открывала глаза, чтобы увидеть через открытую дверь, как он бреется над раковиной в ванной, сняв с себя футболку. Мэтт насвистывал в такт музыке по радио, если пребывал в хорошем настроении, или внимательно осматривал свое лицо в зеркале, когда его занимали какие-то серьезные вопросы. В комнате неизменно было тепло, и я знала, что он уже смолот кофе и включил кофеварку, выжал сок из нескольких апельсинов, нарезал хлеб на ломтики для тостера. Все это, как рассказывал Мэтт сам, вошло у него в привычку еще с детства, когда он выполнял те же обязанности, поскольку мама выдавала ему заслуженные честным трудом карманные деньги.

Теперь же я просыпалась, не ощущая ни аромата кофе, ни запаха выжатых апельсинов. А если я еще и основательно выпивала накануне, то в комнате стояло сладковатое, но тошнотворное амбре. Хотя я все равно валялась в постели до самой последней минуты, чтобы потом проворно

вскочить и начать в спешке собираться. Радио я не включала ни разу с тех пор, как услышала в душе мелодию нашей с Мэттом любимой песни (я тогда чуть не упала, попытавшись выключить приемник пальцем ноги). Кухню утром я вообще старалась обходить стороной, а для завтраков запасла на работе много «энергетических» шоколадных батончиков, зная, что Люси непременно принесет мне чашку чая даже без напоминаний.

В то субботнее утро я встала поздно. Не зная, чем заполнить день, пребывала сначала в полной растерянности. Пару часов уделила уборке, но, как выяснилось, я одна за неделю не успела почти ничего испачкать. Только Мэтт ухитрялся устраивать в доме хаос. В гостиной царил полный порядок. В последний раз я сама заходила туда в понедельник, когда посреди ночи спустилась и обнаружила исчезновение всех снимков Мэтта.

В обеденное время позвонила мама. Как только ее имя высветилось на дисплее, я отказалась принимать вызов. Сейчас мне трудно было заставить себя разговаривать с ней. Хотя они с Мэттом встречались лишь изредка, она любила его. Считала встречу с ним лучшим, что случилось в моей жизни, и не уставала повторять: я просто обязана сделать все, чтобы удержать этого мужчину, выйти за него замуж.

«Доброта – вот самое главное», – добавляла мама.

Мы обе понимали, какой смысл вкладывает она в эти слова. Если бы мама узнала о случившемся, то возложила бы всю вину на меня.

И вообще, не было пока необходимости ставить ее в известность. Я понимала, насколько безумно на что-то надеяться, но все еще ждала возвращения Мэтта домой с поджатым хвостом. Мне часто представлялась подобная сцена. Он сидит за кухонным столом и смущенно извиняется, пытаюсь улыбаться, признаваясь, какого дурака свалял, сваливая все на так называемый кризис середины жизни, повторяя, что очень скучал по мне. В таких снах наяву я воображала, как Мэтт вручает мне целую коробку наших с ним фотографий и говорит, что у него в машине осталось еще много снимков. Единственным желанием Мэтта было скорее вернуться, чтобы я простила его. Каждое признание мне в любви – чистейшая правда, и я должна ему поверить.

Предаваться мечтам удобнее всего оказалось в постели, с закрытыми глазами, пока тепло окутывавшего меня покрывала создавало иллюзию объятий возлюбленного. Когда же я спускалась вниз под холодный дневной свет, становилось значительно труднее объединить в единый образ человека, клявшегося мне в вечной любви, с мелочным мужчиной, который забрал с собой все, полностью стерев следы жизни со мной.

Предыдущий вечер я провела, обзванивая отели и спрашивая, не у них

ли остановился Мэтт. Ночью я послала Кэти сообщение:

Звонила во все гостиницы Мерсисайда. Он не поселился ни в одной из них.

Через несколько минут она отозвалась:

Он едва ли обитает сейчас где-то поблизости. Тебе нужно справиться со своей одержимостью. Он может находиться где угодно по всему миру. Пора примириться с его уходом. Люблю и целую тебя.

Я чуть не взорвалась от возмущения:

Вот уж спасибо за такую поддержку!

Кэти прореагировала немедленно:

Мне очень жаль. Просто лучшим способом отомстить ему станет забвение. Сделай вид, что тебе его уход глубоко безразличен. Знаю, это трудно, но чем меньше ты будешь думать о нем, тем легче тебе станет. Посмотри хороший фильм или почитай книгу, чтобы отвлечься от мыслей о нем. Целую.

Кэти считала любовь очень сложной штукой, порой жестокой, и давала другим советы, исходя из своей точки зрения. Я же не была уверена, что доживу до момента, когда Мэтт станет мне полностью безразличен, хотя отчасти последовала ее рекомендациям, включив телевизор, но это лишь напомнило мне о том, как он увез свою новую панель, тщательно упаковав ее. Я нажала красную кнопку пульта дистанционного управления, взяла планшет и заставила себя читать.

Позднее отправила Кэти еще одно сообщение. Меня внезапно взволновала мысль, не приходявшая в голову прежде, хотя я не могла поверить в такую возможность. И не представляла, как мне воспринимать ее, если в ней и заключена истина. Страх комком подкатывал к горлу каждый раз, когда я думала об этом.

А он не мог бросить меня ради другой женщины?

Она ответила через десять минут, я же к тому времени успела довести

себя почти до истерики, воображая Мэтта с другой. Мне представлялось, как он обнимает ее, как его горячее дыхание обжигает ей лицо, как он говорит о своей любви к ней, о вечной любви. От этих мыслей я в буквальном смысле ощущала боль.

А разве были хоть какие-то признаки, что у него завелся кто-то на стороне?

Я подумала над этим, напряженно вглядываясь в темноту холодной комнаты.

Нет.

На сей раз ответ пришел гораздо быстрее:

Постарайся не морочить себе этим голову. Уже поздно, и тебе необходимо выспаться. Мы поговорим обо всем в воскресенье.

Хорошо. Тогда до встречи.

Несколько часов я лежала без сна, вспоминая поведение Мэтта в последние несколько дней перед его уходом. Никаких отклонений от нормы. Не было ни одного момента, когда бы у меня возникли подозрения. Например, он не имел привычки прятать от меня свой мобильный телефон, хотя редко пользовался им дома. Казалось, ему безразлично, просматриваю я его или нет. Я уже давно не проявляла любопытства, не чувствуя никакой необходимости подвергать его проверкам. Сейчас приходилось лишь злиться на себя за подобную небрежность. Мэтт не казался ни более счастливым, чем обычно, ни чрезмерно взволнованным. Мне не вспомнилось ни единого признака, что он мог продумывать нечто столь радикальное, как уход из дома. Бегство от меня. Полное исчезновение из моей жизни.

Глава 10

В воскресенье утром я проснулась рано, и мысли, где же он может сейчас быть, мгновенно завладели мной. Я начала путать места, которые уже проверила, с теми, что только собиралась проверить. Обзванивая отели, по ошибке попадала в те, куда звонила прежде, и, поверьте мне, вы не получите вежливого ответа от сотрудника службы размещения, если зададите ему один и тот же вопрос дважды в течение пяти минут. Мне следовало стать более внимательной и организованной. Добиться результата было невозможно без разработки плана дальнейших действий.

Я съездила в супермаркет, чтобы пополнить запасы самого необходимого. Уже подходя к кассе, остановилась у полки с канцелярскими товарами. Это было именно то, в чем я нуждалась, чтобы облегчить себе задачу и вести записи о ходе поисков. Купила блокнот, пару пачек стикеров и несколько цветных фломастеров, а потом поспешила домой, желая скорее взяться за дело.

Остановившись рядом с воротами, я открыла багажник, чтобы достать сумки с покупками, как вдруг услышала за спиной тихое покашливание. Я буквально подпрыгнула от испуга, ударившись головой о крышку багажника.

– Осторожно! – сказала моя соседка Шейла. – Помощь не требуется?

Бормоча сквозь зубы ругательства, я отошла от автомобиля.

– Привет, Шейла! Нет, у меня все в порядке, спасибо. Здесь всего несколько пакетов из магазина.

– Может, мне позвать Мэтта?

Я повернула голову в сторону дома так быстро, что чуть шею себе не свернула.

– Мэтта? Ты думаешь, он дома?

– Не знаю, – ответила она. – А разве его нет по воскресеньям?

– Как раз сегодня его нет. Ему пришлось уехать на время.

Шейла кивнула, восприняв отсутствие Мэтта как нечто вполне нормальное. Порой он уезжал в командировки.

– Ты уверена, что справишься одна?

Я посмотрела на свою входную дверь. Шейла так часто бывала у нас дома, что, заметив отсутствие плакатов в холле, сразу почуяла бы неладное. А мне не хотелось выслушивать ее сочувственные советы.

– Да, справлюсь, – промолвила я, – но спасибо за участие.

Только сейчас я заметила чемодан, стоявший рядом с багажником ее автомобиля.

– Вы куда-то отправляетесь?

– В Озерный край на пару дней, – ответила Шейла. – Погода прекрасная, и мы решили не упускать такого случая.

– Везет вам.

Совершенно не хотелось затягивать разговор. Мне нужно было скорее оказаться дома, чтобы наладить организованные поиски.

В кухне я распаковала сумки, а потом села у стойки со стикерами и блокнотом. Оторвав от стопки первый клейкий листок, написала:

«Джон Деннинг и партнеры».

Секретарь: Аманда не знала Мэтта, его фамилии нет в компьютерном списке.

Начальник – Билл Харви – сообщил, что Мэтт уволился неделю назад.

Я посмотрела на запись. Чем же он занимался всю неделю перед уходом из дома? Как проводил дни? Я не заметила ничего необычного, хотя теперь, размышляя об этом, вдруг вспомнила, как давно не слышала, чтобы утром Мэтт напевал в ванной. Решила, что он так же завален работой, как и я. Мэтт не слишком торопился выйти из дома, но и не старался дожидаться, чтобы первой уехала я. Может, он всего лишь сворачивал за угол или крутился по нашему кварталу, возвращаясь, как только я покидала дом? Вспомнила я и о том, что на прошлой неделе Мэтт пару раз звонил мне на работу по городскому телефону, спрашивая, чем бы я хотела заняться вечером. Прежде он редко делал это. Так Мэтт мог попросту проверять, на работе ли я, хотя тогда мною его звонки благодарно воспринимались знаками внимания. Меня вновь неприятно поразила игра воображения, сцена его последнего дня дома, безумно лихорадочные сборы, уничтожение всех своих следов вплоть, вероятно, до отпечатков пальцев.

А потом я подумала о ключе. На мгновение ко мне вернулась надежда. Мелькнула мысль: «Я знала, что он уехал не навсегда! Знала, что скоро увижу его снова!» Но когда я метнулась в заднюю часть дома, ключ Мэтта висел на предназначенном для него крючке рядом с дверью в сад, вместе с запасными ключами от машины, от гаража и от сарая. Вспомнилось, как я сама сняла ключ с крючка и вручила Мэтту в день его переезда ко мне. Он поцеловал меня в шею, пока я нанизывала ключ на его общую связку, и сказал, что любит меня.

А теперь ключ висел на прежнем месте, словно наши отношения с Мэттом были заведомо ограничены во времени. Так, будто он всегда знал,

что однажды уедет.

Глава 11

Воскресенья неизменно омрачались для меня легким оттенком грусти, печальным напоминанием, что уже завтра начиналась новая рабочая неделя. И это воскресенье ничем не отличалось от прочих. За исключением визита к Кэти вечером, мне было абсолютно нечем заняться. Холодильник заполнен продуктами, дом чист. Серое небо за окном обещало дождь. Обычно мы сидели в кухне с воскресными газетами, но одной мне не хотелось даже прикасаться к ним. Не оставалось ничего, кроме как вернуться к попыткам разыскать Мэтта.

Покончив с краткими записями на желтых стикерах, я села на низкий мраморный столик рядом со стойкой, разложив их перед собой. С одной стороны размещались те, где я перечислила места, куда уже звонила. И единственной причиной, зачем я сделала это, было стремление избежать повторных звонков. Но неожиданным образом бумажки помогли мне окончательно успокоиться, позволяя думать, что я все-таки немного продвинулась вперед. Записав все на бумагу, я почувствовала себя способной действовать дальше. И бумажки лежали передо мной, как карты пасьянса. Я могла двигать их, перемещать, выстраивая в иные ряды, когда хотела заставить свою память работать интенсивнее.

Однако, проведя за этими манипуляциями час или даже два, я решила, что с меня довольно. Захотелось выйти из дома, убраться подальше от его пустоты. Я села за руль, не имея понятия, куда поехать, и бесцельно крутилась по маленьким городкам Уиррала. Вскоре вспомнила, что дом матери Мэтта находился в нескольких милях дальше по той же улице, куда занесло меня.

Я никогда не любила его мать Оливию, а, судя по ее реакции на меня при первой же встрече, были все основания полагать, что и она предпочла бы видеть сына с другой женщиной. В воскресенье Мэтт отправлялся навещать ее в Хезуолл, а я оставалась дома, занимаясь маникюром, или выходила на пробежку трусцой. Вернувшись от матери, Мэтт порой выглядел недовольным, словно они поссорились, обменялись взаимными упреками, но он неизменно отрицал это. Впрочем, Мэтт отрицал бы размолвку с матерью в любом случае.

При этом он часто интересовался, почему я не езжу в гости к своим родителям, пользуясь его отлучками. Думаю, Мэтт питал иллюзию, что мне не терпится поскорее снова увидеть его дома, что заставляло его сокращать

время, проводимое с матерью. Хотя на самом деле мне не нравилось бывать у своих «предков». Я считала, что вижусь с ними систематически, и, даже понимая, насколько обрадовали бы маму более частые визиты, не собиралась потакать ей. Каждый раз, попадая в родительский дом, я испытывала острое ощущение возврата в свое детство, а возвращаться в него мне вовсе не хотелось.

Я посмотрела на приборную доску, где располагались часы. Два пополудни. Мэтт неизменно варьировал время своих посещений, но у меня вдруг учащенно забилося сердце при мысли, что как раз сейчас он может оказаться там. Я нажала на педаль акселератора и поехала значительно быстрее, чем прежде.

Мы познакомились с Оливией, когда Мэтт еще работал в Лондоне. Навещая ее, он обязательно навещался и ко мне. По субботам мы оба обедали у нее дома, с неохотой выбираясь из постели, чтобы не опоздать, но потом так увлекались совместным душем, что все равно опаздывали.

Помню, с каким хмурым видом Оливия оглядела новую подружку сына. У меня еще не высохли волосы, а щеки покраснелись от только что полученного удовольствия. Мы так торопились, что я даже не успела привести себя в порядок. Того единственного взгляда хватило для понимания, насколько не оправдались ее ожидания. Я сразу спросила, где ванная, и привела себя в порядок, но нанесенный моему образу урон оказался уже непоправимым. Оливия держалась вежливо, угостив нас обедом и вином, непринужденно рассказывая о своих планах на выходные, но в ее манерах сквозила напряженная сдержанность, будто она что-то от нас скрывала.

Впрочем, мы встречались с ней лишь раз в несколько недель, когда Мэтт выбирался из Лондона. Но он всегда останавливался у меня, а к Оливии мы лишь навещались в гости. Она продолжала приглашать к обеду нас обоих. Мы мило беседовали, но никаких шансов по-настоящему подружиться с ней не существовало. Хотя я старалась наладить с Оливией более близкие отношения, искренне старалась. Да, у меня не очень-то ладилось с собственной матерью, но я приложила немалые усилия для сближения с Оливией. Покупала ей дорогие подарки, посылала пригласительные билеты в оздоровительные центры, но она редко пользовалась ими, ссылаясь на занятость по работе, повторяя, насколько ей необходимо полностью расслабиться хотя бы в выходные. Интересно, для чего же тогда, по ее мнению, существовали все эти центры здоровья с грязевыми ваннами? С Мэттом я избегала разговоров о ней, но порой тема

становилась неизбежной, однако без особой необходимости мы не упоминали ее имени вообще. Он отправлялся в гости к ней, а я добродушно встречала его по возвращении, ни о чем не расспрашивая. Полагаю, так обстоят дела во многих семьях.

Теперь же я подъезжала к дому Оливии с настороженностью. Он располагался на широкой улице, где места для парковки хватало вдоль обоих тротуаров, и оставалось достаточно пространства на проезжей части, чтобы могли разминуться даже два больших грузовика. Я остановилась в нескольких десятках метров от дома Оливии и тихо сидела некоторое время, наблюдая за ее жилищем. Машины Мэтта я нигде не заметила, подъездная дорожка тоже пустовала.

Хотя денек выдался серым и ненастным, прямо на мостовой играли дети. Пробежавшая мимо маленькая девочка посмотрела на меня и мой автомобиль. Я слегка напряглась. Мне вовсе не хотелось, чтобы она сообщила родителям о странной тетеньке, зачем-то сидевшей в машине и чего-то ожидавшей. Достав свой сотовый телефон, я притворилась, будто собираюсь звонить.

Когда же я снова подняла голову, то заметила нечто настолько необычное, что даже не сразу поверила своим глазам. В дальнем конце подъездной дорожки к дому матери Мэтта торчала верхушка чего-то голубого. Очертаниями это напоминало детский батут с высокой крышей, которые обносят сеткой, чтобы прыгающие малыши не падали с него.

Я откинулась на сиденье и задумалась. Мэтт был единственным ребенком в семье. Его разведенной матери уже перевалило за шестьдесят. Он никогда не упоминал, что она стала встречаться с новым мужчиной, не говоря уже о человеке, обремененном детьми и внуками. И сама Оливия не смогла бы установить на заднем дворе такой огромный батут без помощи сына, но он и об этом не обмолвился ни словом.

Я запустила двигатель автомобиля, и он медленно двинулся вдоль улицы. Проезжая мимо ее дома, я убедилась в своей правоте. На заднем дворе рядом с гаражом высился невероятных размеров голубой детский батут с уплотненными мягкими стойками и сеткой. По инерции я проехала еще пару миль, а потом остановилась, чтобы спокойно подумать. Никакого разумного объяснения не находилось. Зачем Оливии понадобился в саду батут для детей? На мгновение я даже представила, как она резвится на нем сама, перебрав джина с тоником. Оливия всегда консультировалась с медиками, опасаясь набрать лишний вес. Уж не врачи ли ей посоветовали прибегнуть к столь экзотической методике физических упражнений?

Я развернулась и поехала назад тем же путем. Теперь я приблизилась к

ее дому с противоположной стороны и оказалась гораздо ближе к нему, хотя приходилось смотреть через стекло. Мне уже было наплевать, заметил ли меня кто-нибудь. Поравнявшись с домом, я сбросила скорость до минимальной и вновь увидела высокий голубой куб. Но потом мне вдруг бросились в глаза незнакомые шторы на окнах гостиной, а на стене рядом с входной дверью появилась серебристая табличка с номером. Ее тоже прежде не было. Я добралась до следующего перекрестка, опять развернулась, поставила автомобиль в нескольких десятках ярдов от дома, но в такой точке, откуда могла отлично видеть его. Никаких признаков жизни пока не наблюдалось.

Выйдя из машины, я приблизилась к входу. Игравшие на улице дети замерли, уставившись на меня. Я спиной чувствовала на себе их любопытные взгляды, когда входила через ворота на лужайку.

Теперь стало понятно, что дом все-таки был обитаем. По пути к двери я успела заглянуть в окно гостиной. Главное место в ней занимала крупная телевизионная панель, висевшая над каминной полкой, а перед ней установили удобный диван в форме уголка, с отделкой из белой кожи. Низкий журнальный столик темного стекла украшала статуэтка, имитировавшая цветы из стекла и серебра, а на стене напротив окна я увидела портрет молодой девушки, выполненный в натуральную величину. В общем, гостиная во всем противоречила вкусам Оливии, и интерьер никак не мог быть делом ее рук.

Я постучала в дверь. Как и следовало ожидать, никто на мой стук не отозвался, и мне оставалось только повернуться, чтобы пойти назад к своей машине. Один из мальчишек с особым интересом рассматривал меня.

– Привет, – сказала я.

Он промолчал, но не сводил с меня глаз.

– Миссис Стоун все еще живет в этом доме? – спросила я.

Он принялся постукивать палкой по бордюру тротуара. Я вздохнула и уже собиралась обратиться с тем же вопросом к другому ребенку, когда ко мне с обеспокоенным видом подбежала женщина, очевидно его мать.

– Я всего лишь спросила у вашего сына, живет ли здесь миссис Стоун, – небрежным тоном объяснила я.

– Зачем вам это знать?

Я удивилась, не понимая причин скрытности.

– Я ее родственница, – пришлось сказать мне, когда стало ясно, что изумленными взглядами никакой информации от нее не добиться. – Проезжала мимо и решила навестить ее, но, как мне кажется, она уже отсюда переехала.

– Да, – отозвалась женщина, крепко ухватив сына за руку. – Переехала давным-давно.

– Вот как? Ну, что ж тут поделаешь? – смиренно промолвила я.

Я хотела спросить, не знает ли местная жительница, куда именно переехала Оливия, но не успела – она поспешила удалиться, уводя своего отпрыска за собой.

Я медленно побрела к машине. Давным-давно... Что это означает? Оливия приезжала к нам обедать на Рождество несколько месяцев назад, и тогда ни о каком переезде не упоминалось. В своем доме она прожила многие годы, и я знала, что ей нравится этот район. У нее здесь было много друзей и подруг, но только я понятия не имела об их адресах и фамилиях.

Меня удивило воспоминание, что сама я в последний раз посещала ее дом два года назад. Мы с Мэттом пригласили Оливию в ресторан то ли по случаю его дня рождения, то ли ее собственного, но помимо этого события и празднования самого Рождества, мне не выпадало случая увидеться с ней. И я считала большим везением необязательность еженедельных визитов к ней, хотя в первое время Мэтт настаивал, чтобы я сопровождала его. Я нахмурилась. Если бы я встречалась с Оливией чаще, то, вероятно, узнала бы о ее намерении переехать, но ведь Мэтт и сам мог рассказать мне об этом. Почему он молчал? Теперь мне стало ясно, как глупо было с моей стороны считать, что он всегда и во всем правдив со мной. Слишком занятая работой, я, очевидно, многого не замечала.

А теперь – в мае – соседка с той же улицы говорит, что его мать переехала оттуда уже давно. Она имела в виду последние несколько месяцев? Я повернулась, чтобы окликнуть женщину, но она уже скрылась в глубине своего двора. Я видела, как ее тень падает на штору окна гостиной, и поняла: мне не следует расспрашивать других детей.

Сидя в автомобиле, я перебирала в памяти подробности последней встречи с Оливией. Она казалась вполне расположенной ко мне, хотя наверняка предпочла бы встретить Рождество у себя дома – где бы ее дом уже тогда ни находился. Однако Оливия была вежливой, нахваливала еду и привезла нам в подарок к празднику две бутылки шампанского.

Неожиданно я вспомнила о «Зупле» – регистре недвижимости в Сети. Там должна быть запись о продаже дома. Я достала из сумки телефон и зашла на сайт, чтобы ввести прежний адрес Оливии. И глазам своим не поверила. Ее дом был продан 30 ноября прошлого года. Разумеется, не существовало способа выяснить, куда она перебралась, и я пока не могла сообразить, как это сделать. Но одно стало очевидно. Оливия провела более шести часов у меня в гостях на Рождество и ничего не сказала о своем

переезде. А Мэтт в то утро заехал за ней, а потом отвез обратно. Значит, ему было обо всем известно. Он знал уже несколько месяцев, но хранил секрет. Куда же Мэтт доставил мать тем вечером? Обсуждали ли они меня по пути к ее новому дому? Воспоминание о том, как я тогда расстаралась для этих двоих лжецов, больно ранило меня.

У матери Мэтта был номер моего мобильного телефона. В тот рождественский вечер она послала мне сообщение, благодарила за гостеприимство. «Спасибо большое за то, что пригласили меня к себе, – писала Оливия. – На будущий год отпразднуем Рождество у меня!» Я уже тогда уловила скрытый подтекст, но посчитала, что он заключался в намеке: «Уж я покажу вам, как нужно готовить настоящий рождественский обед». И как могла я догадаться, намек читался так: «О, кстати, мое приглашение касается только Мэтта. Я переехала на новое место, и тебе никогда не узнать, куда именно».

Конечно же, ее номера не осталось в памяти моего телефона. Да и сообщение исчезло. «В этом ей повезло», – подумала я, потому что в противном случае непременно бы позвонила и рассказала ей кое-какую правду о происходившем у меня в доме.

Я послала текст Кэти:

Только что обнаружила, что мать Мэтта переехала. Почему он ничего не сказал мне об этом?

Мне пришлось подождать несколько минут, прежде чем пришел ответ:

Откуда ты знаешь? Он связывался с тобой?

Нет. От него по-прежнему ни звука. Я сама побывала там. Поговорила с соседкой.

Через пару минут мой телефон снова издал писк:

Странно! Обсудим все сегодня в 19.00, если уговор в силе. Целую.

Глава 12

Кэти открыла дверь и обняла меня. Она выглядела великолепно в новом платье, с уложенными волосами и с умеренным количеством косметики на лице. У меня сразу испортилось настроение. Ведь у нас сложилась традиция: покупая новую одежду, прежде демонстрировать ее друг другу и лишь потом надевать на работу, в гости или в ресторан. Иногда одного косого взгляда Кэти хватало, чтобы я тут же бросилась менять купленный наряд на другой, но чаще, увидев меня в обновке, она хватала свой айпад и приобретала через Сеть такую же вещь. Хотя этим вечером мне было не до традиционных показов. Я не смогла сделать над собой усилие, чтобы дать платью оценку, и лишь покраснела, когда подруга посмотрела на меня с сочувствием. Она опять прижала меня к себе, и я не сопротивлялась. Само мое тело хотело тепла и ласки.

– Бедная ты моя, – промолвила Кэти, не понимая, видимо, насколько хуже мне становится от таких слов лучшей подруги.

– Как прошла конференция? – спросила я.

Тема меня не особенно интересовала, но я догадывалась, что ей самой захочется поговорить об этом и лишний раз показать мне, насколько хорошо складываются у нее дела на работе. Так уж установилось между нами издавна. Мы всегда измеряли собственные достижения, пользуясь как шкалой успехами, которых добились Кэти. Пусть даже сегодня вечером у меня не было на это времени.

– Я не могу никому ни о чем рассказывать, – ответила она, понизив голос до театрального шепота. – По пути домой я позвонила маме, и она разрешила мне нарушить правило только для нее, но предупредила, что если начну хвалиться перед Джеймсом, он меня бросит.

– Неужели у тебя все зашло так далеко?

– Да благословит Господь ее мамочку, – произнес Джеймс, входя в холл и помогая мне снять жакет. – Так толково все объяснить. Кэти пыталась поделиться со мной новостями в течение недели, но я ни черта не понял в ее сбивчивом изложении.

Кэти рассмеялась. Она привыкла, что многие люди не понимали ее, когда она пускалась в описание своей работы.

– Если честно, – признала она, – то получалось у меня довольно скучно.

Мы сидели в гостиной, где-то на заднем плане негромко звучала

музыка, а дрова в камине заменял мерцавший свет связки кремовых церковных свечей. Это было нечто новое, но я вспомнила, что, когда Кэти в последний раз гостила у нас с Мэттом, я купила именно такие свечи и наполнила ими свой камин. Она пришла в восторг от этой идеи, и теперь, разумеется, использовала сама. В комнате было тепло и уютно, чего так не хватало сейчас моей гостиной. И безукоризненно чисто.

Кэти ушла в кухню, чтобы приготовить напитки. Я ожидала от Джеймса упоминания о приходе ко мне позавчерашней ночью, но он, не сводя глаз с кухонной двери, за которой Кэти звенела бокалами, устанавливая их на поднос, лишь сообщил мне, как, придя домой с работы в пятницу, застал тестя с тещей за укладкой моющего пылесоса в багажник своей машины. Устроили у вас генеральную весеннюю уборку, объяснили они Джеймсу.

– Ты не возражаешь, чтобы они вот так запросто являлись в твой дом?

Он пожал плечами:

– Мне бы пришлось делать уборку самому в выходные дни. Они сэкономили для меня уйму времени. Зачем же мне возражать?

Я покачала головой:

– Терпеть не могу, когда кто-то приходит в мое отсутствие. Меня это пугает.

– Пугает? – спросила Кэти, появляясь с подносом в руках. – Ты боишься собственных родителей?

Джеймс бросил на меня многозначительный взгляд:

– Лично я совершенно не беспокоюсь. Если им хочется заниматься уборкой – милости просим!

– А мне нравятся визиты папы с мамой, – сказала Кэти. – Пусть помогают по мере сил.

Она забралась с ногами в угол дивана, где свет лампы особенно красиво играл в ее светлых волосах, и посмотрела на Джеймса с ненавязчивой немой просьбой в глазах. Он закатил глаза, однако налил нам понемногу вина. Кэти облизала губы и на секунду стала похожа на кошку, перед которой поставили миску сливок. Я видела ее такой очень часто еще с детства. И дело не в том, что Кэти росла избалованным ребенком, хотя ее изнежили изрядно. Она привыкла к обожанию. Родители страстно хотели иметь детей, но только в сорокалетнем возрасте после двадцати лет супружества у них родилась наконец дочь. И со дня своего появления на свет Кэти стала маленькой богиней, у алтаря которой истово молились отец и мать. Когда же она покинула отчий дом, то повергла их почти в траур. Впрочем, они быстро пришли в себя и сумели переключить свое внимание

на ее новую жизнь, заводя дружбу с ее друзьями, привозя ей еду, стирая и отглаживая ее одежду, причем так, что она даже не замечала этого. Родители по-прежнему обращались с ней как с маленькой девочкой, а ей нравилось такое отношение к себе, и «богиня» без стеснения принимала от них любые подношения и услуги.

Кэти испытывала сострадание к любой семье, где детей не возводили хотя бы на полубожественный пьедестал, но на самом деле ее не слишком волновали чужие взаимоотношения. Родители Джеймса переселились в Шотландию, и, думаю, Кэти втайне была очень рада, что ей не приходится делить время между своими и его родственниками. Но, исполняя долг, она строго соблюдала приличия, навещая их с мужем дважды в год, хотя, насколько я знала, ее всегда поражало, до чего спокойно они прощались с сыном после каждого визита. Ее родители тяжело переживали бы перспективу не увидеться с ней несколько месяцев, и Кэти казалось, что родители равнодушны к Джеймсу. Ее бы разубедило только море прощальных слез, мольбы о скором возвращении, пятьдесят фунтов из их скудных пенсий, сунутые в руку Джеймса, и множество сообщений на мобильный телефон, едва они выехали бы из ворот дома.

Что касалось меня, то для Кэти оставалось непостижимым, как можно жить с родителями в одном городе и редко видеться с ними. И объяснять ей что-либо было бесполезно. Даже пока мы оставались детьми, я предпочитала проводить больше времени в ее доме. Стоило мне войти в их кухню, как я сразу же чувствовала себя свободно и расслабленно. Правда, Кэти тоже любила бывать у нас. Атмосфера в нашем доме менялась в ее присутствии, и когда она играла в нашей гостиной или общалась с моими родителями, пропадало напряжение, в котором жила я сама. От подруги словно исходил солнечный свет, столь любимый моей матерью, она много смеялась. Мне самой рядом с ней становилось веселее, и родители испытывали те же ощущения.

На секунду я закрыла глаза. Последнее, чего мне сейчас хотелось, это думать о них. Я протянула руку, чтобы взять бокал с вином, и заметила в одном из пустовавших кресел гитару Джеймса.

– Много играешь в последнее время?

Он кивнул:

– Да, при любой возможности.

– Пока меня нет дома, – сказала Кэти. – Держу пари, ты бренчал каждый день всю последнюю неделю?

Он рассмеялся:

– Чаще, чем в другое время.

– Он предпочитает играть в мое отсутствие.
– Потому что тогда она не пытается тебе подпевать? – с улыбкой спросила я.

Он лукаво усмехнулся:

– О, это просто невыносимо для меня.

И снова память перенесла меня в прошлое, когда нам всем было по семнадцать лет. После занятий в колледже я приходила к Джеймсу, мы ложились рядом на его узкую односпальную кровать, и он играл на гитаре, а я думала, что мой парень – само совершенство. Те месяцы стали самыми счастливыми в моей жизни. Однажды Кэти увязалась за мной, и когда Джеймс заиграл, мы оба чуть с кровати не свалились при звуках ее пения. У нее оказался поистине ужасный голос – тонкий и пронзительный. Мы с Джеймсом переглянулись, а потом хохотали до слез.

– Что такое? В чем дело? – допытывалась тогда Кэти. – Над чем вы смеетесь?

А теперь мы с подругой сидели рядом на диване, а Джеймс вытянулся в кресле у камина. При ровном пламени свечей время, казалось, остановилось.

– Итак, – произнес Джеймс, – значит, он от тебя ушел?

Словно ослепленная внезапной вспышкой, я вернулась в сегодняшний день, причем успела заметить, как Кэти обменялась с мужем многозначительными взглядами. В ту минуту я была для них человеком со стороны. Неприятное чувство, и мной овладел соблазн изменить ситуацию, напомнив Джеймсу, что мы все уже обсудили позапрошлой ночью, но пришлось сдержаться, чтобы не испортить вечер.

– Ушел так, что и следа не осталось. Будто никогда вообще не жил со мной, – ответила я, отхлебнув вина.

Видимо, они даже не подозревали, до какой степени мне тяжело говорить об этом.

– Он удалил из твоего телефона свой номер? – спросил Джеймс.

– Не только номер, – вмешалась Кэти. – Все сообщения и электронные письма тоже.

– Но разве его номер не сохранился в списке принятых вызовов?

Я покачала головой.

– Все входящие и исходящие вызовы тоже удалены.

Джеймс наморщил лоб:

– Но ведь таких вызовов должно было накопиться сотни за несколько лет. А остальные звонки все-таки сохранились в памяти?

– Я получила новый мобильный телефон в подарок на Рождество и

сменила оператора, но они сохранили все мои контакты, хотя не перенесли полный список звонков и текстовых сообщений. Оставили электронную переписку. Причем только мои письма, а остальное исчезло. Но тогда меня это не беспокоило. К чему хранить тексты и телефоны людей, которым я в последний раз звонила много лет назад?

– А ты не создала запасной копии?

– Скопировала лишь фотографии. Но он стер и копии тоже.

– На самом деле это не имеет значения, – заметил Джеймс. – Все указывает на то, что Мэтт больше не пользуется прежним телефоном. – Он наполнил наши бокалы вином. – Мэтт оставил свой ключ от дома?

Я кивнула:

– Да, он висит на обычном месте. На крючке в кухне у задней двери.

– Больше того, – поспешила добавить Кэти, смакуя каждое слово, – он поставил ее телевизор и книги туда, где они находились до его переезда к ней.

– Что?

– Комната выглядит так же, как до его появления в ее доме. Правда, Ханна?

Я покраснела. Джеймс лишь на секунду заглянул в гостиную, когда навещал меня, и мне показалось, что он не успел заметить перемены в обстановке. Было понятно, что он специально приехал, чтобы найти Мэтта. И в мои намерения не входило делиться всеми подробностями того, что Мэтт сделал. Ладно, положим, Джеймс уже все мог знать со слов Кэти. Но я сама ни во что не хотела посвящать его. Хотя наши близкие отношения исчерпали себя уже давно, он оставался моим «бывшим», и унижаться перед ним было особенно неприятно.

– Кэти сказала, он забрал все свои вещи, – продолжил Джеймс, избегая смотреть мне в лицо. – Но я даже представить не мог, чтобы он вернул на прежние места твои.

– Так он и поступил, – сказала Кэти. – Вплоть до постельного белья. Просто поразительно, сколько усилий он не пожалел на это.

– Да, – подтвердила я. – Такое в страшном сне не приснится.

После моей реплики Кэти на время замолчала.

– И тогда, – произнес Джеймс осторожно, словно предвидел неловкость своего вопроса, – ты отправилась навестить его мать?

– Я вовсе не собиралась навещать ее. Просто проезжала мимо и решила заглянуть к ней и поговорить. Вообрази, эта женщина провела на Рождество весь день в моем доме, но даже не упомянула, что переехала!

– Может, она не нарочно ввела тебя в заблуждение. Вероятно, хотела

выставить дом на продажу перед Новым годом, а покупатель нашелся неожиданно быстро.

– Нет, – возразила я. – Проверено через «Зуплу». Оливия продала дом тридцатого ноября. Съехала оттуда за месяц до того, как явилась ко мне в гости на праздник.

В комнате воцарилась тишина.

– А я не знала, что это так легко установить, – наконец заметила Кэти.

– Информация появляется на сайте «Зупла» сразу после регистрации сделки, – пояснил Джеймс. – Сейчас ничего нельзя сохранить в полном секрете.

– Интересно, куда она перебралась? – спросила Кэти. – Есть способ выяснить?

– По спискам избирателей в округах? – предположил Джеймс.

– Даже не знаю, – отозвалась я, подумав, что следует попробовать.

– Сомневаюсь, что это будет легко, – сказала Кэти. – Помню, когда мы сами переезжали сюда, то специально просили исключить информацию о нас из общедоступных списков. Местный совет пытается на всех нас зарабатывать, и стоит дать сведения о себе, как начнешь получать кучу бесполезных рекламных буклетов. Оливия могла поступить так же.

– Есть возможность зарегистрироваться избирательницей через Интернет, – напомнил Джеймс. – Хотя какой смысл, даже если ты найдешь ее? У тебя ведь нет необходимости беседовать с ней, если я правильно понимаю. У вас с ней сложились не самые лучшие отношения.

– Мы общались как вполне цивилизованные люди, – резко возразила я. – Но ты прав, я не испытываю желания встречаться с Оливией. Мне вот только не кажется простым совпадением ее переезд и уход Мэтта от меня в течение нескольких месяцев.

– Едва ли они поселились вместе, – заметила Кэти. – Да, он с ней прекрасно ладил, но вряд ли хотел жить под одной крышей.

– Да, – кивнула я. – Иногда она умудрялась доводить его до белого каления. Мэтт часто возвращался от нее в плохом настроении. Особенно в последнее время.

– Вот, хоть что-то позитивное! – воскликнул Джеймс. – Есть преимущества и в одинокой жизни. Не приходится подстраиваться под чьи-то дурные настроения.

Я не нашла вежливых реплик на подобный вздор, но в этот момент Кэти подала кари, и разговор оборвался.

Вечером мы сидели и слушали музыку. Любовались причудливым

танцем теней, отбрасываемых то вспыхивавшими, то почти угасавшими свечами. Я чувствовала, что слегка опьянела. У Кэти тоже начал заплетаться язык, и стало понятно: она выпила лишнего. Джеймс пил гораздо меньше нас. Он зашел в «Фейсбук» со своего телефона и просматривал страницы, отпуская различные комментарии. Я все не могла хотя бы ненадолго унять злость на Мэтта.

– Ох, узнать бы, где он сейчас находится! – в который раз воскликнула я.

– Ты уверена, что у вас все складывалось хорошо? – спросила Кэти.

Я уловила в ее голосе раздражение, и это рассердило меня.

– Уверена, – заявила я. – В наших отношениях ничего не изменилось. В том-то все и дело. Мы даже не ссорились с Мэттом.

Я задумалась о нашей с ним жизни в последние несколько месяцев. Мне было вполне комфортно. На работе я добивалась успехов, а с Мэттом не возникало ни малейших проблем. Не существовало причины, чтобы он вдруг так внезапно ушел. По крайней мере, я ничего не знала о ней.

Кэти поднялась и стала собирать тарелки, чтобы вынести из комнаты. Когда же из кухни донесся звук полившейся из крана воды, Джеймс неожиданно спросил:

– Вы действительно не ссорились?

Неожиданно я покраснела:

– Нет, не ссорились! – Возможно, я произнесла эту фразу громче, чем следовало.

– Вот только в таком случае... Странно, что Мэтт просто взял и ушел... Зачем ему бросать тебя, если он был с тобой счастлив?

Мне казалось, что горела вся моя кожа от макушки до пальцев на ногах.

– Откуда мне знать? Он не пожелал присесть на дорожку и объясниться со мной!

– Догадываюсь, что тебе не придутся по душе мои слова, но я уверен: здесь замешана другая женщина.

Разумеется, я размышляла над такой причиной, но, услышав слова Джеймса, отреагировала остро:

– Так и знала, что ты это скажешь!

– Почему?

– Только такое объяснение неизменно находят люди, узнав о чем-то уходе из семьи. Сбежал к другой! Иного варианта они просто не предлагают. А ты даже не задумываешься, каково мне понимать, что никто не станет даже искать другой, подлинной причины.

Джеймс пожал плечами и снова принялся возиться со своим телефоном.

– Ты о ком? – спросила Кэти, вернувшись в гостиную. – Кому ты рассказывала о случившемся?

Я лишь покачала головой, не желая услышать вновь версию, выдвинутую Джеймсом.

– Только Сэму, – наконец ответила я, – и он тоже ушам своим не поверил.

– Сэм не очень хорошо знал Мэтта, если не ошибаюсь, – заметила Кэти. – И потом: Сэм даже представить не смог бы, что кто-то бросил такую женщину, как ты.

Они с Джеймсом дружно рассмеялись над старой шуткой, что Сэм влюблен в меня.

– А отцу и матери ты по-прежнему ничего не говорила?

– Нет.

– Кто-нибудь видел, как он уезжал? – спросил Джеймс. – Например, твои соседи? Не мог кто-то из них даже помочь ему?

– Шейла и Рэй гостили у дочери в Девоне. А в дом с противоположной стороны в тот день заселились новые жильцы. Кажется, это молодая супружеская пара, и у них маленький сын.

В этот момент я услышала сигнал о поступившем сообщении на мой телефон. Открыв сумку, принялась искать его. Кэти снова собиралась выйти из комнаты, но задержалась в дверях:

– Не знала, что в тот дом уже кто-то въехал. А они ничего не заметили?

– Я с ними пока не общалась. И к тому же неизвестно, в какое именно время они переехали туда. Видела только, как они сами привезли какие-то мелочи около восьми часов вечера, но вполне могли провести там целый день.

– Ты собираешься расспросить их? – Джеймс поднялся с кресла, потягиваясь и зевая с откровенным намеком, что мне пора уходить.

– Мы с ними не успели познакомиться. Им может показаться странным, если я начну общение с подобных вопросов.

– Я бы не стала, – высказала свое мнение Кэти. – Они решили бы, что я немного не в себе.

– Спасибо на добром слове!

– Но ты же понимаешь смысл сказанного мной. Тебе придется в дальнейшем жить с ними рядом. Хочешь, чтобы первой информацией, полученной ими о тебе, стало известие, что тебя бросил возлюбленный? Первое впечатление всегда самое важное.

Мне доводилось слышать, что репутация жертв может пострадать от преступлений, совершенных против них же, но до сих пор я не могла поверить, что сама оказалась в подобной ситуации. Мне не следовало рассказывать соседям об исчезновении своего парня, чтобы они не посчитали меня странной особой.

– Наверное, ты права, – кивнула я. – Не стану с ними ничем делиться.

Две мили до дома Кэти и Джеймса я прошла пешком, а такси, чтобы вернуться, заказала заранее, зная, что после нескольких бокалов вина тащиться на своих двоих мне не захочется. Водитель посигналил с улицы, и Джеймс вышел, чтобы помочь мне надеть жакет. Я достала телефон и посмотрела, какой текст появился на дисплее. Прочитав его, чуть не подпрыгнула.

– В чем дело? – нахмурилась Кэти. – От кого сообщение?

Она стояла рядом, и мне пришлось чуть развернуть ладонь, чтобы она тоже могла разглядеть слова на дисплее: «Я дома».

– Как? Неужели? Это прислал Мэтт? – затараторила Кэти.

– Не знаю. – Я снова посмотрела на телефон. – Неизвестно, от кого это сообщение.

Джеймс подошел сзади, взглянул мне через плечо и произнес:

– Кто-то глупо шутит. Это не может быть Мэтт. – Он сверился с собственным телефоном, а потом показал мне его. – Видишь, номер другой.

Я не знала, что мне думать, пребывала в полнейшем замешательстве, но вскоре мне все стало ясно.

– Нам же известно, что он сменил номер, – сказала я, крепко обнимая Кэти на прощание. – Он вернулся, Кэти. Он вернулся!

Глава 13

Поездка на такси до моего дома тянулась, как мне показалось, целую вечность. По пути я посылала ответы Мэтту, отправляя текст за текстом, исполненная надежды и самых радостных предчувствий.

Буду через минуту.

Мэтт, дождись меня. Вернись домой скоро.

Дождись непременно! Я уже почти дома!

Когда мы подъехали к воротам, я отдала водителю деньги, и он умчался, оставив меня одну на тротуаре. Я колебалась, но не более секунды. Окна в передней части дома оставались темными. Как же Мэтт вошел без ключа? Никаких доводов разума я уже не воспринимала. Быстро достав из сумки собственный ключ, я открыла дверь и включила лампу, стоявшую на тумбочке в холле.

– Мэтт! – крикнула я. – Мэтт, я уже дома!

Опрометью бросилась из холла в кухню. Там тоже царила тьма. Когда же включила люстру, залив комнату светом, то увидела, что и здесь никого нет. Вбежала по лестнице вверх, перепрыгивая через две ступеньки, и распахнула дверь спальни. Снова передо мной предстала затемненная комната, а покрывало на постели лежало так же ровно, каким я оставила его, уходя в гости. Заглянула в ванную. Пусто.

Я села на кровать, тяжело дыша. Телефон еще сжимала в руке и снова посмотрела на сообщение:

Я дома.

Мое сердце бешено колотилось, с лица стекал пот. Зачем он послал такое сообщение, если здесь его нет? Я медленно спустилась вниз. Открыла дверь гостиной, но, разумеется, и там Мэтта не оказалось. Уже понимая, насколько глупо себя веду, я проверила шкаф под лестницей и подсобку при кухне, а потом вышла через заднюю дверь, убедиться, что без ключа ему не пришлось дожидаться меня в саду. Вернувшись в дом, я проверила гостевую и вторую ванную комнату, опасаясь упустить хоть что-

нибудь. Снова на первом этаже чувствовала, что просто сгораю от стыда за себя.

Мой телефон издал сигнал, и я схватилась за него в надежде на новое сообщение от Мэтта, но текст прислала Кэти:

Он действительно дома?

Я тупо смотрела на дисплей. Понятно, что Кэти и Джеймс сейчас говорили обо мне. Телефон пропищал снова.

Он вернулся?

Чтобы больше не получать от них вопросов, я отправила исчерпывающий тему ответ:

Вероятно, произошла ошибка. Его здесь нет. Спокойной ночи.

Позднее я несколько часов провела в постели, посылая одно сообщение за другим на этот новый номер, объясняясь Мэтту в любви, горячо умоляя вернуться ко мне.

Ответа, как и следовало ожидать, не поступило.

Глава 14

Утром я проснулась очень рано и побежала в ванную. Там меня вырвало. Склонившись над унитазом, постаралась вспомнить, сколько выпила накануне вечером, но при одной мысли о белом вине меня снова стошнило. Стало только хуже.

Позднее я расположилась в кухне при холодном свете рассвета, глядя на сад и стараясь как можно меньше двигаться. В голове стучало. Наверное, сказывалось похмелье, в также причиняли боль мысли, непрерывно прокручивавшиеся в мозгу. Я понимала, что должна хоть что-то съесть перед выездом на работу. Выглядела я ужасно, и если бы вошла в офис, дыша перегаром, то рисковала потерять работу.

Я приняла душ и оделась, размышляя над предстоявшим днем. Первым пунктом в моем расписании значилась встреча с одним из клиентов у него в конторе. Люси должна была сопровождать меня, и мне необходимо было заехать за ней в нашу фирму в девять часов. Предварительную бумажную работу мы с ней проделали еще в пятницу, убедившись, что документация готова и мы можем смело отправляться на деловую встречу в понедельник. Обычно мне нравилось наносить визиты клиентам, получая шанс на несколько часов вырваться из своего кабинета. Но сейчас хотелось спокойно посидеть за письменным столом, закрыв жалюзи, и продолжать названивать Мэтту. Спросить, зачем прислал мне сообщение, что он дома, если его там не было?

В кухне, опустив в тостер ломтик хлеба, я вдруг заметила разложенные на мраморном столике позади стойки желтые стикеры. Снова просмотрела их, а потом решила обновить информацию. «Оливия переехала 30 ноября», – написала я на еще одном квадратике. Затем вошла в Интернет и провела поиск по спискам избирателей, но поняла, что для получения реальной информации мне придется либо посетить мэрию, либо побывать в главной городской публичной библиотеке. Усмехнулась, прочитав предупреждение: «Ваша фамилия и адрес будут включены в общедоступные списки, если вы не пришлете личное заявление с просьбой удалить их». Почему-то я не сомневалась, что Оливия именно такое заявление им и прислала, однако решила заглянуть в библиотеку по дороге с работы. За неимением других вариантов стоило попробовать хотя бы этот.

На отдельный листок я выписала номер телефона, с которого мне прислали сообщение. Его я тоже «пробила» через поисковики Интернета,

но не сумела ничего найти.

Я сидела у стойки, пытаюсь заставить себя съесть подогретый хлеб, в надежде унять бурю в желудке и продолжая просматривать записи. Я разложила их в ином порядке, но сведений в них содержалось крайне мало. Мне необходимо было узнать значительно больше, иначе я бы никогда не выяснила, где Мэтт сейчас находится.

Внезапно я сообразила, что просидела так уже слишком долго, и теперь мне нужно спешить. Отправила Люси текст с напоминанием о встрече в холле нашей фирмы в девять часов и быстро подкрасилась. Нельзя позволить себе появиться там в таком виде, словно я махнула рукой на то, как выгляжу.

Впрочем, встреча прошла удачно, хотя от меня не ускользнули взгляды, которые бросала на меня Люси, но я не понимала причины, вызывавшей их. Это меня обеспокоило. Я всегда гордилась умением схватывать такие вещи на лету. Позднее, когда мы ехали обратно в свою компанию, я задала ей вопрос:

– Во время встречи я заметила, что ты странно смотришь на меня. Что-то было не в порядке?

Мои слова застали ее врасплох и повергли в смятение. Она покраснела:

– Нет, все было в полном порядке.

– Тогда почему ты так пялилась на меня? Я испытывала от этого дискомфорт. – Я продолжала вести машину, крепко держа руль обеими руками. – Если тебе есть что сказать, говори прямо.

– Просто... Порой у меня создавалось впечатление, будто вы мыслями где-то далеко и уже не понимаете, о чем мы ведем переговоры. И меня беспокоило, не заболели ли вы.

– Что? Со мной ничего подобного не происходило!

– Вот я и подумала, что вам лучше знать об этом, – тихо пробормотала Люси. – Но такое случалось лишь изредка. – Она явно не хотела обострять отношения. – Не часто.

Дальше мы ехали молча. Я была уверена в том, что не отвлекалась от темы беседы ни разу. Вникала в смысл всего сказанного за столом в конференц-зале. Неужели со стороны я могла производить впечатление человека рассеянного и сосредоточенного на личных проблемах? При этой мысли меня пробрала дрожь. Если Люси говорила правду, слух о моем пренебрежении своими обязанностями распространится по нашей конторе очень быстро.

В офисе я задержалась в кабинете Сэма, встревоженная словами Люси.

– Сэм, когда мы проводим совещания, тебе не кажется, что я отвлекаюсь на посторонние размышления?

Он смутился:

– С тобой все в порядке, Ханна. Иногда ты отвлекаешься, но лишь на мгновение. Ничего серьезного. Вряд ли кто-нибудь еще замечает это.

Я ушла от него, исполненная решимости работать с особым напряжением. Полностью сосредоточиться. Но уже в течение следующих десяти минут снова набрала номер Мэтта и отправила ему четыре сообщения.

Вечером по дороге домой я заглянула в супермаркет, решив приготовить ужин сама. Нужно следить за собой. Со времени ухода Мэтта я ни разу как следует не поела, а после разговора с Люси поняла: необходимо взять себя в руки. Я купила курицу и овощи, а дома принялась готовить жаркое по-азиатски. Собралась порезать огурец и снова заметила свои заметки. Как колоду карт, я разложила их на мраморной поверхности и стала анализировать, что могла упустить из виду. Ничего нового в голову не приходило. Еще раз сменила порядок их расположения и только тогда случайно бросила взгляд на обеденный стол, вздрогнув от неожиданности. На нем по-прежнему стояла квадратная ваза, полная тюльпанов. Утром цветы уже не только полностью раскрылись, но и начали вянуть. Но я оставила все как есть, подумав, что выброшу потом засохший букет.

Но теперь цветы оказались совершенно свежими, крепкие фиолетовые бутоны набирали силу, чтобы раскрыться, а глянцевые листья вытянулись, как солдаты по стойке «смирно».

У меня все поплыло перед глазами. Неужели я сходила с ума? Но я прекрасно помнила, что утром цветы выглядели полумертвыми. Мне не хотелось даже прикасаться к ним, потому что приходилось спешить, и я решила избавиться от них по возвращении домой вечером. В последнее время меня слишком занимали другие дела, чтобы менять в вазе воду. Утром она была мутной, а некоторые листья уже отделились от стеблей и плавали в затхлой воде. Какие-то лепестки скрутились, другие склонились вниз и почти касались поверхности стола.

Напрашивался элементарный вывод. Если цветы завяли к сегодняшнему утру, но вечером снова оказались свежими, значит, кто-то сменил их. Разумеется, это сделала не я. Я же целый день провела на работе! И я точно не покупала цветов в супермаркете. Открыв кошелек,

чтобы достать чек из магазина, отругала себя, потому что выбросила его в урну по дороге домой.

Затем постаралась вспомнить, продавались ли вообще тюльпаны в супермаркете. И не могла. Мои мысли все еще занимало полученное накануне сообщение. Да, фиолетовые тюльпаны были моими любимыми. Да, я бы заменила их на такие же цветы, если бы имела возможность, но я никак не могла этого сделать сама. У меня не оставалось для этого времени. Память стала подводить меня в последние дни, но я бы наверняка запомнила такую покупку.

Я осмотрела мусорную корзину в кухне. Ни полиэтиленовой обертки, ни пустого пакетика из-под удобрений для цветов в ней не было. Там лежали лишь остатки пиццы, которую я заказала с доставкой на дом в субботу вечером. Открыв заднюю дверь, проверила мусорные баки в саду. Бак для бумажных отходов содержал в себе только коробку из-под пиццы и газеты, выброшенные мной в воскресенье утром. Остальные баки мусорщики очистили в пятницу, и в них не осталось вообще ничего.

Корзина в саду тоже пустовала. Увядавшие тюльпаны пропали. Я нигде не могла их найти.

Я дотронулась до поверхности вазы. На ощупь она оказалась сухой. Я приподняла вазу и марокканскую подставку под ней, которую всегда подкладывала снизу, чтобы уберечь от воды поверхность стола. Тоже сухо. Ни капли воды на столе или рядом на полу. А ведь я вернулась домой полчаса назад. И если бы наполнила вазу водой сама, она все еще оставалась бы влажной.

Подошла к раковине. Я не открывала в тот день кран, и она тоже выглядела сухой. Понюхала, чтобы определить, не слили ли застоявшуюся воду в отверстие, но не почувствовала никакого запаха.

У меня снова застучало в голове. Ведь цветы завяли. Я точно знала это!

Неожиданно я обратила внимание на рулон с бумажными кухонными полотенцами. В субботу вечером, когда ела пиццу на мраморном столике, я случайно опрокинула бокал с вином. Схватила за рулон, но в нем оставалось лишь последнее полотнище. Я обновила рулон и оторвала верхнее полотенце, чтобы вытереть винное пятно, и больше не прикасалась к нему. Сейчас мне бросилось в глаза, что кто-то воспользовался полотенцами в мое отсутствие. Я сняла рулон с крепления и поставила на стойку. Запасные полотенца хранились в шкафчике под раковиной. Я достала из упаковки еще один рулон и водрузила на стойку рядом с первым. Тот оказался значительно более полным. Я медленно намотала

полотенца на руку, пока оба рулона не приобрели один и тот же объем. Потом посмотрела на обмотку вокруг своей ладони. Этого вполне хватило бы, чтобы протереть раковину, стол, вазу и даже пол в случае необходимости.

Я села на мраморный столик и оглядела рулоны, бумагу, вазу со свежими тюльпанами. Неужели Мэтт все-таки побывал сегодня в доме? Он купил для меня цветы? Зачем ему это понадобилось?

А если не он, то кто?

Глава 15

В пятницу, когда я была на работе, Кэти прислала сообщение:

Привет, Ханна! Давай встретимся сегодня вечером? Джеймс отправляется заниматься в спортзал. Так что мы будем вдвоем.

У нас сложилась традиция. Мы с Кэти обычно сначала шли в кино, потом ужинали, но на сей раз, когда я предложила фильм для просмотра, она отказалась.

Только ужин и выпивка, как насчет этого? Кажется, мы с тобой не общались наедине уже целую вечность.

Мы договорились встретиться в итальянском ресторане рядом с ее домом в восемь часов. Но сначала я заехала к себе, приняла душ и переоделась. Я знала, что мне нужно сделать усилие над собой, но почти разрыдалась, посмотрев в зеркало. Кожа пересохла и шелушилась, под глазами обозначились глубокие тени, какие порой возникали после долгих перелетов и смены часовых поясов. Я понимала, что это не останется незамеченным.

Войдя в зал ресторана, я увидела Кэти за столиком с бутылкой просекко и вазочкой оливок. Она смотрела на дисплей телефона и улыбалась. Меня это заставило рассмеяться: однажды я застала ее смотрящей на дисплей и сиявшей улыбкой, хотя она воспользовалась им всего лишь как зеркалом, сделав собственное фото для проверки своей неотразимой внешности. Когда я приблизилась, Кэти подняла голову и расплылась в еще более широкой улыбке, поспешно убрав телефон в сумочку.

– Ты плохо выглядишь, – сказала она, когда я села за столик. – У тебя проблемы со сном?

– Да, я плохо сплю, – ответила я. – А тебя это удивляет?

– Ничего, скоро будешь в полном порядке, – заявила Кэти, наливая мне вино в бокал. – Что закажем? Лично я умираю от голода.

Мы заказали еду и болтали, дожидаясь, чтобы нам принесли закуски. Кэти рассказывала о своей работе, о недавней конференции, как и о еще одной в Торонто, куда должна была скоро отправиться. Меня же она

расспрашивала о поездке в Оксфорд, о словах начальства по поводу моего будущего, хотя мне совсем не хотелось обсуждать сейчас эту тему.

Кэти хотела налить мне еще вина, но я остановила ее.

– Спасибо. Больше не надо. Я за рулем. Перейду на минеральную воду.

– На воду? В пятницу вечером?

– Я не очень хорошо себя чувствую, – пояснила я. – И пить мне не хочется.

На самом деле я опасалась вновь потерять контроль над собой, если выпью еще вина. Необходимость вести машину стала для меня хорошим предлогом не расслабляться на людях, оставаться настороже.

Кэти сочувственно посмотрела на меня и налила вина себе.

– Скоро тебе станет намного легче, – произнесла она. – Не переживай так сильно. Справишься с этим испытанием. Нам всем порой бывает тяжело.

Я удивленно вздернула брови. Кэти хватил бы удар, если бы ее бросили. Не говоря уже о том, чтобы быть брошенной подобным образом. Она рыдала неделю напролет, когда после бурной ссоры рассталась с предыдущим возлюбленным, но чудесным образом воскресла для жизни, как только вскоре вновь встретила с Джеймсом и у них начался роман.

Я не стала рассказывать ей о тюльпанах, пока нам не подали горячее, а потом как бы вскользь бросила:

– Кэти, произошло нечто странное.

Она мгновенно отложила вилку в сторону.

– Что такое? В чем дело?

– Помнишь, ты приезжала ко мне в последний раз? Когда Мэтт только ушел?

Она наморщила лоб:

– А что тогда случилось?

– Ты заметила цветы на столе?

Кэти удивленно уставилась на меня:

– Да. Ты говоришь о тех фиолетовых тюльпанах в квадратной стеклянной вазе?

Я знала, что она непременно запомнит их. Кэти всегда с любопытством присматривалась к обстановке в моем доме, подмечая любые изменения. И можно было смело предсказать: через неделю нечто подобное появится в ее доме тоже. Впрочем, в этом смысле мы походили друг на друга. Я ведь уже заказала себе такое же платье, в каком Кэти встретила меня к ужину в прошлый раз.

– А какими они тебе запомнились? Это были бутоны или уже

распустившиеся цветы?

Кэти прикрыла глаза и на минуту задумалась.

– Не бутоны, – сказала она уверенным тоном, – но и распустились еще не полностью. Смотрелись очень красиво. Свежо. Я на следующий день купила себе такой же букет. Тюльпаны напомнили мне о скором наступлении лета.

– Мне тоже, – кивнула я. – А сколько дней может простоять такой букет?

Она снова взялась за вилку и отправила в рот очередной кусочек тортеллини.

– Несколько дней? Может, неделю. Многое зависит от того, насыпала ли ты удобрение в воду.

Она знала, что я непременно сделала бы это. В подобных вопросах я следую всем предписаниям.

Какое-то время мы ели молча, и наконец Кэти поинтересовалась:

– А почему ты спросила? Они простояли слишком долго?

– Да, невероятно долго, – ответила я. – В понедельник, отправляясь на работу, я вообще не обратила на них внимания. Но они уже немного подвяли. Ты же знаешь – лепестки опадают один за другим. И я еще подумала: «Пора бы их выбросить». Но так торопилась, что решила повременить с этим.

– Понятно, – отозвалась она.

В ее голосе прозвучала скука, хотя я редко заводила разговор о таких банальностях, как обыкновенные цветы, пусть даже красивые.

– Я отправилась на работу, вернулась домой около шести часов. И цветы изменились.

В глазах Кэти опять вспыхнуло любопытство:

– Каким образом?

– Точнее, не они изменились, а их заменили. В вазе стояли свежие цветы.

Она положила вилку на край тарелки.

– Что ты несешь?

– Когда утром я уезжала, цветы почти завяли. А вернувшись вечером, обнаружила в вазе другой букет. Фиолетовые цветы. Еще в бутонах.

– Тюльпаны?

– Да, разумеется, это были тюльпаны! – нетерпеливо воскликнула я. – Но уже другие. Другие, понимаешь?

– Если честно, ничего не понимаю, – пробормотала Кэти. – Ты имеешь в виду, что цветы сами собой ожили?

Я кивнула. Она окинула меня сочувствующим взглядом:

– Или предположим – только на минутку предположим, – что ты сама купила букет и забыла об этом. Что тебе кажется более правдоподобным, Ханна?

Я постаралась не прислушиваться к своему внутреннему голосу, пытавшемуся тоже настаивать на данной версии. Я ведь побывала в супермаркете всего за час до того, как заметила цветы. Нет. Невозможно было допустить, чтобы я купила цветы, сама поставила в вазу и забыла об этом. Я сделал глоток воды.

– Есть еще одно объяснение, – произнесла я. – Кто-то заменил букет для меня.

– Кто мог это сделать?

Я многозначительно посмотрела на нее.

– Что? Ты намекаешь на Мэтта? Не будь душой.

– А кто же еще?

– Но ведь Мэтт даже своего ключа от дома не взял! Ты же сама нам рассказывала в воскресенье.

– Он мог изготовить копию.

– Ты действительно думаешь, что он собирается вернуться?

– Мэтт прислал мне сообщение, что уже вернулся!

– То сообщение пришло не от него!

Кэти заговорила так громко, что посетители за соседними столиками стали оборачиваться. Я покраснела и стала рыться в своей сумочке.

– Посмотри, – прошептала я. – Прочитай сообщение: «Я дома».

Она взяла у меня телефон и уставилась на дисплей.

– Но Джеймс сказал, что его отправили не с номера Мэтта. Ты сама видела его номер в сотовом Джеймса, разве не помнишь? И номера не совпадали. Это мог быть кто угодно, Ханна. Даже обычная ошибка.

Я знала, что никакой ошибки не произошло, но не видела смысла настаивать. Мы закончили есть в молчании, а когда заговорили снова, то уже старались больше не упоминать о Мэтте.

Ресторан располагался буквально за углом от дома Кэти, а потому подвозить ее мне не пришлось. Я припарковалась ниже по улице, и она дошла со мной до машины. Когда мы приблизились к ней, Кэти вдруг воскликнула:

– Смотри, Ханна!

– На что?

Она указала мне на неряшливую бетонную уличную клумбу на

тротуаре.

– Возьми их к себе домой и заставь ожить. Как тебе моя идея?

Кэти рассмеялась и помахала мне на прощание, пока я садилась за руль. Я натужно улыбнулась ей, но думала о цветах, уже тоже считая себя ненормальной. Цветы никто не мог заменить – вот какие мысли угнетали меня, когда я вставляла ключ в замок зажигания и запускала двигатель. Включив фары, я сдала чуть назад, чтобы затем выехать на проезжую часть.

В динамиках зазвучали первые аккорды музыки. Я вслушалась. Это была песня «Будь рядом со мной». Одна из моих самых любимых. Я бросила взгляд на шкалу магнитолы, чтобы узнать, какая радиостанция ее передавала, и резко затормозила. На мониторе высветился указатель, что работала система воспроизведения компакт-дисков. Я нахмурилась. Сама я почти никогда не пользовалась в машине дисками. Либо слушала радио, либо подключала свой айпод. Да у меня вообще не было диска с этой песней. Я полюбила ее, поскольку на одной из виниловых пластинок Мэтта песню исполнял Бен Кинг, и мы слушали ее постоянно, когда Мэтт только переехал ко мне.

Я достала диск. Пустая болванка, на какие самостоятельно делают записи дома. Поперек незнакомым почерком вывели мое имя – Ханна.

Глава 16

Тем вечером я проигрывала эту мелодию, сидя на полу и прижавшись спиной к дивану. В самом начале нашей совместной жизни с Мэттом мы прослушали все пластинки из его коллекции. Садись вечером с бутылкой вина и разговаривали о своем прошлом, как и о надеждах на будущее. Я рассказывала, как провела день, Мэтт делился событиями у себя на работе, а потом он целовал меня, и мы опрокидывались на ковер, а музыка начинала звучать заново. Я так давно влюбилась в эту песню, что сейчас с силой зажмурилась, стараясь отогнать воспоминания о том, как мы слушали ее вместе с Мэттом.

У меня было только два ключа от машины. Один всегда висел на стене рядом с ключом от дома Мэтта. Второй находился при мне. Его и свой ключ от дома я держала на одном кольце. Вернувшись домой, я проверила запасной ключ от автомобиля. Он, как всегда, болтался на своем крючке. Ничто не изменилось. Загадка заключалась в том, каким образом CD заработал, как только я включила зажигание. По пути в ресторан я слушала по радио программу о Дэвиде Боуи и даже прибавила громкость, вспоминая школьные дискотеки, куда ходили мы с Кэти, где в программу обязательно входили «Герои», а юнцы буквально заходились от восторга. Именно эта песня закончилась, как только я припарковала машину.

И я никогда не видела, чтобы Мэтт занимался самостоятельной перепиской музыки на компакт-диски. Если он хотел, чтобы я послушала что-нибудь, то говорил мне название и имя исполнителя, а я скачивала песню из Интернета на айпод. Мне с трудом припоминалось теперь, когда он вообще в последний раз ездил вместе со мной. Выбираясь куда-либо вдвоем, мы обычно пользовались его автомобилем. Но суть заключалась даже не в этом. Я твердо знала, что когда вновь заводила мотор, магнитола автоматически включалась на той же радиоволне, на какую была настроена прежде. Помнила, что за те два года с тех пор, как у меня появилась эта машина, я ни разу не ставила диски вообще.

Кто же это сделал?

Работать мне становилось все труднее и труднее. Я по-прежнему плохо спала, часто проводила ночные часы, сидя в кухне за бутылкой вина, делая записи и стремясь понять, куда же мог уехать Мэтт.

Я сама не понимала, что со мной происходит. Я всегда была

неуравновешенной, а теперь постоянно находилась в возбуждении. Возникало ощущение настороженности, ожидания чего-то плохого. Разумеется, я непрерывно думала о Мэтте. Иногда о том, что мне в нем особенно нравилось, а порой о том, как он злил меня и раздражал своими привычками. И уж, конечно, я отнюдь не возводила его на пьедестал святости. Вовсе нет. Больше всего меня нервировал факт, что я не знала, где он. И теперь мне казалось, будто подсказка к ответу на этот вопрос существует, но пока для меня недостижима. Нечто, совсем близкое от меня, чего я в упор не могла разглядеть. Стоило мне лишь ухватить за конец ниточки, как распутался бы весь загадочный клубок.

А потому я упрямо продолжала сидеть при свете одного лишь дисплея компьютера и перебирать свои краткие заметки, перемещая их по столу то так, то этак, в попытке обнаружить недостающее звено или, назовем это так, конец той самой ниточки.

Если возникала какая-то идея, я хваталась за компьютер и рыскала в поисковых системах, полностью сосредоточившись и не упуская ничего, что помогло бы напасть на след Мэтта.

И пока мой мозг активно трудился над сложной задачей, я почти избавлялась от последствий шока, вызванного его уходом. Поглощенная необычной проблемой, я даже забывала, что дело-то у меня глубоко и сугубо личное. Изучила материалы о частных детективах и методах, какими пользовались. Как же мне хотелось знать сейчас маленькие секреты, доступные совсем недавно на айпде и мобильном телефоне Мэтта, догадайся я всего лишь просмотреть их! Но на свою беду я деликатно в них не заглядывала, за исключением редких случаев.

На следующее утро я проснулась, потому что в комнату проникали ослепительно яркие лучи солнца. Я знала: если солнце поднялось уже так высоко, значит, я опаздывала. Я бросилась в ванную, поспешно оделась, но, несмотря на все старания выглядеть хорошо, понимала, что мне едва ли это удастся.

Люси теперь каждый день дожидалась моего появления с уже приготовленной чашкой чая. Еще недавно она радостно приветствовала меня, и ей откровенно нравилось проводить со мной время, обсуждая все, что нам предстояло сделать. Я давала ей советы, как лучше справляться с обязанностями, и посвящала в детали своей работы, чтобы она понимала то, чем я занимаюсь. Вечером мы ненадолго встречались снова и подводили итог сделанному каждой из нас за день. Джордж Салливан, мой первый начальник, так же вел себя со мной и в свое время помог мне освоиться и быстро добиться прогресса. А Люси была человеком амбициозным. Я это

знала и даже ценила. Мне в ней виделось нечто от меня самой в ее возрасте. Но с недавних пор она, кажется, начала терять терпение в общении со мной.

У меня давно создалось впечатление, что у нее вызывает восхищение моя личность, мой характер. А потому она обсуждала со мной не только работу, но и часто советовалась, если возникали проблемы в личной жизни, обращалась за помощью в учебе, неизменно подмечала, как я одевалась, нередко интересуясь, где я купила ту или иную деталь своего гардероба. Но теперь Люси просто садилась передо мной и аккуратно записывала мои поручения, причем часто именно она напоминала мне о каком-то важном деле, а не я сама просила занести его в список. Порой я ловила на ее лице совершенно новое выражение, которое определила бы как смесь жалости с легким презрением. И хотя меня это возмущало, я понимала оправданность такого отношения к себе. В прошлом Люси никогда не позволила бы себе смотреть на меня подобным образом. У нее не было для этого причин.

Однажды утром, когда после ухода Мэтта миновало три недели, ко мне в кабинет зашел Сэм. Я не избегала его в эти дни, но у меня не оставалось времени встречаться с ним по заведенной привычке в обеденный перерыв. Я заметила, как Люси смотрит на нас сквозь стеклянную стену, когда он входил ко мне, и пришлось бросить на нее выразительный взгляд, заставив смутиться и вернуться за свой стол. Сэм закрыл за собой дверь, и я вдруг сообразила, что Люси, наверное, как многие в нашем офисе, подозревала нас с Сэмом в интимной связи. Она знала о Грейс, возлюбленной Сэма, поскольку видела ее на наших корпоративных вечеринках, и все знала о нас с Мэттом. О том, что он бросил меня, я не рассказывала никому, кроме Сэма. Люси считала и его, и меня аморальными людьми.

Я посмотрела на Сэма. Он был бледен и явно нервничал.

– Что случилось?

– У тебя есть свободная минута?

Я бросила взгляд на компьютер. Мне не терпелось продолжить свои поиски. Я только сейчас вспомнила, что еще не догадалась связаться с парикмахером Мэтта, Джонни, и спросить его, когда он в последний раз обслуживал своего постоянного клиента. Понимала, насколько ничтожна вероятность выяснить что-нибудь новое, но уже практически зашла в тупик, хотя по-прежнему даже предположить не могла, где находится Мэтт. Однажды мы случайно встретили Джонни в одном из ресторанов Ливерпуля, и я подумала, вдруг он где-то видел Мэтта в течение хотя бы последнего месяца.

– В чем дело? – Я слышала в своем голосе интонации нетерпения и недовольства, что мне помешали.

– Ты очень тревожишь меня.

– Не волнуйся напрасно, – быстро произнесла я. – Со мной все в порядке.

– Ханна, ты действительно очень тревожишь меня.

Мне пришлось оторвать взгляд от экрана.

– С чего бы это?

– Ты изменилась, – объяснил Сэм после легкой заминки. – С тех пор, как рассталась с Мэттом. Что происходит? Несмотря ни на какие обстоятельства, ты всегда умела...

– О чем ты? – резко спросила я, и он даже вздрогнул от моего неожиданно жесткого тона.

– Всегда умела оставаться профессионалом. Умнейшей из женщин. Но вот уже несколько недель я совершенно не узнаю тебя.

Я окинула его суровым взглядом, и Сэм замолчал.

– Лично я не заметила в себе никаких изменений, – усмехнулась я. – Естественно, что уход Мэтта расстроил меня, но я это уже пережила. Справилась со своими эмоциями. Но ты же понимаешь, что для полного возвращения к норме требуется еще немного времени.

– Да, – кивнул Сэм. – Конечно, понимаю. Но даже со стороны заметно, как ты выбита из колеи... Насколько все еще не в ладу с собой.

– Выбита из колеи? – прошипела я, не в силах больше притворяться равнодушной. – Интересно, что ты вкладываешь в это понятие? Выбита из колеи! Ты хотя бы понимаешь, через что мне приходится проходить?

Его щеки стали пунцовыми.

– Но ты же сама говоришь...

– Уходи! У меня нет времени на пустые разговоры.

Сэм повернулся и вышел из комнаты. Люси делала вид, что сосредоточенно работает, но я заметила: она смотрела в спину Сэму до тех пор, пока он не добрался до своего кабинета и не закрыл дверь.

Я снова склонилась над столом и придвинула ближе к себе клавиатуру. Ввела в строку поисковика слова: «Джонни, парикмахер, Ливерпуль». На дисплее отобразилось восемьсот тысяч ссылок. У меня вырвался стон.

Странно, что даже Сэм не мог понять, насколько трудно было искать пропавшего с лица земли Мэтта.

Глава 17

Я взглянула на себя в зеркало дамской комнаты. Еще до «дня исчезновения» завела себе привычку заходить в туалет утром, в обед и ближе к вечеру, чтобы убедиться, насколько хорошо выгляжу. И эту процедуру я повторяла перед каждой ответственной встречей. Всегда носила в сумке щипцы для волос, и пока они разогревались, пудрила нос, подкрашивала ресницы, накладывала на губы свежий слой помады и чуть-чуть опрыскивала себя духами. Это означало, что я могла возвращаться на свое рабочее место уверенная в себе и довольная своей внешностью, зная – я идеально выгляжу, и лучше просто быть не может. Этому я обучилась в первую же неделю своей работы в фирме. Одна из женщин-директоров прочитала новичкам лекцию, провела тренировочное занятие, а потом я заметила, как она незаметно скользнула в дамскую комнату. И ей потребовалась всего пара минут, чтобы выйти оттуда в потрясающем виде. От нее не укрылся мой взгляд, и она по секрету шепнула мне, что продельывает такую процедуру трижды в день, приободряясь и обретая свежий импульс уверенности в себе. Она же предупредила меня о необходимости прибегать к любым доступным ресурсам, пользоваться любой помощью, работая в компании, большинство руководителей которой были мужчины. Стремившаяся добиться успеха и продвижения по службе женщина не могла себе позволить расслабиться и стать уязвимой даже на секунду. Она была на сто процентов права.

Сегодня, увидев свое отражение в зеркале, я поняла, что позволила себе стать более чем уязвимой. Моя расслабленность растянулась на недели и стала теперь заметна всем. Просто бросалась в глаза.

Я давно не делала стрижку. Волосы отросли и спутались, а я не могла даже вспомнить, расчесала ли их утром. Достав из сумки щетку для волос, я попыталась хоть как-то подправить прическу. Щипцы валялись дома с тех пор, как Мэтт бросил меня. Разумеется, я сделала макияж (слава богу, еще не дошла до того, чтобы забывать про косметику!), однако даже сквозь слой пудры кожа на лице казалась бледной и сухой. И я все равно выглядела предельно измотанной. Черные тени легли под глазами, а кожа в их уголках начала словно утончаться и складываться в морщины. Помада, похоже, давно стерлась. Я достала ее из косметички и снова положила ровным слоем, но почему-то стало еще хуже. Без помады вид у меня был больной, с помадой – изможденный. Я частично сняла ее, покрыв губы блеском, но он

лишь подчеркнул усталость, написанную на моем лице, и истощившийся запас энергии. Только промокнув губы салфеткой и сделав блеск едва заметным, я добилась более или менее удовлетворительного результата.

Из флакончика с духами я чуть sprysнула запястья рук. Духи назывались «Шанс», фирмы «Шанель». Я купила их несколько недель назад специально перед поездкой в Оксфорд. Они должны были добавить мне шарма. Теперь же я посмотрела на флакончик и нахмурилась. Шарма – да, но не удачи. Я выбросила духи в мусорную корзину, а потом тщательно отмывала запястья, пока запах не исчез.

Проходя по коридору мимо кабинета Сэма, я увидела, как он работает: поза напряженная, плечи опущены. Он явно избегал моего взгляда. Я остановилась. Так ведь можно и лишиться его дружбы, если не проявить осторожности. Я постучала в его дверь – впервые за время нашего знакомства – и вошла, плотно закрыв ее за собой. Меньше всего мне хотелось, чтобы кто-нибудь подслушал наш разговор.

– Прости, если была с тобой слишком резка, – произнесла я. – Мне не следовало этого делать.

– Ничего страшного, – с улыбкой отозвался он. – Я знаю, какой тяжелый период ты переживаешь. Могу я чем-нибудь тебе помочь?

– Вообще-то, можешь.

– Проси о чем угодно!

– Знаешь, как зовут твоего парикмахера?

Сэм изумленно вытаращился на меня.

– Что?

– Твоего парикмахера, – повторила я, снова проявляя нетерпение. – Как его зовут?

– По-моему, его фамилия Шарен.

– Но ты не знаешь его имени, а он знает твое?

Сэм покачал головой:

– Вряд ли. Для него я «приятель». Он всех своих клиентов величает приятелями. Нам не приходится записываться к нему заранее, и потому мы не называем ему наших имен и фамилий. А почему ты спрашиваешь?

Я отвела взгляд:

– Да так, без особой причины.

– Хочешь постричься у мужского мастера?

– Нет, – ответила я, и меня передернуло при мысли, что кто-то посторонний может прикоснуться ко мне. Но потом вспомнила о плачевном состоянии своей прически и добавила: – Хотя я непременно посещу дамского, и очень скоро. Не стоит волноваться о таких мелочах.

В следующие несколько вечеров, прежде чем лечь спать, я заранее продумывала, как мне лучше утром одеться на работу. Заботилась о том, чтобы одежда была чистой и отглаженной, обувь натерта до блеска, а в набор нижнего белья неизменно включала новую пару колготок. Будильник установила на 6.30, чтобы иметь время помыть голову и сделать макияж.

И я действительно каждое утро вставала вовремя, но поднимал меня не звук будильника, а мой желудок. Еще не придя в себя после сна, я уже бежала в ванную комнату, и меня тошнило.

К концу недели мои волосы стали снова чистыми и обрели блеск, но я так похудела, что одежда свисала с меня, а выглядела я бледной и утомленной, словно много ночей подряд недосыпала.

Однажды я снова прошла мимо кабинета Сэма, и, когда села за свой компьютер, меня ожидало электронное письмо от него:

Комната для совещаний номер один. Приходи немедленно. Захвати какую-нибудь папку.

Поспешно схватив с полки одно из досье, я сразу поняла, что именно над ним мне и следовало сейчас работать. Сэм опустил все жалюзи и повесил на дверь табличку: «Соблюдайте тишину. Проводится совещание». Он сам закрыл дверь за мной и повернулся ко мне с озабоченным видом:

– Ты плохо выглядишь, Ханна.

Мне захотелось наругать ему, но я сдержалась. Я нуждалась в его дружбе, а главное – Сэм был прав.

– Знаю. Утром меня опять стошнило. На этой неделе такое происходит каждый день. Я чувствую себя отвратительно, но в одиннадцать у меня назначена встреча с Джорджем, и мне нужно проделать много подготовительной работы, хотя не представляю, как сумею с ней справиться.

Сэм, несомненно, догадывался, что я проводила много времени в тщетных поисках Мэтта, и на его лице появилось раздражение, но продолжил он спокойно и добродушно:

– Не глупи. У тебя еще целых полтора часа. Я сейчас свободен. Пойдем и вместе посмотрим, как привести твои дела в порядок. – Сэм бережно тронул меня за плечо. – Все будет хорошо, вот увидишь.

Мои глаза наполнились слезами благодарности, хотя я прекрасно понимала, как долго мне еще до того момента, когда со мной все будет хорошо.

– Вот только я подумал... – Он понизил голос, хотя в комнате посторонних не было. – Тебя постоянно тошнит, ты сильно устаешь. Не беременна ли ты?

Глава 18

Остаток дня я провела как в тумане. Не могла ни на чем сосредоточиться. Конечно, я осадила Сэма, заявив, что мне даже смешно от подобных предположений, и мы занялись моей работой. Он просмотрел мой доклад, заставив сделать пометки в особенно важных местах, чтобы непременно подчеркнуть их значимость, не забыв ни о чем. Прежде я никогда не нуждалась в подобной помощи и чувствовала себя смущенно, но горькая правда заключалась в том, что в тот день я бы не сумела сделать все правильно сама. И тем не менее мне пришлось объяснить начальнику, что у меня мигрень, поэтому я немного отстала от своего графика. Думаю, это едва ли было правильно понято и воспринято. Джордж не любит, когда сотрудники болеют, а сам гордится, что за всю карьеру не взял ни одного выходного дня из-за плохого самочувствия. До недавнего времени и я была такой. Сэм оставался единственным в нашем офисе, кто знал об уходе Мэтта, и по взглядам, которые исподтишка бросали на меня коллеги, я понимала: им любопытно, что со мной происходит, но спрашивать об этом прямо они не осмеливаются.

После встречи с Джорджем я заперлась в своем кабинете, полная решимости сосредоточиться на работе. Сэм часто появлялся в другом конце коридора, и я замечала, как он пытается взглянуть и определить, в каком состоянии я нахожусь. У меня возникало ощущение, будто меня выставили на всеобщее обозрение, причем не в самом лучшем виде. И, конечно же, все, о чем я могла думать, была вероятная беременность.

При первом знакомстве Мэтт заявил, что хотел бы иметь детей, но в последнее время перестал упоминать об этом. С огорчением я вспомнила, как сама сказала ему: я должна получить должность по меньшей мере директора отдела, прежде чем начну задумываться о возможности завести ребенка. В то время полноценная семья отошла для меня на второй план, хотя, как я была уверена, лишь временно, на определенном этапе карьеры. И так получилось, что это стало для меня вопросом будущего, а не тем, над чем следовало задуматься уже сейчас. Я отправила Кэти текст:

Сэм предполагает, что я, может, беременна.

Через десять секунд пришел ответ:

Что? А ты сама как считаешь? И при чем здесь вообще Сэм?

Зазвонил мой городской телефон, и мне пришлось отвечать на вопросы клиента по поводу работы, выполненной нами для него несколько месяцев назад. Пока я с ним беседовала, на мобильник приходило одно сообщение за другим. При поступлении первого из них раздался такой громкий сигнал, что мне пришлось поспешно отключить звук, но я видела, как тексты появляются на дисплее, торопливые и исполненные любопытства.

Ты действительно могла залететь?

Позвони мне сегодня вечером. Я в Эдинбурге и не смогу встретиться с тобой немедленно.

Как ты собираешься поступить? Я думала, ты принимаешь таблетки.

Последнее сообщение пришло, как только я положила трубку городского телефона:

Понимаю, насколько это глубоко интимный вопрос, Ханна. Но когда ты в последний раз занималась сексом?

Я уставилась на дисплей. Кэти решительно переходила пределы дозволенного даже между подругами. И я проигнорировала ее сообщения, зная, что это самый легкий способ вывести подругу из себя. Наверное, она все-таки поняла всю бестактность своего вопроса, потому что через два часа я уже читала:

Прости. Просто я очень тревожусь за тебя.

Но и на сей раз я предпочла не отвечать. После заданного ею вопроса я вспоминала, когда мы с Мэттом занимались любовью в последний раз. За несколько недель до его исчезновения мы оба поздно приехали с работы и решили ничего не готовить дома, а поужинать в ресторане. И у него и у меня дела шли превосходно. Я получила благодарность от руководства, доставившую мне такую радость, что все еще сияла, встретившись с Мэттом через несколько часов. А он один из своих проектов завершил досрочно, и это сулило солидные премиальные. Мы много выпили, и

внезапно стало казаться, что вернулись прежние времена, когда мы толком виделись с ним лишь по выходным.

В ресторан мы отправились пешком и на обратном пути шли, держась за руки, а потом я споткнулась о выбоину в тротуаре. Мэтт успел подхватить меня, обнял, притянул к себе и пылко поцеловал. До дома мы добрались в рекордно короткое время и уже через минуту оказались в постели, предавшись сексу неистово и с необычайным наслаждением, как в былые времена. А потом лежали, тяжело дыша, вспотевшие, а я непрерывно смеялась, прижимаясь к Мэтту, твердила о своей любви.

При воспоминании об этом стало особенно грустно. А он сам говорил ли мне тоже тогда о любви? Мэтт обнимал меня, целовал мои волосы и сказал, что от меня исходит божественный аромат, но были ли произнесены слова о любви? Мне казалось – нет, не были. Я бы точно их запомнила. Мы сразу приготовились лечь спать, и скоро Мэтт заснул. Я лежала рядом с ним, ощущая себя счастливой. Прижалась к нему сзади, обняла и через несколько минут задремала.

Могла ли я забеременеть в тот вечер? Я почувствовала приступ паники. Если это случилось, мне будет не под силу вынести трудности в одиночку.

Возвращаясь с работы, я остановилась у супермаркета и долго бродила по нему, укладывая в корзинку то шампунь, то зубную пасту. Бросила взгляд на полку, где были выставлены на продажу тесты на беременность. Рядом с ней стояла молодая мамаша с маленьким ребенком в прогулочной коляске. Она перебирала разные варианты, сравнивая цены. Я еще походила по магазину, а потом вернулась и положила в корзину пару упаковок с тестами. При этом я чувствовала себя до странности спокойно и отстраненно, словно тесты предназначались не для меня.

Дома я поднялась в спальню, бросила жакет на кровать, скинула туфли. Поверх пижамы надела халат и отправилась в ванную, запершись в ней. Даже не знаю, зачем. Кто мог войти туда?

Разумеется, раньше я применяла тесты на беременность. А какая женщина в моем возрасте не использует их? Но не делала этого уже несколько лет. Старалась даже не вспоминать о том периоде в своей жизни, но сейчас, дожидаясь результатов в закрытой на защелку ванной, я будто опять превратилась в ту почти совсем еще девочку, охваченную страхом и тревожными мыслями, как, черт возьми, поступить. В тот, предыдущий, раз до проявления результатов я знала, какими они будут. Все повторилось. Я сделала другой тест в надежде получить иные показания, хотя понимала –

этого не случится.

И не случилось.

Я сидела на полу, держа полоски с тестами в руках и чувствуя под собой холод кафеля. Никогда прежде я не испытывала столь глубокого отчаяния. Потом достала из сумки телефон и отправила Кэти сообщение:

Только что сделала два теста. Я действительно беременна.

Глава 19

Кэти пыталась мне дозвониться вечером, но звук в моем сотовом телефоне оставался отключенным, а вилку с проводом городского я выдернула из розетки. Я лежала на кровати и замечала, когда дисплей мобильного начинал светиться, и имя Кэти появлялось на нем снова и снова. Я не могла сейчас разговаривать с ней. Не знала, что сказать. И она не нашла бы подходящих слов, которые помогли бы мне в такой момент. Я нуждалась в тишине и покое, чтобы подумать, как поступить.

Позднее я спустилась в кухню, внезапно ощутив сильный голод. Открыла холодильник, и от его белесого света почувствовала, как устали и даже немного болели глаза. На винной полке стояла бутылка белого совиньона. Конденсат покрывал туманом бутылочное стекло, и я внезапно почувствовала жгучую необходимость в облегчении, которое сулило мне вино. Совершенно бездумно я протянула руку и достала бутылку. Вынула пробку и услышала легкое шипение, что заставило меня остановиться.

Нужно бросать пить. Я медленно вкрутила пробку и вернула бутылку в холодильник. В морозильнике лежали полуфабрикаты, но разогревать их мне не хотелось. Я достала несколько бисквитов и яблоко. Ела, сидя на мраморном столике, а потом вернулась в постель. Моя рука лежала на животе. Мысли метались.

Сэм проявлял ко мне редкостную доброту. С утра он зашел в мой кабинет и поинтересовался самочувствием. Я сообщила ему, что он оказался прав, но в подробности вдаваться не стала, как и вообще обсуждать эту тему. Он понимающе кивнул и произнес:

- Прими поздравления. Грейс будет тебе завидовать.
- Только не рассказывай никому в офисе, пожалуйста. Мне нужно какое-то время.
- Разумеется, – кивнул он. – Мне бы и в голову это не пришло.

После этого короткого диалога мы долго сидели молча. Когда возникает такая по-настоящему крупная тема для разговора, который, тем не менее, невозможен, трудно отвлечься и болтать о чем-то другом. Затем подал сигнал мой телефон. Пришло сообщение из мастерской с напоминанием, что мой автомобиль записан на сегодня во второй половине дня на очередное техническое обслуживание. Сэм предложил отогнать его туда в обеденный перерыв.

– Чтобы ты смогла немного отдохнуть, – пояснил он: – Я же вижу, как упорно ты трудишься.

Если бы это было правдой! В основном я занималась расследованием исчезновения Мэтта, а работу выполняла в те редкие часы, когда не знала, куда могу обратиться еще.

В 10.30 зазвонил телефон в моем кабинете.

– Ханна! – тихо и зло произнесла Кэти. В трубке отдавалось эхо, и складывалось впечатление, что звонит она из женского туалета. – Какого дьявола? Сначала присылаешь мне такие сообщения, а потом не отвечаешь и не откликаешься на звонки!

– Извини, – сказала я, записывая карандашом номер телефона отеля в Манчестере, расположенного напротив того бара, куда мы с Мэттом заглядывали после знакомства. – У меня много дел.

– Но... – Я услышала в ее голосе смятение. – Ты уверена, что беременна? Мне казалось, ты не собиралась обзаводиться детьми.

– Ты должна помнить, что нам говорили на уроках сексуального воспитания, – заметила я, проводя в Сети поиск отелей рядом с аэропортом имени Джона Леннона, предположив, что Мэтт мог улететь именно оттуда. – Ни одно противозачаточное средство не дает стопроцентной гарантии. Всегда возможны случайности.

– Но чтобы попасть в положение сейчас... – Кэти не знала, как ей реагировать, чтобы не обидеть меня. – Не самое подходящее время. Почему именно сейчас? – Она понизила голос. – Вы с ним часто занимались сексом? В этом причина?

Я рассмеялась и не сразу сообразила, что смеюсь впервые с момента исчезновения Мэтта.

– Это тоже сугубо интимный вопрос, не так ли?

– Или ты просто забыла принять таблетки? Что произошло?

– Понятия не имею, – ответила я. – Меня тошнило утром несколько дней подряд, и Сэм высказал предположение, что я могу быть беременна. Мне самой не верилось в это, и я сделала тесты.

– Они оказались положительными? Ханна, как ты теперь поступишь?

– Что ты подразумеваешь?

– Ты оставишь ребенка? – Кэти перешла на шепот.

Меня передернуло от ее бестактности.

– Сколько уже недель?

– Я на ранней стадии. И...

– Что?

– Не очень-то вежливо спрашивать женщину, собирается ли она делать

аборт, когда она только что сообщила тебе, что ждет ребенка. Может, гораздо уместнее были бы поздравления?

Я слышала, как она глубоко вздохнула, но тут же дала отбой.

В тот день я не работала. То есть ничего не делала вообще для своей фирмы. К счастью, совещание, назначенное на одиннадцать часов, перенесли на следующую неделю, и потому я спокойно сидела за компьютером, выписывая номера телефонов всех отелей на расстоянии двадцати или тридцати миль от Манчестера и Честера. Звонила в каждый из них – в этом заключалось большое преимущество: глядя на меня сквозь стеклянную дверь, коллеги думали, будто я напряженно тружусь, – и спрашивала, не останавливался ли у них в последнее время Мэтт. Нет, не останавливался. Или, по крайней мере, так мне отвечали повсюду. Конечно, он мог поселиться где угодно под вымышленной фамилией. От этих мыслей у меня голова шла кругом. Как же я найду его, если Мэтт скрывается под другим именем?

В конце дня Сэм снова зашел проводить меня.

– Пойдем, – сказал он. – Я подвезу тебя до автомастерской.

Я удивленно посмотрела на него.

– Я отогнал твою машину на сервис, в обед, – напомнил он. – Теперь тебе нужно забрать ее.

– Ах да! – воскликнула я. – Разумеется! Спасибо за помощь. – О машине я не вспомнила ни разу.

Когда мы уже шли к стоянке, Сэм вдруг сказал:

– Извини, но я только что вспомнил, что не захватил с собой одну папку, которая нужна, чтобы поработать дома. Подожди меня в машине. Я вернусь буквально через минуту.

Он нажал кнопку, разблокировав двери своего автомобиля, и я села в салон, а Сэм вернулся в здание нашей компании. Внутри все сияло чистотой и выглядело обработанным с помощью пылесоса. Становилось понятно, как Сэм проводил время в выходные дни. Я опустила козырек с зеркальцем и поморщилась при виде своего отражения. Достала кое-что из косметики, чтобы подправить макияж, а потом стала искать носовые платки. У меня не осталось ни одного. Я открыла «бардачок», где нашла пачку платков, вытащив один из них. Под пачкой лежал телефон. Я бросила взгляд на здание нашей фирмы. Увидела Сэма в районе десятого этажа, стремительно спускавшегося по лестнице с папкой под мышкой. Он никогда не пользовался лифтами. Говорил, что подъем по лестнице снимает для него необходимость посещать спортивный зал. Не знаю, какими

мотивами я руководствовалась, но я включила телефон. Появилась строка с запросом ввести четырехзначный пароль.

Мне вовсе не хотелось влезать в содержимое его телефона, но от нечего делать стало вдруг занято, сумею я ли разгадать его код. Причем задачу осложняло ограничение во времени, поскольку Сэм мог вернуться теперь уже буквально через минуту. Я набрала день и месяц его рождения, но пароль не подошел. Ввела те же данные на Грейс, но и это не сработало.

Снова посмотрела на здание и увидела Сэма по-прежнему на лестнице, но уже на уровне четвертого этажа. Ввела 1234, рассчитывая на тот редкий случай, когда человек не заменяет пароль, полученный при покупке телефона. Нет. Он не стал бы проявлять подобную небрежность. Я всегда любила состязания, даже если соревноваться приходилось с самой собой. Какие цифры он бы предпочел?

Сэм уже добрался до второго этажа. И тогда я вспомнила внутренний номер его городского телефона. Ввела 7872, и дисплей вдруг ожил, засветился всеми красками. Есть!

Дверь здания открылась, и Сэм бегом устремился к машине. Я выключила телефон и положила его на прежнее место под пакет с носовыми платками. Глядя на Сэма, закрыла «бардачок» и улыбнулась, когда он сел за руль.

– Я пыталась найти в «бардачке» носовые платки, – пояснила я. – Для чего тебе второй мобильный телефон?

Разумеется, я не собиралась информировать его, что сумела подобрать пароль.

– Что? – Сэм протянул руку, открыл «бардачок» и заглянул внутрь. – А, так ты про этот телефон? Мой старый. Прошлым летом случайно уронил его на асфальт, и он с тех пор не работает. Забросил его туда, когда купил новый, и все забывая избавиться от него. – Он взял телефон и сунул себе в карман. – Выкину в мусорный бак, как только окажусь дома.

До мастерской мы ехали в молчании. Сэм был хорошим и внимательным водителем, ни на секунду не отводившим взгляда от дороги. Я же наблюдала за ним. За мужчиной, которого знала много лет. С юности, когда мы оба только что получили дипломы университетов. И я ни разу еще не ловила его на лжи. Мне даже казалось, что я могу прочитать любые мысли Сэма по выражению лица. Настолько бесхитростным оно было. И сейчас он вел машину спокойно, и по его лицу невозможно было прочитать ничего. Сэм ничем не выдал обмана, хотя прекрасно знал, что телефон работал. Батарейку недавно полностью зарядили. Как знала теперь и я.

Глава 20

Добравшись в тот вечер до дома, я дала себе клятву взяться завтра за свою основную работу. В конце дня я получила несколько электронных писем с напоминаниями, что от меня к концу недели ждут завершения сразу нескольких заданий. А ведь еще недавно я не нуждалась ни в чем подобном и со стыдом вспомнила, как в последний месяц задержала передачу руководству двух важных документов. Вот почему я планировала провести вечер, составляя список дел, предстоявших мне вскоре, чтобы разбить каждое на части, увеличив тем самым шансы справиться с накопившимся объемом работы. В холле я положила сумку на пол и достала сделанные прежде записи, чтобы еще раз внимательно изучить их в кухне. И вдруг замерла. У меня мурашки пробежали по спине. Что-то изменилось.

– Эй! Кто здесь? – крикнула я и осторожно двинулась дальше, приоткрыв дверь гостиной.

Просунула голову внутрь и осмотрелась – в комнате ничего не изменилось. И спрятаться там тоже было негде. Диваны стояли спинками вплотную к стенам, и уж тем более никому не мог послужить укрытием низкий журнальный столик. Я открыла дверь шире и на цыпочках прокралась в сторону кухни.

Кухонная дверь была нараспашку, какой я и оставила ее утром. Я бросила быстрый взгляд вокруг и убедилась, что здесь тоже никого нет. Лучи закатного солнца били внутрь сквозь французские окна и наполняли кухню светом: мелкие пылинки крутились в его лучах. Я прошла мимо стойки и «островка» в гостиную, а затем выглянула в сад.

Шейла сидела в своем патио за столом и плела подвесные цветочные корзинки. Я открыла заднюю калитку и окликнула ее:

– Шейла, ты давно здесь сидишь?

– Да, уже пару часов. Превосходный вечер, верно?

– Ты ничего не слышала?

Она поднялась. Ее лицо порозовело от солнца.

– Что ты имеешь в виду?

– Отсюда, из моего дома, до тебя не доносились какие-нибудь звуки?

– Я только что слышала твой голос. Ты поздоровалась со мной?

– Нет, не совсем то. Мне просто померещилось.

– Может, это Мэтт? Он дома? Давно не видела его машину.

Я глубоко вздохнула:

– Он уехал на время. Работа.

Я понимала, что Шейле хочется спросить, куда именно он уехал, чем занят и когда вернется, а потому поспешила попрощаться и вернулась в кухню. Всего лишь шаг – и я замерла. Чайник стоял рядом с холодильником, и не был мне виден, когда я вошла со стороны холла. Теперь же, со стороны сада, я заметила, как из носика вьется легкий парок. Я медленно протянула руку и дотронулась до него.

Чайник был горячим.

– Мэтт? – крикнула я. – Мэтт, это ты? – И бросилась через холл и вверх по лестнице. – Ты здесь?

Я врывалась в каждую комнату, непрерывно повторяя его имя. Я осмотрела все, даже заглянула под кровать, думая, что он пытается спрятаться от меня. Затем я села на кровать. Сердце стучало в бешеном ритме. Он должен быть здесь. Он обязательно должен быть здесь! Немного успокоившись, я поднялась и снова обошла комнаты. Ничто и нигде не изменилось. Тюбик зубной пасты лежал на раковине, где я его и оставила. Покрывало было откинута, чтобы проветрить постельное белье. Туфли так и валялись на полу, и монета в один фунт, выпавшая из моего кошелька прошлым вечером, лежала на прикроватном столике.

Я снова села. Меня била дрожь. А потом на меня навалилось все сразу: исчезновение Мэтта, мои бесплодные поиски, необходимость продолжать жить в полном одиночестве. Слезы потекли по лицу. Я вытерла глаза, размазав тушь по щекам. Вскоре я уже рыдала в голос.

Я всего лишь хотела, чтобы Мэтт пришел домой, как обычно, и поставил чайник на плиту, прежде чем принять душ, а потом сел за кухонный стол, попивая чай, дожидаясь моего возвращения с работы.

Но постепенно ощущение реальности и здравый смысл возобладали, и я стала думать о погоде, о том, как жарко сегодня, и Шейла даже сумела немного загореть. А солнце по-прежнему светило сквозь французские окна, обжигая даже сквозь стекло. Просто чайник попал под его лучи. Конечно же, Мэтта здесь не было. Солнце раскалило металлический чайник, вот и все. Я обязательно проверю его завтра. Но уже сейчас не было сомнений, что именно так все и произошло.

Умывшись, я спустилась вниз. Солнце переместилось, и в комнате стало немного прохладнее. Я дотронулась до чайника и обозвала себя идиоткой. Он был чуть теплым. Таким, каким становится металлический предмет, простоявший весь день в жаркой кухне. Разумеется, Мэтта не было дома. Зачем ему приходиться кипятить воду в чайнике, чтобы снова

уйти? Полная бессмыслица.

Кухонная стена была выложена в шахматном порядке темно-зеленым и белым кафелем. Я дотронулась до зеленой плитки.

Она все еще оставалась влажной от пара.

Глава 21

На следующее утро я проснулась и увидела в телефоне новые сообщения от Кэти.

Ты уже рассказала обо всем маме?

Кто еще знает?

Ты не будешь возражать, если я расскажу Джеймсу?

Прочитав это, я усмехнулась и отключила телефон. Я любила Кэти, но в последнее время она все сильнее раздражала меня. Мне делалось дурно при мысли, как она начнет обсуждать случившееся с Джеймсом, и я не сомневалась, что ее мамочке уже обо всем известно. Я представляла лицо ее матери, глаза, замутненные слезами сочувствия, когда Кэти рассказывала ей тихим, доверительным тоном все о моей жизни. Конечно, скоро я свяжусь с ней, а пока мне хотелось думать о том, как Мэтт приходил домой позавчера.

Я полежала еще полчаса, рискуя опоздать, но потом вскочила и начала собираться. Вспомнила свой вид в зеркале и поклялась себе: такое не должно повториться. Больше меня не тошнило, но все равно продолжало мутить. Я чувствовала себя не просто бесконечно усталой, а совершенно не в своей тарелке.

В тот день я сумела справиться с работой, однако по-прежнему не составила список дел, которые нельзя было откладывать, а потому беспокоилась, не забыла ли о чем-нибудь важном. Попросила Сэма задержаться на час после окончания рабочего дня, чтобы помочь мне с документами, необходимыми для совещания на следующее утро. Он согласился, несмотря на то, что сам был очень занят и брал работу на дом, чтобы не нарушать собственный график. Но я знала, что одна не успею, и сама себя ненавидела за это. Мой начальник Джордж уже интересовался, встретив меня в коридоре, все ли со мной в порядке.

– Постарайтесь устроить себе в этом году хороший отпуск, – порекомендовал он. – Поезжайте со своим молодым человеком куда-нибудь в теплые края. Вы вернетесь обновленной и полной энергии.

Я улыбнулась ему так напряженно, что свело лицевые мышцы.

– Так я и сделаю. Непременно, – произнесла я. – Не волнуйтесь за меня.

Вечером меня навестила Кэти. Я предчувствовала, что она обязательно заявится, хотя даже не позвонила предварительно, проверяя, дома ли я. Из окна гостиной я видела, как она остановила машину на моей подъездной дорожке, а потом несколько минут сидела, глядя в пространство. Мой телефон издал сигнал. Я схватила его в надежде, что на связь вышел Мэтт. Но сообщение было от папы:

Тожe очень скучаю по тебе. До скорой встречи.

Я закрыла глаза. Смысл послания стал мне понятен сразу. И, конечно же, буквально через несколько секунд телефон опять начал вибрировать у меня в руке.

Сообщение предназначалось твоей мамочке. Не обращай на него внимания.

Значит, отец снова взялся за старое. Впервые я узнала об этом в тринадцатилетнем возрасте. Закончилась осенняя учебная четверть, и мы ушли из школы намного раньше, чем обычно, – сразу после обеда. Вместе с Кэти сели в автобус, чтобы отправиться в Ливерпуль и заняться поисками подарков на предстоящее Рождество. Центр города был заполнен людьми, и мы разглядывали витрины магазинов, когда я вдруг заметила отца, шедшего по переулку. Он разговаривал с какой-то женщиной и смеялся. Мне запомнилось, насколько иначе отец вел себя с ней, чем дома.

Я попросила Кэти подождать меня, пообещав вернуться через минуту, и последовала за ним, прячась за спинами какой-то семьи, чтобы, обернувшись, отец не увидел меня. Бросилось в глаза, что женщина держит его за руку. Я призадумалась. Она не может идти сама? Зачем ей держаться за него?

А потом они остановились, он посмотрел на нее сверху вниз, наклонился и поцеловал ее в губы. Я заметила у женщины на пальце обручальное кольцо, когда она положила руку моему отцу на плечо.

И внезапно все стало ясно. Я вернулась к Кэти, которая не обратила внимания на мое отсутствие, и стала слушать, какие вещи ей особенно понравились в витрине большого универмага. Постаралась тоже сосредоточиться на выборе покупок, но больше всего боялась расплакаться.

Я же ни о чем не могла ей рассказать. Я никогда не посвящала подругу в подробности жизни нашей семьи.

И теперь воспоминания волной окатили меня, и я уже собралась позвонить отцу, высказать ему все, что думаю о нем, но поняла, что это бессмысленно. Бросив телефон на диван, я вышла к машине Кэти. Она вздрогнула, когда я неожиданно села рядом, и, разглядев мое лицо, достала с заднего сиденья целый пакет бумажных носовых платков.

– Извини, просто задумалась. Мама испекла для тебя торт. Она надеется, что у тебя все хорошо.

– Спасибо. Тебе не следовало волновать ее.

– А она несколько не волнуется. Ей нравятся кризисные ситуации. – Кэти склонилась, чтобы обнять меня. – Хочешь поужинать со мной?

Я поежилась от ее прикосновения. С тех пор, как пропал Мэтт, у меня возникло ощущение потери какого-то защитного слоя кожи, и потому любой контакт с людьми делался для меня неприятным и заставлял нервничать. Она же прижалась ко мне еще теснее, игнорируя мое сопротивление, и я почувствовала знакомый аромат. Кэти пользовалась духами «Шанс» от Шанель.

Внезапно она отпустила меня и взяла с заднего сиденья две коробки с пиццей. У меня не хватило духа сказать ей, что я уже эту пиццу видеть не могу. Кэти передала коробки мне, а сама достала бутылочки с газированной минеральной водой.

– Спасибо, – кивнула я. – У меня сегодня маковой росинки во рту не было.

Она промолчала, и у меня появилась возможность приглядеться к ней пристальнее. Даже под слоем косметики ее лицо выглядело бледным, а глаза покраснели и распухли.

– А у тебя-то самой все хорошо, Кэти?

– Это все работа, – произнесла она. – Ненавижу свою контору. С нетерпением жду момента, когда смогу уйти оттуда.

А ведь еще и пары месяцев не минуло с тех пор, когда Кэти рассказывала о своей работе в восторженных тонах, расписывала, до чего ей там все нравится и насколько больше денег она станет вскоре получать. Я знала, что она амбициозна. Это черта характера была свойственна ей с ранней юности. И я всегда думала, что если люди вообще способны добиться успеха за счет одной только силы воли, то Кэти доберется до недостижимых вершин. И понимание этого часто служило для меня самой отличным стимулом трудиться упорнее. Но сейчас складывалось впечатление, что Кэти достигла той точки, когда человек начинает

задумываться: а стоит ли овчинка выделки? Причем я знала заранее, что к этому она и придет в конце концов. Что касалось меня самой, то я пребывала в уверенности, что, как только вернется Мэтт, у меня снова все наладится и на работе. Мысль о повышении больше не переполняла меня тем же приятным возбуждением, как раньше. Меня больше интересовали теперь поиски Мэтта, но для Кэти с ее стабильными отношениями в семье не было ничего важнее работы.

Причем она неизменно старалась приуменьшить усилия, которые ей приходилось вкладывать в свой труд. Даже еще сдавая экзамены в школе, могла поклясться чуть ли не именем матери, что совершенно не готовилась дома, но при этом всегда получала отличные оценки. Про себя я никогда не могла сказать того же. Я работала, используя каждую минуту, в страхе потерпеть неудачу, опасаясь, что окружающие увидят, чего я на самом деле стою, как только ослаблю усилия. Кэти получала такие же результаты, как и я, но при этом не без хвастовства заявляла: «Мне просто повезло! Я и минуты не потратила на занятия этим предметом!» Но мы обе знали, что везение здесь ни при чем, и она часами просиживала в своей комнате над учебниками, делая вид, будто страшно занята чем-то другим, что смотрит увлекательные передачи по телевизору или читает «Космополитен». Но мы знали с ней и другое: я бы никогда не стала разоблачать ее ложь.

При этом Кэти была преданной подругой, о какой можно мечтать, всегда готовой прийти на помощь и защитить меня. Часто, выпив вина, мы предавались воспоминаниям о прежних временах. Заводили разговор о мистере Харпере, нашем учителе, который обозлился на меня без всякой причины. Что бы я ни делала, он все объявлял неверным. Весь класс знал это. Однажды я стояла перед ним, и он отчитывал меня, когда Кэти вдруг попросила разрешения выйти. Мистер Харпер велел ей подождать, пока закончит со мной. При этом он не мог не замечать, что ей действительно плохо. Она побледнела, веки опухли, но он заставил ее ждать стоя, доведя меня до слез. Казалось, именно в этом всегда и заключалась цель, к которой учитель стремился, но мы не могли понять, зачем. В тот день, когда у меня снова потекли слезы, он поднял взгляд на Кэти и спросил: «Ну, что там у вас?», словно в его обязанности не входило помогать нам во всем. Она открыла рот, чтобы ответить, но ее тут же стошнило прямо на его стол. Позднее Кэти утверждала, что так наказала учителя за грубое обращение со мной.

Сейчас она вошла в холл и собиралась перебраться в кухню, когда я вспомнила о своих бумажках, разложенных на мраморном столике. Утром я снова перебирала и перекладывала их, формируя нечто вроде решетки.

Подобный метод казался мне наиболее эффективным. Но я знала, что не могу показать свои записки Кэти. Она решит, что я окончательно рехнулась. Или дошла до крайней степени унижения.

– Проходи сразу в гостиную, – сказала я и почти силком заставила ее сменить направление движения. – Располагайся.

Я поставила коробки с пиццей на журнальный столик и включила лампы.

– Ну, как ты тут? – спросила Кэти.

– Вроде все нормально, – ответила я. – Подожди, я принесу тарелки.

Включив телевизор и сунув ей в руку пульт дистанционного управления, я отправилась в кухню, собрала бумажки и положила их в хлебницу. И успела вовремя. Стоило мне взяться за тарелки и стаканы, Кэти все же принесла пиццу в кухню.

– Давай поедим здесь? – предложила она.

А потом принялась открывать шкафы и выдвигать ящики. Я не спрашивала, что она там ищет, понимая: ее интересуют любые следы пребывания в доме Мэтта.

– Ничего не найдешь, – резко произнесла я.

Кэти задвинула очередной ящик.

– Что?

– Никаких вещей, забытых Мэттом. Он не оставил после себя ничего. Я уже трижды проверила везде.

Кэти выглядела смущенной.

– Да, понимаю. Странно, правда? Здесь все так же, как много лет назад. Еще до его переезда к тебе.

Я заскрежетала зубами. С громким стуком поставила перед ней стакан с минеральной водой.

– Разумеется, все стало по-прежнему, – заметила я. – Мэтт теперь не живет у меня.

– Да, конечно, но только все равно выглядит необычно. Я это имела в виду.

Я кивнула, но так, словно вовсе не соглашалась с ее мнением. Все окружавшее меня казалось сном наяву. То есть его прежняя жизнь со мной представлялась то ли сном, то ли воспоминанием об умершем уже человеке. Обстановка будто принадлежала к какому-то иному миру, некой параллельной реальности. Поскольку от Мэтта не осталось ни следа, он как бы перестал существовать. Превратился в придуманного мной персонажа.

И все же по ночам, когда лежала в постели, я по привычке оставляла для него место. До встречи с ним у меня была привычка спать,

растянувшись по диагонали и занимая всю кровать. Но как только появился Мэтт, сразу возникло ощущение, что мы с ним просто созданы для того, чтобы делить одну постель. Наши тела переплетались, его рука ложилась на мое плечо, а лицом он утыкался в мою шею. По прошествии некоторого времени мы стали спать, чуть отдалившись друг от друга, и уж, разумеется, после ссоры, когда я вообще пыталась отправить Мэтта ночевать на диван. Зато теперь, просыпаясь посреди ночи, у меня возникала иллюзия, будто он в постели рядом со мной. Я могла чуть ли не ощущать на шее его дыхание, легкое прикосновение ресниц к моей коже.

Пришлось встряхнуться. То время миновало. Даже если я сумею найти его, жизнь уже никогда не станет прежней. Я не позволю ему так просто шмыгнуть к себе под одеяло, словно ничего не произошло. Не позволю.

Мы с Кэти сидели в кухне и ели пиццу. Мне хотелось принять горячую ванну, и чтобы по радио передавали легкую музыку, отвлекающую от грустных мыслей. У меня уже болела голова от постоянных напряженных размышлений. Я просыпалась ночью в холодном поту с учащенным сердцебиением, убежденная, что Мэтт вернулся и почему-то злится. У меня внезапно возникала идея позвонить в его спортзал или зубному врачу, которого он посещал, и я посреди ночи босиком шлепала вниз, чтобы сделать запись, напоминая себе о том, о чем не забыла бы без всяких записей.

– Итак, – сказала Кэти, покончив с едой. – Ты приняла решение?

Я покачала головой.

– Просто поверить не могу, до чего же ты невезучая! – воскликнула она. – Залететь как раз к моменту, когда он тебя бросил! А ты не думаешь, что Мэтт ушел от тебя именно поэтому? Не мог он догадаться, что ты беременна, а ему это совершенно ни к чему?

– Ты считаешь его способным на такой поступок?

Кэти пожала плечами:

– Некоторые мужчины сделали бы именно это.

– Но ведь мы говорили о Мэтте! Разве он бросил бы меня в такой ситуации? – Но на самом деле у меня сердце упало от подобного предположения. – Ты считаешь, он мог просто угадать, что я беременна? Меня ведь не подташнивало до его ухода.

– Не знаю, – мрачно отозвалась Кэти. – Я не разбираюсь в мужских характерах.

Как и я сама, мелькнула мысль. Например, я не могла представить, что Мэтт может бросить меня таким образом.

– Ты посчитала, когда был зачат ребенок? – спросила она.

– Что?

– Я просто хочу прикинуть, – пояснила Кэти, – на какой стадии ты сейчас.

– Прошло несколько недель, – ответила я, поскольку произвела уже определенные подсчеты. – Недель семь или восемь.

– Получается, вы занимались сексом почти до самого дня его ухода?

– Разумеется, занимались!

– Извини за назойливость. Я размышляла вслух. Мне-то казалось, что ваши отношения значительно ухудшились, и потому он оставил тебя.

– Нет. Все было прекрасно. Никаких проблем не возникало. Ты же не заметила ничего странного в его поведении?

Кэти покачала головой.

– Я много думала об этом со времени его ухода и не могла припомнить никаких признаков, которые бы предвещали такую развязку.

Она посмотрела на свои руки и заметила скол на маникюре.

– О, какая неприятность! – воскликнула Кэти. – Мне лучше отправиться домой и заняться ногтями.

«Отрадно знать, что ты умеешь правильно определять свои приоритеты», – подумала я.

Поднимаясь, она добавила:

– Ханна, хорошенько подумай над этим. Ты не сможешь быть матерью-одиночкой. Ты сама себя возненавидишь. Тебе будет одиноко, перестанет хватать денег, и... Ты совсем не с этим связывала планы на будущее. Твой отец с ума сойдет, когда узнает!

При мысли, что придется сообщить отцу о своей беременности, я почувствовала новый приступ тошноты и головокружения.

– Вот почему мне необходимо разыскать Мэтта!

– Ты готова принять его обратно только из-за ребенка? Как ты сможешь продолжать жить с ним, зная, что он вернулся только из-за этого?

– Все обстоит иначе, – возразила я. – Я уверена в любви Мэтта ко мне. И детей он тоже хотел завести.

– Когда он в последний раз говорил тебе это?

Я не сразу сумела ей ответить. Вспомнила, как Мэтт лежал рядом со мной в постели, в первые дни нашей совместной жизни, поглаживая меня по животу и приговаривая: «Ты можешь представить, какое это ощущение, носить в себе ребеночка? Это будет так необычно. Вообрази, как он начнет в тебе шевелиться. Похоже на научно-фантастический фильм».

«Или фильм ужасов, – отозвалась я. – Не беспокойся. Я никогда не

забуду вовремя принять таблетку».

«Я вовсе не беспокоюсь. Это было бы замечательно. – Мэтт поцеловал меня. – А из тебя получится превосходная мама».

От его слов я заплакала, хотя не объяснила ему причины своих слез.

Мы часто заводили подобные разговоры в самом начале, но я не могла вспомнить, когда именно он говорил мне об этом в последний раз.

– Уже достаточно давно, – ответила я Кэти, – но он знал, что я хочу сначала получить повышение в должности на работе. И конечно же, я не хотела заводить ребенка до тех пор, пока мы не поженимся.

Кэти посмотрела на меня с жалостью, и я заявила:

– Но ведь и вы с Джеймсом не поженились!

– Верно, верно! – Она засмеялась. – Мои мама с папой не могут пока позволить себе такие расходы.

Задние габаритные огни автомобиля Кэти растворились в темноте улицы, а я вернулась в кухню, чтобы немного навести там порядок. Коробка с тортом лежала на одной из полок стойки. Я сняла крышку и стала разглядывать это произведение кулинарного искусства, представляя, с какой любовью мать Кэти аккуратно покрывала поверхность торта шоколадным кремом. Я догадывалась, насколько она рада, что не Кэти перенесла столь тяжелое потрясение. При этом мое лицо исказилось от ощущения невыразимой боли, а желудок свело, предвещая необходимость скорого посещения ванной.

А мне все еще представлялось выражение сострадания на лице матери Кэти. Я неоднократно видела его прежде, хотя с последнего раза прошло несколько лет, и мысль, как она жалеет меня сейчас, стала невыносимой. Я схватила торт, с любовью приготовленный для меня, и швырнула его в мусорную корзину, вложив в это движение всю свою ярость.

Глава 22

К субботе я чувствовала невероятную усталость. Проснувшись поздно и спустилась позавтракать, но потом у меня уже не осталось энергии ни на то, чтобы принять душ, ни на смену одежды. Я легла на диван, закутавшись в одеяло. Было слышно, как Шейла и Рэй постригают свою лужайку и моют машины, и даже эти их самые рутинные, но совместные дела заставили слезы навернуться на глаза.

Я лежала и вспоминала ушедшие дни – «славные дни», как мы их называли. Думала о Кэти, о нашем с ней знакомстве в первый день занятий в школе. На перемене она сразу спросила меня, хочу ли я стать ее лучшей подругой. Я не знала, что такое лучшая подруга, но обрадовалась, когда мама объяснила мне, в чем заключается смысл этого словосочетания. Мне нравилось ходить к Кэти в гости – даже в том возрасте я понимала разницу между ее домом и моим. Там царила иная атмосфера, не зависевшая от того, кто и в каком настроении у них находился. Не начиналась бурная активность, когда машина ее отца появлялась на подъездной дорожке, не возникало общего чувства облегчения, стоило ему уехать.

А вот Кэти никакого различия не ощущала и тоже любила приходить ко мне поиграть. Мои родители были относительно богатыми людьми, и игрушек мне покупали даже с избытком. Я знала, что Кэти мне завидует, у ее папы с мамой с деньгами обстояло значительно хуже, чем у моих, но все, что имели, они тратили на дочь. Вот только почему-то ей всегда казалось этого мало.

По мере взросления Кэти приобрела привычку подражать мне во всем, носить такую же одежду, делать такую же прическу, пользовалась такой же косметикой. Порой мне это льстило, но чаще раздражало. Иногда мой отец делал подарки нам обеим, и она сияла от счастья, улыбалась и говорила ему, как мне повезло иметь такого замечательного папу. Ему нравилось слышать это. Кэти и в отпуск часто ездила с нами, и странным образом ее присутствие с нами во Флориде или Марбелье – куда бы мы ни отправились – облегчало отношения в семье, делало поездки более веселыми. Моя мама тоже всей душой любила Кэти, хотя всегда настороженно присматривала за ней. Особенно во время каникул и отпусков.

Когда нам исполнилось семнадцать лет, мы познакомились с Джеймсом. Он был рослым парнем со стройной фигурой, длинными

лохматыми волосами и темно-синими глазами. Повсюду таскал с собой свою гитару, и я представляла его таким полубогом рока из пригорода. С самого начала мы обе влюбились в него, но именно меня Джеймс первой пригласил на свидание, после чего мы стали с ним неразлучны. Кэти постоянно увязывалась за нами, но я догадывалась, что ее интересует только Джеймс, и оттого еще сильнее привязывалась к нему. Ближе к финалу наших с ним отношений мы почти перестали видеться с ней, и я понимала: Кэти недостает его даже больше, чем меня.

В подростковые годы мы с Кэти неизменно вели записи в личных альбомах. Писали о музыкантах, концерты которых посещали, о мальчиках, об одежде. Вклеивали туда фотографии, билеты и вырезки из газет. Каждый год знаменовался началом нового альбома. Теперь мои пылились на чердаке, и в последний раз я видела их, когда мне исполнилось тридцать лет. Мы с Кэти тогда выпили лишнего, и я притащила их вниз, чтобы мы смогли вдоволь посмеяться. Когда же Кэти в тот вечер ушла, прежде чем сложить альбомы обратно в коробки, я бегло пролистала каждый еще раз. И заметила, что одна из фотографий Джеймса пропала. Это был снимок, который сделала я сама. Джеймс ждал меня в парке со своей гитарой. Мы с Кэти шли ему навстречу, и он улыбнулся мне, когда я навела фотоаппарат и щелкнула затвором. И даже тринадцать лет спустя его улыбка заставляла меня улыбаться в ответ. Я отправила Кэти текст:

Кстати, где та фотография?

Через пару минут пришел ответ:

Какая еще фотография?

Ты прекрасно знаешь, черт тебя побери, о каком снимке речь! Я бы сделала для тебя копию. Нужно было лишь попросить.

Кэти больше не отзывалась до утра, но я проснулась и увидела новое сообщение:

Все равно понятия не имею, о чем ты.

И я догадалась, что она пытается изменить историю, искренне верит, будто Джеймс в тот день улыбался ей. Но это было не так.

Неожиданно я подумала: а ведь я не поднималась на чердак после

ухода Мэтта. Мне это даже в голову не приходило. Все мои вещи он сам спустил оттуда вниз – телевизор, книги и прочее.

В последний раз я забиралась на чердак после празднования Нового года, когда мы с Мэттом убрали елочные игрушки. Это всегда превращалось в нелегкую задачу, потому что электричество туда не провели, и одному приходилось светить фонариком, пока другой ставил на место коробки и сумки. А если добавить к этому похмелье, то становилось еще труднее.

Я постаралась припомнить, какие вещи Мэтта хранились на чердаке. При переезде он привез с собой тонны всякой всячины, но все это как-то равномерно разместилось в комнатах, отчего дом теперь и выглядел опустевшим. Мне нравилось мое жилище до прибытия Мэтта, поскольку я считала минимализм самым подходящим и модным стилем, но с его вещами он внезапно наполнился новой живой энергией и стал более уютным. Даже гостеприимным. Я уже прибегала к этому сравнению – эффект получился такой же, если бы черно-белая фотография вдруг заиграла яркими красками. Но теперь все это ушло. И дом, казалось, ждал появления кого-то еще, кто смог бы вдохнуть в него новую жизнь.

Я быстро оделась, достала из сарая стремянку и втащила ее в коридор второго этажа. Доступ на чердак открывался через люк на площадке перед дверью моей спальни. Я прочно установила лестницу, поднялась по ней и откинула люк вверх и в сторону. Посветив внутрь фонариком, подтянулась на руках и влезла на чердак.

Отвратительное чувство испытываешь, оказавшись в таком месте одна. Потолка в обычном смысле там не было – лишь балки и толстый слой гидроизоляции. Луч фонарика отбрасывал повсюду причудливые тени. Я стиснула зубы и огляделась. В дальнем углу стояли коробки с вещами, относившимися к временам моей юности. Школьные дневники, каждый из которых мог вызвать волну воспоминаний, вышивки с уроков труда, книги, любимые мной и потому сохраненные для будущих детей. Эта мысль заставила меня ненадолго задержаться, но потом я постаралась как можно скорее избавиться от нее.

Мэтт побывал и здесь, чтобы забрать принадлежавшие ему вещи. Казалось, он не оставил ни единой мелочи. Пара чемоданов и походный рюкзак пропали. Коробка с карточками из пачек сигарет, которые его дед собирал еще в двадцатые годы, а Мэтт все намеревался выставить коллекцию на продажу через Интернет, тоже исчезла. Нужно проверить такие сайты: занесу в список необходимых дел, когда спущусь вниз. Не

осталось и желтой сумки, куда Мэтт сложил свою старую одежду.

Осторожно ступая, я двинулась дальше в глубь чердака. Пол застилали еще до того, как я заселилась в дом, и мне всегда казалось небезопасным ходить по этим плитам. Но я хотя бы понимала, что глупо испытывать страх, если тут никого не было, кроме меня. Издалека снизу доносились звонки телефона, оставленного в гостиной, и мне вдруг пришла в голову неприятная мысль. Произойди со мной несчастный случай, меня смогут найти, если только кто-то догадается войти в дом без моего ведома. Хотя даже тогда мой зов о помощи едва ли будет слышен в холле. Я вздрогнула. Дело было в субботу днем, и меня точно никто не хватился бы до утра понедельника, когда мое отсутствие могло обеспокоить Сэма или Люси. Они начнут звонить мне, но даже если я не отвечу, решат, что я просто больна или не в настроении. Я рисковала застрять здесь на много дней: раненая, без телефона, без света (батарейки в фонарике хватило бы ненадолго), не способная позвать кого-то на выручку. Нужно быстро выбираться обратно.

Я повернулась в сторону открытого люка. Снизу бил столб света из окна в коридоре, окрашенный в розовые и зеленые тона вставленного там в раму витража. Пытаясь сохранить равновесие, чтобы аккуратно начать спускаться по стремянке, я ухватила за балку и вскрикнула, когда что-то оцарапало мой палец. Я направила туда луч фонарика и нащупала торчавший наружу крупный гвоздь. Что-то прилипло к нему, и я сдернула с кончика гвоздя клочок волос – всего несколько прядей. На ощупь они оказались очень странными. Жесткими. Я осветила их и рассмотрела. Волосы покрывало нечто засохшее и имевшее цвет ржавчины.

Это были волосы Мэтта и его кровь.

Они остались с того дня, когда мы убрали на чердак елочные игрушки. Я видела коробки с ними в одном из углов – картонные, наполненные раскрашенными шарами, золотыми колокольчиками и прочими украшениями. Там же лежала праздничная гирлянда. Укладка вещей на чердаке всегда создавала проблемы, но в тот раз Мэтт споткнулся именно там, где стояла сейчас я, ударившись головой о балку, а когда я осветила больное место, то увидела пятнышко крови, оставленное этим гвоздем.

Теперь я смотрела на то, что держала на ладони. Это даже не воспринималось как его волосы – нечто сухое и поблекшее, утратившее изначальный темно-русый оттенок. Но я все равно сунула клочок волос в карман джинсов.

Ведь больше у меня от Мэтта ничего не осталось.

Глава 23

Когда я наконец добралась до своего мобильного телефона, в нем было голосовое сообщение от Кэти.

«Привет, Ханна! Хотела поговорить с тобой. Я обсудила с Джеймсом твою беременность, и он рекомендует тебе пойти на прием к врачу. Рассказал, как его сестра сразу зарегистрировалась в больнице, как только узнала о беременности. Ее взяли под наблюдение, проводили сканирование и прочие процедуры. Что ты об этом думаешь? Хочешь, я пойду с тобой?»

Я горько усмехнулась и не стала перезванивать ей, отправив в ответ лишь текст:

Вот почему мне необходимо разыскать Мэтта.

Телефон издал сигнал. Я застонала. Снова Кэти. Но при взгляде на дисплей увидела, что новое сообщение прислано с незнакомого мне номера. Текст был такой:

Я знаю, где ты.

Я не сводила глаз с сообщения. Что за странности? Перечитала его, но в нем не было никакого смысла. Я ведь находилась у себя дома! Кто мог прислать такое? Я осторожно добралась до окна гостиной и прижалась к стене, чтобы незаметно выглянуть наружу. Улица выглядела как обычно. Машины стояли припаркованными рядом с домами, на весеннем солнышке играли дети. Водитель из фирмы по доставке грузов стучал в дверь через дорогу. На мой дом не смотрел вообще никто. Я не заметила ни подозрительного микроавтобуса с тонированными стеклами, ни притаившегося в тени снайпера.

Вернувшись в кухню, я сравнила номер с тем, с которого отправили текст «Я дома». Номера не совпали. Попробовала позвонить Кэти, но она не отвечала. Я набрала ее городской номер, и трубку снял Джеймс.

– Кэти дома? – спросила я.

– Я думал, она отправилась по магазинам с тобой. Она отключила свой сотовый?

– Нет, но Кэти не откликается на вызовы. А разве предполагалось, что мы с ней сегодня встречаемся? Меня порой подводит память.

– Я тоже могу ошибаться, – произнес Джеймс. – Я ведь не прислушивался к разговору. Она, вероятно, отправилась к своей матери. Ты получила от нее сообщение?

Несколько секунд я пребывала в замешательстве. Мы ведь с Джеймсом редко общались наедине в последнее время.

– На мой телефон пришел текст, – сообщила я. – И мне непонятно, от кого он.

– Неужели еще один? А что с тем, который ты получила позапрошлым вечером?

– Ничего. Никакой ясности, – ответила я. – Наверное, ошиблись номером.

Казалось, я напрочь забыла о том, как металась по дому и в отчаянии искала Мэтта.

– Но дело даже не в этом, – продолжила я. – Сегодняшний текст... он странный.

– Странный? – переспросил Джеймс, хотя его что-то отвлекло от разговора со мной. – Прости, мне показалось, что Кэти открывает входную дверь. Что же за текст?

– Слова такие: «Я знаю, где ты».

– Что?

– «Я знаю, где ты».

– А где ты на самом деле? – спросил он, и я невольно рассмеялась, почувствовав облегчение.

Глупо было взвинчивать себя из-за дурацкого сообщения.

– Дома, разумеется.

– Понятно. Любой мог бы догадаться, что ты дома в субботу днем. А с какого номера прислали?

Я продиктовала ему номер и услышала, как он стучит по клавиатуре своего компьютера.

– Что ты делаешь?

– Проверяю, не числится ли номер где-то в Сети, – объяснил Джеймс. – Нет, ничего не получается.

Я подумала, что позднее проведу такую же проверку сама.

– Джеймс, как ты считаешь, это может быть текст от Мэтта?

– От Мэтта? Но ведь это не его номер!

– Нет. Но его номер отключен с тех пор, как он ушел. Мэтт мог обзавестись новым телефоном.

– Или заблокировать тебя.

– Я пробовала набирать с разных аппаратов.

Даже из телефона-автомата на станции Лайм-стрит, куда я отправилась однажды вечером в безумном стремлении добиться, чтобы Мэтт ответил и поговорил со мной.

– И сегодня номер не тот же, что позавчера?

Теперь я уже сожалела о своей излишней откровенности.

– Нет.

– Его не оказалось дома, когда ты примчалась к себе?

– Нет.

– С какой же стати ему посылать тебе подобные сообщения?

– Не знаю, – вздохнула я.

– Ты в любой момент можешь попробовать позвонить на новый номер.

Или, если хочешь, это сделаю я.

– Не стоит даже пытаться. Все в порядке. Ты можешь нарваться на какого-нибудь сумасшедшего, в лучшем случае. Надо просто проигнорировать сообщение.

Через несколько минут зазвонил мой телефон. На сей раз это была Кэти.

– Привет! Ты мне звонила?

– Да. Скажи мне, Кэти, мы должны были сегодня встречаться с тобой?

– Что?

– Я только что беседовала с Джеймсом, и он уверен, что ты отправилась со мной по магазинам.

– Ах, вот в чем дело! – воскликнула она. – Нет. Я пошла искать ему подарок ко дню рождения. Хочу подарить Джеймсу хороший фотоаппарат, и у меня уйдет на выбор уйма времени. Я не хотела, чтобы он увязался за мной, и сказала, что мы с тобой встречаемся.

– Я действительно могла бы пойти с тобой. А то сижу здесь одна и только душу себе растрavляю.

– Извини, милая. Никак не думала, что тебе сейчас до прогулок по магазинам. Но с чего вдруг тебе понадобилось разговаривать с Джеймсом?

Подтекст прозвучал ясно и четко: общение между мной и мужчиной Кэти должно осуществляться только при ее непосредственном участии. Я усвоила это, как только они начали встречаться, когда она делала все, чтобы навсегда забыть о том, что несколько лет назад мы с Джеймсом были любовниками. Кэти не упоминала об этом в наших общих разговорах, а уж мы с Джеймсом тем более. Так искусственно создавалась иллюзия, будто ничего подобного между нами не произошло вообще.

Я рассказала ей о полученном новом сообщении, и Кэти надолго замолчала. Я даже подумала, что оборвалась связь, но потом услышала:

– Но кто мог послать тебе его?

– Как обычно, подумала на Мэтта, – ответила я, зная, насколько глупо звучало предположение в устах безнадежной неудачницы, какой представляла теперь я. – Кто еще способен на такое?

– Мэтт? Но ему-то это зачем?

– Не знаю. Трудно вообще понять мотивы, заставившие кого-то отправить сообщение.

– В какое время оно поступило?

– Несколько минут назад.

– Странно.

Снова возникло молчание, но затем Кэти сменила тему и затараторила о своей работе, жалуясь, как кто-то из коллег безжалостно третировал ее. Я включила громкую связь, чтобы освободить себе руки, и пока продолжалось ее словесное извержение, сделала несколько новых записей.

Итак, я получила уже два сообщения. С двух разных номеров. Неужели оба отправил мне Мэтт? С трудом верилось, что он мог послать мне текст: «Я знаю, где ты». Никак не вписывалось ни в его характер, ни в поступки, каких стоило бы ожидать от него. Но если не он, то кто?

И цветы поменяли. У меня даже смягчилось выражение лица, когда я вообразила, как Мэтт выбирал букет. Он знал, что я люблю свежие цветы в доме, а фиолетовые тюльпаны предпочитаю всем другим цветам. И CD тоже был выбран не случайно, а выглядел подарком, который я сумею оценить по достоинству. Разумеется, я буду ждать его всегда! Ему и это было хорошо известно.

В ту ночь я лежала в постели, но не могла заснуть. Мысли занимал теперь текст, полученный днем. Кто отправил его? Что имелось в виду под этими словами? Кто знал, где я нахожусь? Получалась бессмыслица. Я была у себя дома, где же еще?

Незадолго до полуночи я взяла телефон и посмотрела на сообщение. Нажала на значок контактов в верхней части дисплея и дотронулась до кнопки вызова. Дисплей осветился ярче, когда начался набор номера. А потом в трубке раздавался гудок за гудком, но никто не отвечал на мой звонок.

Тогда я набрала номер, с которого пришло сообщение: «Я дома». Я лежала в постели в напряженной позе и слушала гудки, хотя знала результат заранее. Никто не ответит. Не могла лишь понять главного. Почему?

Проснувшись на следующее утро, я обнаружила, что лежу лицом в сторону половины, на которой обычно спал Мэтт. Простыня оставалась ровной и холодной. Уже легко верилось, что он вообще никогда не спал рядом со мной. Ни разу не бывал в моем доме. Я потрянула головой, отгоняя эти мысли, а потом сунула руку под свою подушку и достала распечатку фото с университетского сайта в Интернете. Мэтт выглядел таким же, каким я встретила его впервые в самолете, и у меня заныло сердце от желания опять увидеть его. Мне отчаянно хотелось снова оказаться с ним рядом. Я была готова оставить все проблемы в прошлом и начать жизнь с ним заново, с чистого листа. Я ведь знала, что нам суждено быть вместе, как только заметила Мэтта, и, мне показалось, в глубине души он тоже ощутил это. Мы были изначально созданы друг для друга. Идеальная пара.

Но этому пришел конец. Сейчас я была одинока, как никогда прежде, и о своей утрате помнила постоянно. В каждой комнате чудились призраки вещей, увезенных им с собой. И даже в постели мне так не хватало возможности чувствовать на себе его дыхание, пустота зияла на месте, отведенном для него, – рядом со мной, совсем близко.

Глава 24

Когда утром я приехала в офис, меня ожидало электронное письмо из отдела кадров. Я опоздала на десять минут, с трудом заставив себя проснуться после ночи прерывистого и тревожного сна. Сняв жакет, я села за компьютер, рассчитывая «пробить» те телефонные номера через поисковые системы, прежде чем приступить к работе.

Уважаемая Ханна!

Пожалуйста, будьте на совещании в моем кабинете в 9.30. Ожидается присутствие Джорджа Салливана.

*С наилучшими пожеланиями,
Эмма Картер.*

Я сжала голову руками. Но дверь открылась, и мне пришлось мгновенно сменить позу, чтобы выглядеть в полном порядке и сделать вид, будто ничего не случилось. Зашел Сэм.

– У тебя все нормально? – спросил он.

Не было смысла притворяться перед ним и пытаться ввести его в заблуждение.

– Эмма из отдела кадров хочет видеть меня у себя утром вместе с Джорджем.

– Только не это, – вздохнул Сэм. – Едва ли тебя ожидают приятные известия.

Я удивленно посмотрела на него. Он покраснел.

– Брось, Ханна! Ты же сейчас разговариваешь со мной. Они далеко не глупы, как ты понимаешь. И не могут не сообщить, что не удовлетворены твоей работой в последнее время. Ты резко сдала.

Меня охватила дрожь.

– Но ведь это всего лишь формальная встреча!

В отделе кадров я бывала лишь для того, чтобы получить очередное повышение, а в один чудесный день мне сообщили о полученной мной награде. Мысль, что там можно получить серьезный выговор или удостоиться дисциплинарного взыскания, вызвала приступ тошноты.

На моем столе стояла кружка. Я взяла ее, отхлебнула чай и скорчила недовольную гримасу:

– Чай совсем холодный.

Сэм пристально посмотрел на меня.

– Потому что Люси поставила кружку тебе на стол в восемь часов. А в пятницу ты сама ей сказала, что начнешь сегодня рано, поскольку накопилось много дел.

Я поняла намек на свое опоздание и попыталась оправдываться:

– Я плохо себя чувствую.

– Но если ты сама не скажешь им об этом, сами они ничего не поймут. Ты ведь выполнила пару заданий, не уложившись в отведенные тебе сроки, не так ли?

Сэм старался проявлять ко мне доброту и такт. Мы оба знали, как снизилось в последнее время качество моей работы. Раньше я ни разу не срывала сроков выполнения поручений руководства, чем справедливо гордилась. «Пожалуй, попрошу это сделать Ханну. Она справится прекрасно, а главное – вовремя» – вот какое мнение о себе я часто слышала от Джорджа. Что скажет он мне сегодня?

– Как мне поступить?

– Скажи им прямо, что беременна и неважно себя чувствуешь. Попроси короткий отпуск, а позднее подтвердишь справкой от врача. Это они воспримут правильно.

– Не смогу себя заставить, – пробормотала я.

– Для тебя это единственный выход из положения, – заметил Сэм.

Мое лицо буквально горело. Мне не следовало сообщать ему о своей беременности. Сэм не может верно оценить ситуацию, а мне не хватало слов для объяснений.

– Который час? – спросила я.

Сэм посмотрел на часы.

– Двадцать минут десятого. – Он встал и забрал с моего стола свой кофе. – Я еще загляну к тебе. Удачи.

Я перебрала кое-какие документы, с которыми мне предстояло работать, и уже собиралась выходить из кабинета, когда зазвонил мой телефон. Я бросилась назад к столу, чтобы ответить.

– Алло! Ханна Монро слушает.

Молчание. Я нахмурилась.

– Алло! Ханна Монро слушает вас.

Мне нужно было торопиться, но я не могла просто положить трубку. Звонить мог важный клиент.

– Алло!

Донесся какой-то звук. Я вслушалась внимательнее. Чьи-то шаги? Я с силой прижала трубку к уху. Звуки стихли, а затем раздались снова. Я сосчитала их. Пять шагов, а потом новая пауза. Не мог Мэтт случайно нажать кнопку соединения со мной, сам того не зная? И куда он шел? Воцарилась тишина, но я с силой сжимала трубку, стараясь хоть что-то расслышать. Внезапно что-то словно разбилось на другом конце линии, и я вскрикнула.

Я бросила трубку. Меня трясло. Я посмотрела на настенные часы. 9.29. У меня оставалась ровно минута, чтобы добраться до отдела кадров, расположенного на седьмом этаже.

Глава 25

Совещание продолжалось долго. Выйдя в коридор, я чувствовала себя измотанной, будто побывала в соковыжималке. У меня от слез опухли веки, и я заметила, что сотрудники старались не встречаться со мной взглядами. Казалось, все знали, откуда я возвращалась.

Перед тем как войти в свой кабинет, я заглянула в дамскую комнату. Она оказалась пуста. Я встала у раковин и зажмурилась. Затем дверь открылась, и вошла Элис – женщина, с которой мы давно работали вместе. Она посмотрела на меня с сочувственной улыбкой:

– Бедняжка! Никто из них не стоит затраченных на них усилий, верно?

– Кто именно?

Она зашла в кабинку и заперлась в ней.

– Мужчины, – донесся оттуда ее голос. – С ними только понапрасну теряешь время. По крайней мере, с большинством из них. Но не надо расстраиваться, милая. Подвернется другой. И надеюсь, он окажется лучше.

Я смотрела на свое отражение в зеркале. Глаза покраснели, косметика лежала неровными пятнами. Ей кто-то рассказал, что Мэтт бросил меня? Но это знал только один человек. Я вышла из туалета и как можно быстрее добралась до своего кабинета, склонив голову, чтобы никого не видеть. Как только я села за стол, Люси вскочила со своего места и вошла ко мне.

– Я приготовлю вам еще чаю, – сказала она.

– Спасибо.

Через несколько минут она вернулась с кружкой свежего и горячего чаю.

– С вами все в порядке, Ханна?

– Я плохо себя чувствую, – ответила я, опустив голову.

Ясно же, что Люси прочитала письмо по поводу встречи в отделе кадров, пришедшее на мой компьютер, но я не собиралась вести с ней откровенных разговоров.

– Я возьму выходной на оставшуюся часть дня. Или есть что-то срочное? Еще можно успеть решить какие-то вопросы.

– Нет. Ничего такого. Надеюсь, вам скоро станет лучше.

Люси вышла из кабинета и заняла место за своим столом. Я сделала несколько глотков чаю, а потом встала и посмотрела сквозь стекло в общий зал. Люси разговаривала по телефону. Большинство сотрудников работали

на своих компьютерах, но несколько человек оживленно беседовали. У себя в кабинете Сэм тоже говорил по телефону.

Люси беседовала примерно пять минут, а я все это время стояла рядом со шкафом с папками, перебирая бумаги. Наконец заметила, как она сказала в трубку что-то веселое и рассмеялась. В противоположном конце зала Сэм повесил трубку. А вот это уже интересно. Я следила за ним, когда он поднялся, посмотрел на меня, помахал рукой и двинулся в мою сторону. Сэм даже не удостоил Люси хотя бы приветствием, а она сама, казалось, не могла оторваться от какого-то графика.

– Ну, как дела? – спросил он. – Все хорошо?

– Не совсем. Мне надо кое-что у тебя выяснить. Можешь закрыть дверь плотнее?

Сэм бросил на меня встревоженный взгляд.

– Что случилось?

– Ты рассказывал кому-нибудь, что Мэтт ушел от меня?

– Что?

– Ты меня прекрасно слышал.

– Нет, конечно! Я никому ничего не говорил! А почему ты спрашиваешь?

Я покачала головой. Теперь я уже не собиралась ничем с ним делиться. Он сразу побежит к Элис, и они вдвоем распустият обо мне новый слух.

– Так просто, – произнесла я. – Без особой причины.

В моем кабинете вдруг стало темнее, хотя день только начался. Я посмотрела в окно: на небе сгустились тучи, вот-вот начнется дождь. И почувствовала, что если сейчас Сэм не выйдет, я сойду с ума.

– Как прошло совещание? – поинтересовался Сэм.

Я не сомневалась, что ему уже все известно.

– Я получила строгий выговор. Пока в устной форме.

– Сразу «строгача»? Сурово!

– Я рассказала им о проблемах, возникших у меня с Мэттом, на что мне было заявлено: нельзя, чтобы личные проблемы сказывались на результатах работы. – Я закрыла лицо руками. – Они располагали обширным списком моих ошибок. Сколько раз я опаздывала, какие конференции пропустила, сроки сдачи документов, о которых я начисто забыла. – Я посмотрела на него и усмехнулась: – Похоже, они поручили кому-то следить за мной.

Неожиданно я вспомнила текст: «Я знаю, где ты». Он пришел ко мне домой, но и на работу тоже.

– Так каков теперь план?

– Мне разрешили взять во второй половине дня выходной. Думаю, они поняли, что от меня все равно не будет никакого толка. Велели приходить завтра и начинать все сначала.

– У тебя все наладится, – улыбнулся Сэм. – Я в тебя верю. Только не упусти своего шанса. – Он заметил, как начальник отдела приближается к двери его кабинета. – Мне лучше вернуться к себе. У меня с ним назначена личная встреча.

Я собрала свои вещи, отключила компьютер и навела порядок на столе. Взглянув на телефон, вспомнила о телефонном звонке перед совещанием. Похоже, что его целью было нагнать на меня страх. Я позвонила в отдел коммуникаций и попросила разрешения поговорить с их начальником.

– Сегодня утром мне пришлось ответить на странный звонок, – объяснила я. – Есть способ выяснить, кто именно мне звонил?

– Извините, но мы не ведем учета входящих звонков. Но если такое будет продолжаться, сообщите мне. Посмотрю, что можно предпринять.

Я поблагодарила его и положила трубку.

Кто же мог сделать подобный звонок? И для чего ему это понадобилось?

Глава 26

Чем занять себя в оставшуюся часть дня, я не знала. Домой меня не тянуло, и я провела пару часов, просто кружа на машине по городу. Пришла к выводу, что если ехать достаточно быстро, это помогает отвлечься от плохих мыслей. Приходилось сосредотачивать внимание на дороге, и мозг блокировал все остальное.

К обеду я оказалась в Честере рядом с офисом, где работала Кэти. Я припарковалась у двойной желтой линии дорожной разметки вдоль тротуара рядом с железнодорожной станцией и позвонила ей.

– Привет! Ты можешь сегодня пообедать со мной?

– Что? Прямо сейчас? А разве ты не на работе? – Кэти знала, что у меня не было привычки устраивать себе ланч вне офиса.

– У меня выходной до конца дня. Мне необходимо использовать положенные мне отгулы.

– Счастливица! Мне придется переговорить с Лорин. Мы собирались встретиться с ней через десять минут. Но она не станет возражать, и мы отложим беседу. Где ты? В каком месте назначим встречу?

– Я неподалеку от твоей компании. При въезде на парковку станции в Честере.

– Хорошо. Увидимся там через пять минут.

Я посмотрела в зеркальце заднего обзора: макияж смыли с лица слезы, глаза красные, а на коже обозначились мелкие морщинки. В таком виде я не могла пойти с Кэти в какой-то приличный ресторан. Нам придется удовлетвориться второсортным пабом в одном из переулков и там забиться в самый дальний угол. Расстегнув молнию на сумке, я вынула косметичку. Нашла в ней баночку с тонирующим кремом-пудрой, открыла крышку, снова посмотрела в зеркало. И замерла.

Это же Мэтт!

В зеркальце я видела только спину мужчины. На нем был светло-коричневый замшевый пиджак, который Мэтт редко носил. Я выскочила из автомобиля. Транспортный полицейский уже выписывал штрафы за неправильную парковку в конце улицы, и мой взгляд метался между ним и дверью в зал ожидания. В итоге я бросилась вслед за Мэттом. Это мог быть мой последний шанс увидеться с ним.

Я побежала вдоль тротуара, уворачиваясь от пассажиров с сумками и чемоданами или попросту расталкивая их, и влетела в помещение станции.

Вокруг толпился народ. Кто-то покупал билеты, кто-то стоял и пил кофе в бумажных стаканчиках.

Теперь я его уже не видела.

Я двинулась к ближайшей платформе. Там тоже дожидались поезда несколько мужчин, но ни один даже отдаленно не напоминал Мэтта. Я вернулась к билетным кассам. Оттуда мне были видны проходы ко всем платформам. Заметила женщину, прокладывавшую себе путь с багажом сквозь расступавшуюся перед ней толпу, и когда очередная группа отошла чуть в сторону, я снова увидела мужчину с темно-русыми волосами в коричневом пиджаке. Он поднимался по ступенькам к одной из платформ, а потом шагнул на мостик, перекинутый между платформами.

Я помчалась по тем же ступенькам и взошла на тот же мостик, столкнувшись на бегу со студентами. Услышала объявление, что состав на Бирмингем скоро отправится от пятой платформы, и позади меня сразу возникла суета, поскольку многие пассажиры дожидались именно этого поезда. Многие боялись опоздать и тоже побежали. Я оказалась в общем потоке спешивших людей.

Дежурный на платформе поторапливал пассажиров скорее занимать места в вагонах. У противоположной стороны стоял другой поезд, но он пока не отправлялся, двери были открыты, и даже двигатель локомотива не работал.

Я растерялась, не зная, где начинать поиски. Пробежала до конца платформы и обратно, высматривая Мэтта через окна состава, который вот-вот должен был тронуться. И вскоре раздался свисток, дежурный взмахнул флажком, и поезд медленно пополз по рельсам. Я продолжала бежать вдоль него, в отчаянном стремлении увидеть Мэтта. Что сказать ему? Я даже не задумывалась об этом.

Поезд постепенно набрал скорость и скрылся из виду. Я обратила внимание на другой поезд и медленно побрела мимо вагонов, заглядывая в каждый. Внутри уже разместились пожилые пары, женщины, с пакетами из магазинов, группы подростков. Мэтта не было. Я еще раз прошла по платформе из конца в конец, но все оказалось бесполезно.

Зазвонил мой телефон.

– Ханна! – воскликнула Кэти. – Где тебя черти носят? Тебе нужно срочно вернуться к своей машине, пока полицейский не заблокировал колесо и не выписал огромный штраф!

Я вышла из здания станции вся в слезах. И когда транспортный полицейский резко обратился ко мне, разъясняя, что мне грозит за

парковку в неположенном месте, я молчала, а по лицу струились слезы. Он выписал мне штраф, который следовало оплатить в течение месяца, но я лишь молча сунула бумажку в сумку, по-прежнему не в силах произнести ни слова. За руль моей машины села Кэти, поскольку сама я почти ничего не видела. Вскоре она остановилась у реки, достала телефон и позвонила своей помощнице.

– Мой обеденный перерыв сегодня затянется надолго, – сказала Кэти. – Да, кое-что произошло. Вернусь в офис не раньше трех часов. – Она сунула телефон в сумочку и повернулась ко мне. – Что все это значит? Где ты была?

– Я увидела Мэтта, – ответила я. – Это был он.

И я сбивчиво рассказала, как заметила его в толпе и побежала за ним.

– Ханна, – терпеливо промолвила Кэти, – ты же понимаешь, что это был не Мэтт.

– Нет, он! Я уверена. Я видела именно его!

– Во что он был одет?

– В замшевый пиджак. Светло-коричневая замша.

– Не замечала, чтобы Мэтт носил замшевые пиджаки.

– Конечно, пиджак новый. Он наверняка купил себе много новой одежды.

Кэти расхохоталась:

– Мэтт сам купил себе одежду? Не смей меня!

Мэтт действительно терпеть не мог ходить по магазинам. Всю одежду ему покупала я. А в его гардеробе висели вещи, которые он носил многие годы, и они вполне устраивали его, пока не протирались до дыр. Или пока я тайком не выбрасывала их.

– Это был кто-то другой, – заявила Кэти. – Похожий на Мэтта, но не он, дорогая моя.

Я молча покачала головой.

– Уверена, он тебе уже мерещился и в других местах?

В самом деле, в первые дни после исчезновения Мэтта мне казалось, будто я постоянно вижу его то там, то здесь. Повсюду. Не могла пройти вдоль улицы, не вздрогнув хотя бы однажды, потому что была уверена: он только что промелькнул в толпе прохожих. Поэтому я заходила в бары, следовала за мужчинами в супермаркеты, испытывая необходимость проверить, он ли это.

Какое-то время мы с Кэти сидели молча, наблюдая за прогулочным теплоходом, катавшим туристов по реке. До нас доносились их разговоры и беззаботный смех. Миновала вечность с той поры, когда я могла себе

позволить радоваться жизни.

– Как тебя вообще занесло сюда? – поинтересовалась Кэти. – Ты сказала, что тебе на полдня дали отгул в счет отпуска. Ты собиралась пройтись в Честере по магазинам?

– Нет. – Я беспокоюсь заерзала на сиденье. – У меня на работе неприятности, если честно.

Она слушала мой подробный рассказ обо всем, и ей я сообщила больше, чем Сэму. О том, как разочаровалось во мне руководство фирмы, насколько им претила моя нынешняя манера все делать спустя рукава, что мои неверные решения привели к проблемам с клиентами и мне не следовало смешивать свою личную жизнь с решением производственных задач. Они считали это проявлением непрофессионализма.

– Ты сообщила им, что беременна?

– Нет. Не хочу, чтобы они влезли еще и в это, – ответила я.

– Ханна! – Кэти обняла меня. – Я все время гадаю, считаешь ли ты так же, как и я.

– То есть?

– Я сама напряженно думаю об этом с того времени, как ты мне рассказала о своей беременности. И мне это кажется наилучшим выходом из положения.

Я зло посмотрела на нее.

– Знаю, знаю, – продолжила она. – Понимаю, насколько ужасно подобное решение, но оно избавит тебя от многих проблем. Один визит в клинику – и все в полном порядке. Вероятно, потом тебе следует взять полноценный отпуск. Я поеду с тобой! А вернувшись, ты сможешь начать все заново. Присмотришь себе другой дом, если пожелаешь. Даже другую работу, черт возьми!

Заметив наконец мою реакцию, Кэти тихо добавила:

– Прости. Но только я действительно считала это решением всех твоих проблем.

– Ну, начнем с того, что далеко не всех! – резко бросила я. – Очень мило с твоей стороны решать за меня, как поступить с ребенком, но ведь даже избавившись от него, я не смогу вернуть Мэтта!

– Мэтт вообще больше не должен восприниматься тобой как проблема. – Она вздохнула. – Его нет, Ханна. Он бросил тебя. И дал ясно понять, по-моему, что не хочет жить с тобой. Тебе пора бы привыкнуть к этой мысли. Извини, но факты – вещь безжалостная. С ними не поспоришь.

Не произнеся больше ни слова, я отвезла Кэти на работу, постоянно

замечая на себе ее озабоченные взгляды. Я понимала: ей меня искренне жаль, но это лишь раздражало меня, заставляя чувствовать себя униженной и брошенной. И обозленной.

Глава 27

К моменту моего возвращения домой небо потемнело, и хотя было еще рано, дом казался мрачным. Я сняла в холле жакет и сбросила туфли. Подобрала с пола почту и прошла в кухню, где поставила в микроволновку молоко. Я приготовлю себе горячий шоколад. Вот чего мне сейчас хотелось – чего-то теплого, сладкого и успокаивающего.

В буфете я нашла немного бисквитов. Мне нужна была энергия, прежде чем я могла начать обдумывать события дня. Голова невыносимо болела, и я запила водой пару болеутоляющих таблеток, хотя не рассчитывала, что это поможет.

На «островке» я пододвинула бумажки с записями ближе к себе. Снимала по одной и снова выкладывала в ряд, меняя их последовательность. На новом желтом листке я написала: «Мэтт на станции в Честере – поезд на Бирмингем?»

Используя свой айпад, я зашла на сайт со списком всех отелей в Бирмингеме. Их оказалось невероятно много. Потом взглянула на расписание отправления поездов, отправлявшихся из Честера в тот день. И вздохнула. Мэтт мог уехать куда угодно! Мне же предстояло провести время, сидя дома.

Вскоре я занялась почтой. Пришел счет за газ, который я отложила в сторону, информация из банка о балансе моего сберегательного счета. Я вошла в личный кабинет и уменьшила сумму, откладывавшуюся мной ежемесячно. Еще я делала сбережения на будущую ипотеку, используя деньги, полученные от Мэтта на оплату счетов. Сюда тоже пришлось внести изменения. Внезапно меня охватил страх столкнуться с недостатком средств. О более высокооплачиваемой работе и речи быть не могло – я с трудом удержалась теперь на нынешней.

В самом низу пачки лежал конверт с моим адресом и фамилией. На нем был почтовый штамп, но отсутствовала марка. Я вскрыла его, хотя предвидела, что найду внутри всего лишь рекламный проспект какой-нибудь местной компании, навязывавшей всем свои услуги. Там оказался листок бумаги, сложенный пополам. И на нем единственное слово: «Удовлетворена?» Я уставилась на листок, который держала в руке.

Что это значит? Меня в очередной раз охватила дрожь. Кто послал мне эту записку? В чем смысл? Зачем кому-то понадобилось отправлять ее?

Я вернулась к входной двери, но там больше ничего не оказалось,

никакой незамеченной мной почты. Я не знала, в какое время приходил по будним дням почтальон. В субботу он появлялся около одиннадцати часов. Выйдя во двор, я, наверное, впервые в жизни обрадовалась, увидев Рэя.

– Рэй, в котором часу приходит почтальон? – спросила я.

Он поспешил ко мне, довольный, что понадобилась его помощь.

– Обычно он приходит к десяти.

Я хотела поблагодарить Рэя и сразу вернуться в дом, но мне пришлось выслушать рассказ о том, как этот тип доставляет почту по всей округе, включая магазины, часто запаздывает, отчего они с Шейлой пришли к выводу, что он делает где-то остановку на чашку кофе. Причем сказано это было таким тоном, будто почтальон отклонился от маршрута, чтобы принять наркотик.

Когда мне наконец удалось избавиться от Рэя, я вернулась в кухню и снова села за стол, взяв в руки листок. Сейчас он служил мне подтверждением, что я не сходила с ума. Все остальное: текстовые сообщения с неизвестных телефонных номеров, странные звонки на работу, свежие цветы в вазе, даже компакт-диск в машине вызывало вопрос: не рехнулась ли я? В том, что касалось моих нервов и памяти, я точно стала сама не своя, отклонилась далеко от нормы. При этом отлично понимала свою одержимость, как и ее результат – своими действиями я лишь усложняла положение. Но это... Листок бумаги четко доказывал, что дело вовсе не во мне. Кто-то намеренно выводил меня из равновесия.

Я испытывала почти облегчение.

Моим первым порывом было позвонить Кэти. Я помнила, как она посмеялась надо мной из-за свежих тюльпанов. Я и сама понимала, насколько странно они выглядели (я тоже смотрела на них очень долго, не веря своим глазам), но Кэти, по крайней мере, смогла выбраться ко мне, чтобы взглянуть на цветы. Я прикрепила записку и конверт к дверце холодильника с помощью магнита в форме вопросительного знака и взялась за телефон.

– Это похоже на анонимку? – спросила Кэти, услышав о записке. – Она пришла по почте или тебе ее просто сунули в щель для корреспонденции?

– Не знаю, – ответила я. – Конверт лежал вместе с остальными, а потому трудно определить. На нем есть штамп, но отсутствует почтовая марка.

– И там только одно слово? – уточнила она, словно, если бы записка попала к ней в руки, она бы сумела прочитать нечто большее. – Ты уверена?

– Конечно уверена, – усмехнулась я. – Она лежит передо мной. Всего

одно слово.

Кэти немного помолчала, а потом произнесла:

– Хотя я тоже не пойму, что это означает, но тебя будто спрашивают, довольна ли ты тем, что сделала.

– Вот именно! Со мной происходят странные вещи, и я же еще оказываюсь виноватой!

– Какие странные вещи?

Я растерялась, не в силах сразу вспомнить, о чем успела рассказать ей.

– Я имею в виду в совокупности, – пробормотала я.

У меня возникла идея сесть и составить список, о чем Кэти изначально знала, и того, о чем мне не следовало ее информировать.

– Хм-м, – протянула она. – Ты же не считаешь по-прежнему, что те цветы ожили сами собой?

Ее голос звучал так скептически, что я мысленно вернулась ко времени нашей с ней совместной учебы в школе. Возникло ощущение возврата в свою юность, когда мы смотрели вместе на что-то, стараясь сдерживать смех. Губы Кэти начинали подрагивать, и мои растягивались в улыбку, скрывать которую приходилось, приложив ко рту ладонь. Я не видела в такие моменты ее, но зато слышала легкий звук, предвещавший смех, а потом уже и сама не могла удержаться, разражаясь громким хохотом. У нас частенько бывали неприятности из-за насмешек над неподобающими для веселья вещами.

Но сегодня объектом насмешки подруги стала я сама. И разозлилась. Я находилась в ужасающем положении, делая все, чтобы выжить, а она лишь посмеивалась надо мной.

Опасаясь наговорить Кэти грубостей, я прервала разговор. Затем посмотрела на вазу, на тюльпаны, те самые, новые, дни которых тоже теперь были сочтены. И как мне показалось, мы с ними испытывали примерно одинаковые ощущения.

Я вынула цветы из вазы. Капли воды упали на мою запись с названием кафе, которое любил посещать Мэтт в обеденный перерыв. Я собиралась на днях заглянуть туда и спросить, не видели ли его там в последнее время. Переломив стебли тюльпанов, я швырнула их в мусорную корзину, но этого оказалось недостаточно, чтобы унять бушевавшую во мне злобу. Схватив вазу, все еще полную воды, я с силой швырнула ее об стену.

Глава 28

Ночью я все же спустилась вниз, убрала осколки стекла и вытерла лужу на кухонном полу. На следующее утро проснулась рано. Намного раньше, чем было необходимо для сборов на работу. Даже во сне я не могла избавиться от мыслей о том, что случилось со мной, перебирая события в памяти и даже составляя нечто вроде списка. Я думала, что первый текст – «Я дома» – пришел от Мэтта. И цветы тоже заменил он. Компакт-диск – тоже дело его рук. Но как он проник в машину, выяснил, что она припаркована перед тем рестораном? А второе сообщение – «Я знаю, где ты» – не в его стиле. Я просто не могла представить, чтобы Мэтт послал мне такой текст. Не стал бы пугать меня. Но вспомнив телефонный звонок на работу, я могла поклясться, что узнала шаги именно Мэтта. А вот последняя записка... Снова нечто, совершенно на него не похожее. У Мэтта, разумеется, был свой компьютер, ему все равно пришлось бы где-то распечатать записку и адрес на конверте. Для чего? Почему не мог написать все от руки? В этом не было никакого смысла.

В половине шестого утра я заметила первые признаки рассвета сквозь кремовые шторы на окнах. Я лежала в постели, размышляя, чем заняться в ближайший час. Попытаться снова заснуть, чтобы проснуться в семь часов, чувствуя себя отвратительно? Или лучше встать?

Когда Мэтт жил в Лондоне и мы встречались только по выходным, Кэти и Джеймс пристрастились каждый вечер совершать пробежки вдоль реки. Кэти часто приглашала меня присоединиться к ним, хотя я отлично понимала ее мотивацию. Она хотела показать, с какой легкостью обгонит меня. И тогда летом, ни о чем ей не говоря, я стала одна бегать вдоль реки утром после восхода солнца, когда наверняка знала, что подруга все еще нежится в постели. Так я готовилась к кроссу на десять километров вместе с Кэти, чтобы побить ее время и удивить, поскольку она понятия не имела о моих тайных тренировках.

И вот день моего триумфа наступил, став одним из лучших в моей жизни. Одно воспоминание о нем способно было вывести меня порой из глубокой депрессии. Потом уже я стала приглашать Кэти на совместные пробежки, но у нее почему-то больше никогда не хватало на них времени.

А вскоре ко мне переехал Мэтт, и если утром оставался свободный час, мы находили способ провести его с пользой.

И теперь я заставила себя подняться и надеть спортивную одежду. Положив в карманы ключи от дома и мобильный телефон, направилась вниз по улице в сторону реки. Я пробежала первую милю, не встретив ни одной живой души. Затем мимо меня медленно проехала полицейская машина, и я заметила в ней женщину с такой огромной собакой, какую, видимо, приходилось выгуливать часами.

Вставив наушники, я включила музыку, чтобы отвлечься от мыслей о предстоящем дне, как и обо всем, что случилось со мной в последние недели. Но уже скоро я погрузилась в ритм бега, и музыка стала не нужна.

После часовой пробежки я вернулась домой уставшая, но взбодрившаяся. Быстро приняв душ, я помыла голову и завila волосы щипцами. Облачилась в свежую и тщательно выглаженную одежду, вспомнив, как часто пренебрегала этим в последние дни. Присев на край кровати, я сделала макияж, чтобы сотрудники на работе заметили, что со мной все в порядке и я держу ситуацию под контролем.

Я красила губы, когда на мой телефон пришло текстовое сообщение. Открывая его, я пребывала в уверенности, что оно от Сэма, и радовалась возможности информировать его о своей полной готовности к рабочему дню. Хотелось внушить ему мысль, что полученный накануне выговор я восприняла правильно. Извлекла из него урок и больше никого никогда не подведу. Но на дисплее высветился незнакомый номер и текст:

Получила удовольствие от пробежки?

Я похолодела.

А потом появилось видеоизображение. Я увидела себя, бегущей по тропинке вдоль реки. Волосы собраны в хвостик, на лице – решительное выражение. Я прокрутила ролик до конца, повторила заново, пытаюсь определить, в каком именно месте меня засняли.

И узнала его.

В какой-то момент, пока я бежала вдоль песчаной дюны, протянувшейся вдоль тропинки, мне вдруг почему-то стало не по себе. И я не могла понять причины. Остановилась и огляделась вокруг, но не заметила ничего подозрительного. Никто не бегал по той тропинке, кроме меня. Вдалеке старик выгуливал собаку, и мимо на полной скорости промчался велосипедист, немного испугав меня. Но посмотрев в сторону дюны, я уловила нечто необычное, похожее на легкую вспышку света, списав это, впрочем, на игру солнца, на луч, отразившийся от какого-то металлического предмета. От пустой пивной банки или нечто подобного.

Моя злость на Кэти исчезла. Я позвонила ей и рассказала о видеосъемке.

– Зачем кому-то понадобилось снимать тебя? – удивилась она.

– Не знаю.

Я действительно ничего не понимала. Непостижимо, чтобы это мог сделать кто-либо, кроме Мэтта, но как он оказался у реки в столь ранний час?

– Нет, Мэтт не может иметь к этому никакого отношения, – заявила Кэти, словно прочитав мои мысли. – Не надо снова пускаться в прежние заблуждения, Ханна. С какой стати ему снимать тебя? Я вообще сомневаюсь, что он сейчас живет где-то поблизости.

– Но кто еще может быть заинтересован в съемке?

– Перезвони. Спроси, какого дьявола они это делают?

– Верно, – отозвалась я, охваченная яростью. – Так я и поступлю.

Я закончила разговор с Кэти и набрала неизвестный номер. Раздалось несколько гудков, а потом, как и в прошлый раз, связь оборвалась. Даже автоответчик не включился. Тогда я отправила текст:

Кто вы такой, черт вас возьми, и зачем посылаете мне сообщения?

Ответа я прождала полчаса, едва не опоздав на работу, а затем отправила последнее сообщение:

Мэтт! Это ты?

Глава 29

День я провела в офисе, погрузившись в дела и работая по-настоящему упорно. Теперь я повсюду натыкалась на ошибки, допущенные мной за последние несколько недель, которые кому-то приходилось за меня исправлять, на электронные письма, не прочитанные внимательно, что приводило к неисполнению порученных заданий. Я заливалась краской стыда. Я ведь так гордилась плодами своего труда, меня переполняли амбициозные планы на будущее! При этом никогда не причисляла себя к тем женщинам, у которых жизнь без мужчины считалась неполной. Если честно, то теперь мысль об этом грызла меня: пока Мэтт находился рядом, мы могли проводить целые дни, не обменявшись и парой фраз. Особенно в те периоды, когда он задерживался в своей фирме допоздна. А сейчас его не стало, и я почти физически ощущала тоску и одиночество. Запирая дверь дома на ночь, чувствовала печаль, сознавая, что мне предстоит до утра оставаться здесь одной. Конечно, я всегда могла кому-то позвонить, но, кроме Сэма и Кэти, мне не с кем было поговорить о том, что имело для меня важное значение. И это была не работа. Важным представлялись только поиски Мэтта.

Я рассказала Сэму о полученных сообщениях. Но заранее решила, о чем информировать его, а о чем лучше промолчать. Например, я ничего не говорила ему о цветах. Если бы его реакция оказалась схожей с реакцией Кэти, я подумала бы, что медленно схожу с ума. Я не рассказала Сэму о телефонном звонке, раздавшемся в моем кабинете в злополучный день выговора от руководства, хотя сама часто размышляла о нем, гадая, кто же звонил и почему молчал. Мы сидели в кафетерии, и я показала Сэму тексты, поведала историю с диском в машине и с запиской, подсунутой мне вместе с другой почтой.

– У тебя есть предположения, кто мог прислать тебе все это? – после паузы спросил он. – Особенно видеозапись твоей пробежки? Ты уверена, что номер тебе незнаком?

– Я никогда не набирала его со своего телефона, – ответила я. – И провела проверку, но ничего не сумела выяснить. Как было и с другими номерами, если уж на то пошло.

– Проведи повторный поиск в своем ноутбуке и айпаде сегодня вечером. А твоим рабочим компьютером мы займемся вместе. Кстати,

номер может неожиданно оказаться в памяти. Например, кто-то случайно дал его тебе, но так давно, что уже забыл об этом.

– Я напугана до предела. Мурашки по коже.

– Хочешь, я начну бегать по утрам вместе с тобой?

Мне оставалось только издать безмолвный стон. Это мне требовалось меньше всего.

– Спасибо, не нужно. Я выхожу на пробежку в разное время. Вот почему никак не могу представить, чтобы некто сидел в засаде целый день и весь вечер, дожидаясь меня.

Возникла долгая пауза, а потом Сэм тихо спросил:

– Ты ведь считаешь, что это Мэтт? Но для чего ему так поступать, Ханна? Он ушел и бросил тебя. – Я поморщилась. – Зачем же он теперь повсюду следует за тобой?

Я покачала головой:

– Непостижимо. Но разве нам все о нем известно? Может, Мэтт хочет поговорить со мной?

– Ханна, если бы Мэтт действительно хотел поговорить с тобой, то у него для этого было множество возможностей, – заметил Сэм. – Он мог попросту прийти к тебе домой. Или позвонить на работу. А ведь есть еще мобильный телефон. Набирай номер и говори сколько душе угодно.

И тут мне вспомнился пережитый испуг, когда я обнаружила в кухне теплый чайник.

– Тебе этот вопрос может показаться странным, Сэм, но, как ты думаешь, сколько времени требуется вскипевшему чайнику, чтобы полностью остыть?

Он выглядел изумленным, что было вполне оправданно, и мне пришлось объяснить ему ситуацию.

– Теперь понимаю, почему ты так встревожена, – произнес Сэм, – но ведь ты сама дала ответ: если поместить металлический предмет под прямые лучи жаркого солнца, то он непременно сильно нагреется!

– Да, однако конденсат на стене остался. Знаю, чайник мог нагреться на солнце, но пар он бы начал испускать, поставленный на плиту. Верно?

Сэм покачал головой:

– Мне кажется, ты видела все это, потому что хотела увидеть. Давай начистоту. Неужели ты считаешь, что в твой дом проник человек, чтобы вскипятить чайник? Только для этого?

– Я думаю, Мэтт вернулся с работы домой и поставил чайник на плиту. Так он поступал всегда. Вскипятить воду в чайнике, быстро принять душ, выпить чашку чая, а потом можно и в спортзал отправляться.

- Ты полагаешь, что это был Мэтт?
- А кто же еще?
- И сообщения тоже прислал он?
- Кому могло понадобиться отправлять мне тексты?

Сэм глубоко вздохнул:

– Похоже, ты все-таки доведешь себя до полного безумия. Здравый смысл изменил тебе.

Мы вернулись в офис, и по его брошенным на меня взглядам я вдруг поняла, что Сэм уже опасается и за собственный рассудок.

После обеда я сидела и составляла новый список. Цветы и кухонные бумажные полотенца. Текст: «Я дома». Компакт-диск с любимой песней в моей машине. Теплый чайник. Сообщение: «Я знаю, где ты». Конверт с кратким письмом, в котором был задан единственный вопрос, удовлетворена ли я. Звонок на работу... Ясно, что после этого я пришла на совещание в отдел кадров вся в холодном поту. Были ли то шаги Мэтта? И мне ли вообще предназначался звонок? А потом видео моей пробежки, сопровождавшее текст. Неужели он прятался где-то у реки?

У меня заболела голова. Почему Мэтт не заговорил со мной, если действительно находился поблизости? Почему не оставил свежие цветы перед тем, как исчезнуть, если это входило в его планы? Зачем ему сообщать, что он знает, где я, когда было совершенно очевидно, что я дома?

От охватившей меня беспомощности хотелось кричать. Я подняла взгляд, увидела в дверном проеме Люси и быстро закрыла блокнот.

– Я собралась заварить чай, – произнесла она. – Хотите?

– Нет, спасибо. Не сейчас.

Она мялась в дверях:

– Могу я для вас что-нибудь сделать, Ханна?

– Не надо, я в полном порядке. – Я понимала, что мой голос звучит раздраженно, будто я хочу скорее избавиться от нее. Смутившись, я добавила: – Спасибо, Люси, но у меня сейчас важная работа.

Она улыбнулась и вернулась за свой стол, а я опять открыла блокнот.

«Будь рядом со мной». Это мог сделать только Мэтт. Вероятно, он вспоминал те вечера, которые мы вместе провели на диване, рядом друг с другом, чувствуя биение наших сердец. Какое романтическое послание! И он сделал так, чтобы музыка сразу зазвучала в машине, и я непременно услышала ее. Мэтт знал – я догадаюсь, что это весточка от него.

Но зачем он прислал сообщение с вопросом, удовлетворена ли я? Удовлетворена чем? Этот вопрос особенно мучил меня. Если компакт-диск представлялся знаком любви, то этот текст был враждебным.

А если сообщение Мэтт отправил после того, как я заметила его? Может, он спрашивал, удовлетворена ли я теперь, когда убедилась, что он жив и здоров? Но откуда Мэтт мог знать, что в тот день я окажусь в Честере? Я попала туда случайно, блуждая по окрестностям Ливерпуля. Нет, имелось в виду совсем не это. Но что же?

Я потеряла глаза. Сообщения и видео тревожили меня больше всего. Казалось, их целью было выбить меня из колеи, вывести из равновесия. Никому не нравится думать, что за ним шпионят, а тем более, если это их возлюбленные. Я не могла поверить, что Мэтт стал бы это делать, хотя наши отношения не во всем складывались идеально. За годы совместной жизни у нас с ним возникали размолвки по самым разным поводам, как у любой другой супружеской пары, но он ни разу не проявил ко мне жестокости.

А если не Мэтт стоял за всем этим, то кто же?

Глава 30

Позднее в тот день мы с Сэмом провели в Сети поиск номера, заодно проверив и внутреннюю электронную переписку компании на случай, если звонивший работал вместе с нами. Ничего не получилось. Я продиктовала ему другие номера.

– Может, посмотреть в Интернете их тоже?

Он покосился на меня, но промолчал.

– Знаю, ты уже сделала это сама, – произнес Сэм, когда мы исчерпали все наши возможности, – но теперь я тоже позвоню на эти номера со своего мобильного и посмотрю, что произойдет.

Я снова продиктовала ему первый из номеров, и он набрал его. После нескольких гудков связь оборвалась.

– Ты не пыталась звонить с городского телефона в офисе?

Мы попробовали и такой способ, но на сей раз даже гудков не было.

– Сейчас он отключил телефон, – предположила я. – Наверное, он на работе.

– Или за рулем.

– Или у него совещание.

– Но факт остается фактом, – сказал Сэм. – Мы по-прежнему не знаем, кто выходил с тобой на связь и где он находится. Ты не думаешь обратиться в полицию?

Я покачала головой.

– Что я скажу в полиции? Ведь по сути никаких противоправных действий не совершено. Формально он не может считаться преступником.

– Как насчет злонамеренного преследования?

Я заметила, как к моему кабинету приближается Джордж.

– Тихо, – прошептала я, и мы переключились на разговор о конференции, к которой совместно готовились, а потому, когда начальник вошел, со стороны все выглядело по-деловому.

– Ханна! Могу я поговорить с вами? – произнес Джордж.

Сэм поспешно покинул мой кабинет.

– Как у вас дела с заказом фирмы «Джонстаун» по проверке их бухгалтерии? Если не ошибаюсь, срок исполнения скоро истекает.

Я постаралась вести себя спокойно и уверенно, но пульс у меня участился. Конечно же, я напрочь забыла об этом заказе!

– Все отлично. Я почти закончила.

– Уж постарайтесь все завершить вовремя. Мне тоже отправьте копию. Сегодня я уезжаю рано. Нужно успеть в аэропорт. У меня недельный отпуск.

Я кивнула и пожелала ему хорошо отдохнуть. Разумеется, и об отъезде Джорджа я тоже забыла. Обычно перед его длительными отлучками я заходила к нему в кабинет, мы обсуждали планы, и он давал мне дополнительные поручения, которые следовало выполнить за время его отсутствия. На сей раз ничего подобного не произошло, и мне оставалось только гадать, кто теперь занял мое место особо приближенной сотрудницы. Джордж был недоволен моей работой, и я понимала, какие невероятные усилия придется приложить, чтобы вернуть его доверие.

Когда он удалился, я подошла к столу помощницы:

– Люси, не могли бы вы завтра уделить время вычитке текста ежегодного бухгалтерского отчета компании «Джонстаун»? Пришлите его затем мне. И Джорджу тоже требуется копия. Срок истекает в конце следующей недели, но я бы не хотела тянуть с этой работой до последнего дня.

Она кивнула:

– Сделаю.

– Дайте мне знать, если там встретится что-то для вас неясное.

Люси посмотрела на меня, намекая, что такая ситуация едва ли возникнет, и продолжила трудиться над своим нынешним заданием.

Я переключила все свои входящие городские звонки на ее аппарат, убрала подальше свой сотовый и сосредоточилась на отчете. Достаточно долго я была полностью им поглощена, тщательно проверила каждую цифру, каждую деталь, и знала, что на сей раз поработала хорошо. Затем я отправила отчет на сверку Люси, напомнив о копии для Джорджа, хотя любые подобные напоминания раздражали мою секретаршу.

Закончила я в восемь часов вечера и впервые за долгое время ощутила удовлетворение. Работа так поглотила меня, что я ни на секунду не отвлеклась на мысли о Мэтте, и, думаю, в тот момент у меня зародилось понимание: все для меня завершится благополучно.

Я постепенно возвращалась к своему нормальному состоянию.

По дороге домой я решила вознаградить себя за усердие ужином в хорошем ресторане. После ухода Мэтта я в основном заказывала еду с доставкой на дом. Просто не могла себя заставить приготовить какое-то блюдо, чтобы съесть его в одиночестве в кухне. Рассмотрев десятки возможностей, я отвергла все места, где мы когда-либо бывали с Мэттом

вместе. Этим вечером мне хотелось обойтись без тягостных воспоминаний.

Сэм рассказал мне о тайском заведении, недавно открывшемся в Ливерпуле. В выходные он отправился туда с друзьями и очень хвалил кухню. Мне и в ресторанах не слишком нравилось ужинать одной, а когда я прибыла туда и заметила, что в зале много семейных пар, то попросила официанта упаковать мой заказ.

Он принес стакан минеральной воды, и я устроилась в холле, читая меню. Отправляюсь домой и посмотрю телевизор – так я решила. Не стану заново перебирать свои записи, включать компьютер в новых тщетных поисках Мэтта. Съем этот вкусный ужин, а о Мэтте даже не вспомню. Продиктовав заказ, я развернула местную газету.

Официант принес заказ. Я встала, чтобы расплатиться, и в этот момент из дамской комнаты вышла женщина и направилась к столикам в дальнем конце зала ресторана. Она села за один из них, что-то сказала и рассмеялась. Я тоже улыбнулась, потому что это оказалась Хелен – сотрудница фирмы моего отца. Однажды летом я работала у него во время университетских каникул, и она стала моей начальницей. Она была не намного старше меня, и, вероятно, тогда ей едва перевалило за двадцать. Хелен помогла мне в работе, а потом дала превосходные рекомендации для поступления в крупную компанию.

– Одну минуточку, – обратилась я к официанту. – Я заметила одну свою хорошую знакомую.

И вошла в зал. Часть столика Хелен от меня заслоняла колонна. Я уже собиралась приветственно помахать ей рукой, когда разглядела, напротив кого она сидела. Я замерла. Ее собеседником был мой отец. Он держал Хелен за руку. Она наклонилась к нему и погладила его по щеке. Затем они поцеловались.

У меня закружилась голова, показалось, что сейчас я упаду в обморок.

– Прошу прощения, – пробормотала я. – Произошла ошибка.

Мне стоило большого труда заставить себя не смотреть больше в их сторону, хотя я сознавала: в любой момент они могли заметить меня. Когда я открывала кошелек, у меня тряслись руки, но я сунула официанту деньги и не стала дожидаться, пока он принесет сдачу. Подхватив пакет с едой, едва ли нужной мне теперь, я поспешила из ресторана.

До своего автомобиля я чуть ли не бежала. Не могла представить, как бы отец повел себя, если бы увидел меня. Скорее всего сделал вид, будто ничего особенного не происходит. Может, даже пригласил бы к ним за столик. От этой мысли меня передернуло. Сидеть и ужинать, выдерживая его взгляд и выслушивая фальшивые объяснения, что я вовсе не видела

того, что видела отчетливо. И он мне еще припомнил бы – в этом не приходилось сомневаться. Для него стала бы невыносимой мысль о дочери, проникшей в его секреты. И все свои слабости отец превратил бы в мои собственные, как поступал всегда.

Я отъехала от ресторана и свернула в первый же попавшийся переулок. Как нетрудно было догадаться, отец не стал бы парковать свою машину напротив того места, где ему находиться не полагалось. Наконец я заметила его автомобиль и остановилась в нескольких десятках ярдов позади него. Мне необходимо было во всем убедиться. Многие годы я подозревала отца в связях с другими женщинами, хотя никогда и подумать не могла, что среди них фигурирует Хелен. Прикрыв глаза, я постаралась припомнить, как давно она работала на него. Мы с ней познакомились двенадцать лет назад. Неужели их роман продолжался все это время?

Через полчаса отец и Хелен вышли из ресторана и свернули в тот же переулок. Видимо, приехали они сюда порознь, поскольку сначала остановились у другой машины, припаркованной перед отцовской. Минут пять стояли на тротуаре, разговаривали, а потом Хелен обвила руками его шею, отец обнял ее за талию, и они поцеловались. Стоял чудесный теплый вечер.

Я достала телефон и стала кадр за кадром снимать, как с каждым новым поцелуем отец предавал мою маму.

Я ехала домой, когда на мой сотовый телефон пришло новое сообщение. В тот момент я застряла в транспортной пробке в туннеле на Кингсуэй, остановившись на повороте в крайнем правом ряду у самого берега реки. Включив радио, я услышала в выпуске новостей известие об аварии в туннеле и обещание, что затор скоро рассосется. Альтернативного маршрута не существовало. Два плотных потока машин забили обе полосы около въезда в туннель. Водители нервничали.

Сообщение пришло с очередного телефонного номера, которого я не знала: «А я тебя вижу!» Я уронила телефон на пассажирское сиденье и быстро осмотрелась по сторонам. Вокруг меня стояли в пробке сотни автомобилей. Они занимали две полосы в направлении Уолласи, как и две встречные. Транспорт практически не двигался.

Повсюду я видела грузовики и легковые машины, ни один из которых я прежде не встречала. Чуть приподнявшись на своем месте, попыталась разглядеть, кто стоял перед грузовиком, расположившимся непосредственно передо мной, но кузов оказался слишком широк для этого. Затем посмотрела в зеркальце заднего обзора, но за мной пристроилась

машина, заполненная пассажирами. На соседней полосе находился автобус.

Я никак не могла успокоиться. Где, черт побери, он может находиться? Я посмотрела в боковое зеркальце, чтобы не задеть случайного мотоциклиста, а потом открыла дверь и выскочила наружу. Внимательно присматривалась ко всем машинам, но не замечала знакомых. Вероятно, он сменил машину, как и номер телефона. Как я могла обнаружить его, если он сидел за рулем незнакомого автомобиля? Раздался громкий звук клаксона, заставивший меня вздрогнуть, а женщина из машины сзади что-то кричала сквозь приспущенное стекло. Я сообразила, что поток впереди наконец-то начал медленно продвигаться вперед. Мне пришлось снова сесть в свой автомобиль и тронуться с места. Каким-то чудом я избежала аварии.

Я оплатила проезд через туннель специальной карточкой и направилась в сторону Уолласи. Мои нервы уже не выдерживали напряжения. Я постоянно смотрела назад в стремлении заметить знакомую машину.

Оказавшись дома, я едва успела открыть дверь, как замерла посреди холла. А это еще что такое?

Мне в нос ударил запах мужской туалетной воды «Поло». Ральф Лорен. Мой подарок Мэтту на Рождество в прошлом году.

Глава 31

Я медленно попятилась к входной двери и встала, упершись в нее спиной. Теперь аромат стал ощущаться слабее. Я скинула туфли и сделала несколько шагов вперед по ковровому покрытию, расстеленному по центру холла, с полом из паркета, составленного из полированных досок дуба. Закрыла глаза и глубоко вздохнула. Нет, запах никуда не делся – холодноватый цитрусовый аромат парфюмерии Мэтта.

– Мэтт! – истерично крикнула я. – Мэтт, ты здесь?

Бросилась в кухню и быстро оглядела ее. Я почти ожидала увидеть его сидящим за столом, пьющим чай и играющим в одну из самых примитивных игр, заложенных в программу мобильного телефона.

– Мэтт! Мэтт!

Со скоростью гончей я ворвалась в гостиную. Мэтта там не было. Комната имела тот же вид, в каком я оставила ее утром. Я взлетела по лестнице наверх, распахивая двери и непрерывно выкрикивая его имя, бросаясь на пол, чтобы заглянуть под кровати, открывая платяные шкафы на случай, если он затаился где-то среди моей одежды. Но так и не увидела Мэтта. Потом встала на лестничной площадке, пытаюсь отдышаться. У меня кругом шла голова. Я знала, что он побывал здесь. Я точно это знала.

Снова глубоко втянув в себя воздух, поняла, что запах был слабее наверху, но вернулась в свою спальню. Здесь тоже ощущался тот же аромат. Ванная. Никаких следов. В гостевой комнате и общей ванной туалетной водой не пахло вообще.

Пришлось спуститься вниз, пытаюсь определить, в какие места дома Мэтт заходил. В гостиной все оставалось по-прежнему, но присутствовал цитрусовый аромат, которого не было утром. В кухне он ощущался сильнее всего, я понимала, твердо верила, что Мэтт какое-то время стоял там же, где теперь я, тщательно изучая комнату. Мой взгляд блуждал с предмета на предмет. Что он здесь мог делать?

А потом до меня вдруг дошло.

Прежде чем утром отправиться на работу, я сложила свои записки на липких листочках в одну кипу рядом с холодильником, опасаясь неожиданного визита Кэти. Мне бы не хотелось показывать ей свои заметки. А теперь они снова были аккуратно разложены в виде решетки, как любила располагать их я сама, с тщательно соблюденными интервалами. Можно было провести линию вдоль краев, она оказалась бы

идеально прямой. Мне по натуре свойственна точность во всем.

Если Мэтт видел эти записи, то не мог не осознать, как много значил для меня. Он должен был обратить внимание на мой список, на то, что я вычеркнула из него спортивный зал, отели, офис, компании проката автомобилей. Мэтт обязан был оценить мою старательность, стремление ничего не упустить из виду, заметив, что я искала адреса его матери, парикмахера, мастерской, где проводили техническое обслуживание автомобиля. Он видел записанные мною номера и пояснения. И теперь точно знал, что его уход сводит меня с ума.

Он ли проделал этот трюк? Интересно, о чем Мэтт думал, стоя здесь и глядя на мои записи? Чувствовал ли он себя виноватым? Или же радовался увиденному?

На мгновение я допустила, что это мог быть не он, но потом покачала головой. Я же уловила его привычный аромат. И если раньше мне приходилось гадать, то теперь в моем распоряжении имелось доказательство.

Неожиданно я кое-что вспомнила. Если злодей совершает преступление, то непременно оставляет что-то там, а что-то забирает с собой. Это была истина, справедливая для всех преступлений. А сейчас я имела дело с явным правонарушением – незаконным вторжением в мое жилище, проникновением в личную жизнь.

Конечно, полиция обычно искала оставленные преступниками образцы ДНК в виде частичек кожи, капли крови или пота. Я не располагала их возможностями, но кое-что предпринять тоже могла. Мэтт оставил после себя свой запах, устойчивый цитрусовый аромат. Но что он унес с собой? Я снова внимательно осмотрела комнату. Он находился здесь, он разложил заново мои записи – это не вызывало сомнений. Я пересчитала листки. Все оказались на месте. И на первый взгляд ничто не пропало. Я зашла в гостиную, поднялась в спальню, но и там никаких пропаж не бросилось в глаза. Поскольку в гостевой комнате аромата не ощущалось, я решила, что туда он не заглядывал.

И стоило мне в очередной раз осмотреть кухню, как я поняла, что исчезло. Записка с одним лишь словом «Удовлетворена?», как и конверт, не были больше прикреплены к дверце холодильника. Их не было вообще. Остался только магнит в форме вопросительного знака.

Мне стало по-настоящему плохо, и на сей раз я была, как никогда, близка к обмороку. Но успела ухватиться за спинку стула и сесть. Записка оставалась моей единственной уликой. Она доказывала, что я пока не свихнулась.

Теперь кто-то лишил меня и ее.

Глава 32

В ту ночь я почти не спала. Мне слишком многое необходимо было обдумать, переосмыслить. Я оставила свет включенным во всех комнатах первого этажа как предупреждение для любого, кто захочет тайком проникнуть в мой дом. Свои заметки на всякий случай забрала с собой в спальню, а мобильник положила под подушку. Я знала: в моем доме кто-то побывал. Нужно ли поставить в известность полицию? Представила, как прозвучат мои показания в полицейском участке. Там примут меня за сумасшедшую, которая пришла пожаловаться на пропажу листка бумаги и конверта.

Даже поговорить мне теперь было не с кем. Кэти тоже считала меня полоумной, потому что я поверила в замену цветов, и с тех пор она не доверяла моим доводам. Если бы я рассказала ей, как прикрепила к холодильнику письмо, а теперь оно исчезло, она подняла бы меня на смех. Даже Сэм поверил в мое безумие. Кроме того, у меня возникло подозрение, что он сплетничает обо мне с Люси. Может, они тайно от всех встречались? Странно, почему я не заметила этого раньше? А как же Грейс? Сэм по-прежнему говорил только о ней и продолжал жить у нее. Неужели он завел роман с Люси? Я хотела доверять ему, действительно хотела, но тот разговор по телефону, который они начали и завершили одновременно... Разве мог он быть совпадением?

А потом я вспомнила о запасном мобильнике в его «бардачке». Почему Сэм солгал, что телефон сломан, ведь нормально работал?

На мгновение возникла мысль: уж не он ли послал мне одно из сообщений? Нет, конечно же, Сэм не делал этого! Зачем ему так поступать со мной?

Мне необходимо было с кем-то пообщаться. Но с кем?

Маме я позвонить не могла. Она начнет тревожиться за меня и наверняка захочет, чтобы я на время переехала к ним, а это теперь представлялось невозможным при сложившихся обстоятельствах. Стоило мне провести там больше часа, и я уже чувствовала себя неуютно. С тех пор, как в восемнадцать лет покинула родительский дом, я редко возвращалась туда, и только при условии, что у меня появлялись хорошие новости. Наилучшим поводом становилась новая должность и прибавка к зарплате. А вот сообщение о неизвестном преследователе могло напугать маму.

Мэтта я брала к родителям иногда, хотя маме он очень нравился, и она хотела бы встречаться с ним чаще. Однако примерно через час отец неизменно вспоминал, что мы с ним живем вне брака, Мэтт обосновался в моем доме, и тогда наступало время поспешно бежать, торопить Мэтта к машине, выдумывая предлог для отъезда. Он не знал почти ничего о моей жизни с родителями до того, как я обрела самостоятельность. Мне достаточно было лишь однажды встретиться с его матерью, увидеть, до какой степени она обожала сына, чтобы понять: ему я ничего не смогу объяснить. В этом смысле Мэтт напоминал Кэти. Люди, выросшие в счастливых семьях, не представляли, как можно жить в доме, где необходимо подумать дважды, прежде чем что-то сказать, уметь избегать проблем, успевать отвести глаза, чтобы на тебя не возложили чужую вину.

А как мне теперь разговаривать с мамой, не упоминая об изменах отца? Голову словно сжимали тиски при одной только мысли, что ей придется узнать обо всем от меня. Я ведь догадывалась: она до сих пор не рассталась с ним потому, что считала его любящим мужем, пусть любовь не часто проявлялась открыто, а их семью – своим пожизненным бременем.

В субботу я решила пообщаться с соседями. Рэй возился в саду, выпалывая сорняки и наблюдая за происходившим на улице. Он серьезно относился к роли бдительного стража порядка в округе, часто совершая обходы прилегавшей к нашему кварталу территории. Ему было лет шестьдесят, этому бывшему торговому менеджеру, и я старалась по возможности никогда не оставаться с ним в доме наедине. Шейла пока не выходила в сад, и до меня доносился шум работающего пылесоса.

Рэй и Шейла стали моими соседями много лет назад. Они с таким восторгом восприняли мой переезд, так радовались моему появлению, что я даже поначалу заподозрила в них свингеров, которым не хватало партнера для извращенных утех. Даже их ухоженная лужайка не вселяла особого доверия. Когда ко мне присоединился Мэтт, он часто повторял, насколько нервирует его привычка Шейлы держать губную помаду и духи в холле рядом с входной дверью. Стоило позвонить, и сквозь тонированное стекло виднелась еедвигающаяся тень, когда Шейла готовилась предстать перед гостем в своем наилучшем виде. Первое время Рэй часто приглашал меня на дежурные обходы соседних улиц. Признаюсь, я посмеивалась над его привычками, но только до тех пор, пока однажды не была вынуждена провести с ним час вдвоем, когда Мэтт по ошибке увез на работу связку моих ключей, и я не смогла попасть домой. Рэй сел на диван, слишком близко ко мне, и я чувствовала жар, исходящий от него, на своем бедре. Я

отодвигалась, насколько могла, но он перемещался вместе со мной. После чего дала клятву больше никогда не оказываться в таком положении, и неизменно отвечала отказом на многочисленные предложения соседей держать у них запасные ключи от нашего дома. Опасалась, что однажды ночью проснусь в отсутствие Мэтта и обнаружу у себя в спальне Рэя, который сделает вид, будто заметил проникновение к нам мнимого взломщика.

В остальном же они стали для нас прекрасными соседями, поднявшими программу «Безопасность квартала в твоих руках» на небывало высокий уровень. Всю информацию о людях, живших на окрестных улицах, мы с Мэттом получали от Шейлы и Рэя. Но при этом вели с ними разговоры только во дворе, чтобы иметь возможность уклониться от продолжения в любой момент. Меня радовало, что из их окон был виден только наш холл. Неизвестно, каких небывлиц наплели бы они о нас другим соседям, имея возможность наблюдать за нашей спальней.

И вот вскоре после обеда я позвонила к ним в дверь, чувствуя напряжение во всем теле. Теперь я уже была готова сообщить им об уходе Мэтта. До какой же степени была мне ненавистна мысль, как придется выслушивать их сожаления по этому поводу!

Как обычно, сквозь мутное стекло при входе я увидела тень Шейлы, покачивания ее головы, когда она наспех расчесывала себе волосы. Ясно, что для меня макияж не требовался.

– Привет, Ханна! – просияла улыбкой она. – Мы с тобой сто лет не виделись. Заходи. Я как раз собиралась поставить чайник на плиту. Хочешь чашечку чаю?

Я последовала за ней в «комнату для допросов». Мы сели в кухне с видом на сад – прекрасная картина раннего лета. Цветы густо росли на клумбах, кое-где пробившись и через траву роскошно зеленой лужайки. Вдоль стены Шейла развесила свои плетеные корзинки тоже с обильно разросшимися цветами, подрагивавшими на ветру.

– Вообще-то, я сама собиралась навестить тебя, – произнесла она, выставляя на стол тарелку с кусками влажного и приторно-сладкого баттенбергского торта.

Мой желудок подал признаки протеста против поданного торта, и я даже чуть поморщилась, опасаясь нового приступа тошноты.

– Не нужно ничего, спасибо, – поспешно сказала я.

– На диете? – Шейла улыбнулась. – Тебе она ни к чему. Ты заметно похудела в последнее время.

– Нет, просто испорчу себе аппетит к ужину, если поем сейчас.

– Как дела у Мэтта? Я и его не видела целую вечность. Как раз вчера мы с Рэем говорили о том, как много ему приходится работать.

– Он ушел от меня, – пробормотала я, и в моем голосе отчетливо прозвучала грусть.

– Что? – Шейла встревоженно выпрямилась на стуле. – Рэй! Рэй!

Рэй примчался настолько стремительно, словно ему предстояло спасти жену от смертельной опасности.

– В чем дело?

– Мэтт бросил Ханну! – воскликнула она, будто давно не слышала ничего более увлекательного.

Я почувствовала, как пульс бьется у меня в висках, когда подумала о Кэти и Джеймсе, Сэме и Грейс и обо всех остальных, кого Мэтт считал нашими друзьями. И вот теперь Шейла и Рэй наслаждались моим горем как сюжетом мыльной оперы. Развлечение. Но в реальности для них это ничего не значило.

– Что? Когда?

– Да, кстати, когда именно он от тебя ушел? Извини... – Шейла повернулась к Рэю. – Забыла спросить об этом.

Он жестом успокоил ее и сел за стол. Мне показалось, что она сейчас возьмет блокнот и запишет число. Интересно, не вели ли они записей, как это делала я, отмечая любые события, происходившие на соседних улицах? Оба смотрели на меня выжидающе. «Это лучше всякого телевидения» – было написано на их лицах.

– Около двух месяцев назад, – ответила я.

Если точнее, то прошло пятьдесят дней, но всегда легче оперировать округленными цифрами.

– Что? Так давно?

Шейла и Рэй обменялись изумленными взглядами. Как они могли не заметить этого?

– О, милая, – заныла Шейла, поглаживая меня по руке. – Какая ужасная новость! Мы ведь любили Мэтта. Что же произошло? Вы с ним поссорились?

Рэй резко заметил:

– Ссоры между людьми – обычное дело. Они происходят у всех. Нет, мы никогда не слышали криков из вашего дома...

Я покраснела. Наверняка до них долетали обрывки наших разговоров на повышенных тонах. Стены в домах не отличались звуконепроницаемостью.

– Нет, никаких ссор, – промолвила я. – Просто однажды вернулась домой, а его уже не было. Мэтт все свои вещи забрал с собой.

Шейла и Рэй удивленно смотрели на меня. «Как, черт возьми, мы упустили такое зрелище», – думали они сейчас.

– Вы как раз уезжали, – напредила я. – Помните, вы навещали дочь в Девоне и продлили себе отпуск? Уехали в четверг, а вернулись в понедельник. Так вот, он покинул меня в пятницу.

– Жалкий мерзавец! – вспылел Рэй.

– Но... – Шейла слегка замялась, – разве не в ту пятницу ты ездила в Оксфорд? Я еще рассказывала об этом нашей Ребекке.

– Да. Вернулась домой, а его и след простыл.

Она прижала пальцы к губам.

– Бедняжка! Жаль, что нас не оказалось рядом, чтобы помочь тебе!

Я вздохнула:

– Ничего страшного. Я хотела... Мне нужно спросить у вас...

Они в нетерпении склонились ко мне.

– Спросить? О чем же?

– Вы с тех пор ни разу не видели Мэтта поблизости?

Шейла и Рэй обменивались взглядами.

– По-моему, я вообще не видел его несколько месяцев, – ответил Рэй. – С тех пор, как он однажды помог мне сменить колесо.

– Но это было до нашего отъезда, правда? – уточнила Шейла. – У меня такое впечатление, что колесо меняли перед тем, как мы отправились к Ребекке, но точно дату не помню.

– А я вспомнил, когда Мэтта видели в последний раз. – Рэй повернулся к жене. – Ты мне рассказывала, как заметила его в «Би энд Кью».

– Ах, ну конечно! – воскликнула она. – Я приехала туда, чтобы купить дополнительную банку краски для отделки гостевой комнаты. У нас она закончилась и...

– Когда это было? – перебила я. – В выходные перед его уходом, вы это имеете в виду? В какой конкретно день? В какое время?

– В субботу утром, – быстро ответила Шейла. – В последнюю субботу, в десять часов. Или чуть раньше. Мы только что купили все необходимое в «Теско» и уже собирались домой. Но Рэй захотел зайти в «Хэлфордс»...

– Тормозная жидкость, – сказал он.

– Что?

– В «Хэлфордсе» я купил тормозную жидкость, – объяснил Рэй, словно я туго соображала.

Я тряхнула головой, мысленно вернувшись к событиям той субботы.

Мэтт поехал в «Теско» за свежими круассанами и газетой. Он отсутствовал дольше, чем я ожидала, но объяснил задержку толпами народа в «Теско». А ведь этот супермаркет и «Би энд Кью» находились менее чем в полумиле друг от друга.

– Вы не заметили, что именно он там купил? – спросила я.

Даже представить не могла, какие товары могли нам понадобиться в «Би энд Кью».

– Коробки.

– Что?

– Обычные пластмассовые коробки с крышками, куда люди складывают свои вещи. Мэтт приобрел их много. Две полные тележки.

Я устала на Шейлу. У меня самой под кроватью стояла такая же коробка со всеми документами – с правом собственности на дом, планом и прочими бумагами. Я купила ее, когда училась в университете, и больше подобных коробок у нас никогда не было.

– Потому я и обратила на него внимание, понимаешь? – продолжила она. – Мэтт находился в противоположном от меня конце торгового зала с двумя тележками. Старался толкать обе одновременно, но говорил при этом по мобильному телефону, и они у него постоянно разъезжались в разные стороны. Я сначала слышала его смех и только потом подняла голову и разглядела его самого.

– Мэтт смеялся?

– Да, – кивнула Шейла. – Он разговаривал с кем-то по телефону. Тележки катились вкривь и вкось, а он лишь хохотал.

– Он вас заметил?

– Нет. Я уже стояла в очереди к кассе, а он продолжал двигаться по залу. Меня он видеть не мог.

Я встала, не в силах больше выносить их проникнутых сочувствием взглядов. Я догадывалась, как им хотелось, чтобы я обсудила с ними все подробности.

– И больше вы с ним не встречались? – спросила я. – Особенно в последние несколько дней? Не замечали, как Мэтт входил в дом?

– Нет. С тех пор я больше ни разу не видела его, – ответила Шейла.

– Я тоже, – подтвердил Рэй. – Но уж если встречу, поговорю с ним как мужчина с женщиной, будь уверена! – Он выпятил грудь. – Так просто взять и бросить молодую женщину! Позорный поступок!

– А новых соседей ты еще не расспрашивала? – поинтересовалась Шейла. – Тех, что въехали в дом с противоположной от тебя стороны?

– Нет. Мы пока не успели даже познакомиться. Я их и видела-то лишь

однажды.

– Но ведь ты хочешь произвести на них приятное впечатление? – Шейла старалась подчеркнуть голосом важность поднятого вопроса. – Тебе же не надо, чтобы они подумали, будто с тобой не все в порядке?

Я направилась к двери.

– Я тебя провожу, – сказал Рэй.

Он шел позади меня чуть ближе, чем требовалось. Я ощущала его дыхание на своей шее, а когда Рэй коснулся моей спины, шарахнулась от него в сторону.

Я открыла замок их двери, но Рэй вдруг положил свою руку мне на плечо.

– Если тебе что-нибудь понадобится, дай мне знать. – Он говорил тихо, и я поняла: Рэй не хотел, чтобы Шейла слышала его. – Сделаю для тебя все. Я твой преданный слуга.

У меня возникло жуткое предчувствие, что он захочет еще и обнять меня на прощание. Я поспешно высвободилась и открыла дверь. Оглянувшись, увидела Шейлу, стоявшую у него за спиной. Трудно сказать, давно ли она наблюдала за нами. Шейла пристально смотрела на меня и, думаю, поняла, насколько Рэй мне противен. Удаляясь от их двери, я затылком чувствовала, как они стоят на пороге и смотрят мне вслед.

Оказавшись у себя дома, я уже не ощутила запаха туалетной воды Мэтта. И теперь сама не знала, успел ли он испариться или вообще был плодом моего воображения. В кухне я взялась за свои записки и принялась делать новые заметки.

Глава 33

Несколько часов я пролежала в постели, вспоминая рассказ Шейлы о том дне, когда она встретила Мэтта.

Мэтт тогда проснулся раньше меня, и я слышала, что он умывается в ванной, включив радио. Прошла целая вечность с тех пор, как по субботам он мог задержаться в постели, выжидая, не произойдет ли чего-то между нами, и то утро не стало исключением. Из ванной Мэтт вышел полностью одетый – еще одна перемена в поведении – и сказал, что съездит за газетой. Я попросила заодно купить круассанов, и он охотно согласился, пребывая, как мне показалось, в приподнятом настроении. Мэтт громко попрощался со мной, покидая дом. Я немного повалялась в постели, а потом встала и приняла душ.

Я обратила внимание на его длительное отсутствие, но не придавала этому значения. Мэтт принес сумку с продуктами и выглядел совершенно нормально. Я закрыла глаза и постаралась вспомнить, привез ли он в дом что-то еще. Вроде бы нет. К его возвращению я успела пройтись пылесосом по холлу и гостиной, и, конечно же, в доме не оставалось места, где Мэтт мог бы спрятать груды пластмассовых коробок, чтобы я не заметила их. Он вошел, когда я стояла в холле. Ожидал, что я буду в кухне, но улыбнулся мне и сказал: «Извини! Я заставил себя ждать слишком долго?» И передал мне сумку.

Затем я старалась припомнить, заглядывала ли на той неделе в багажник его машины. С какой стати? Обычно я открывала багажник Мэтта только в тех случаях, когда мы отправлялись в долгую поездку. Часто там лежали вещи, захваченные им с работы: пиджак для визитов к начальству, строительная каска и прочее снаряжение, необходимое при инспекции строительных площадок. Как правило, мы не одалживали машины друг у друга, обходясь своими, хотя страховки включали нас обоих. Сейчас, как я предполагала, автомобиль он сменил. Надо не забыть внести в записи еще одну задачу: звонки в страховые компании.

А в тот день мы позавтракали, поочередно читая газету, и обсудили последние новости, а потом вместе продолжили уборку в доме. Мэтт съездил на автомойку после обеда и отправился в спортзал. Я посетила парикмахерскую, чтобы сделать стрижку и укладку, готовясь к путешествию в Оксфорд на следующей неделе. В общем, суббота как суббота, ничего необычного.

А потом у меня в голове будто туман рассеялся, и появилась важная мысль: с кем Мэтт говорил по телефону в магазине?

Я села на кровати. Шейла живо описала, как он разговаривал по мобильному телефону и смеялся. А ведь Мэтт не любил долго болтать по телефону. Если звонил приятель и приглашал его в паб, разговор длился минуту и сводился примерно к следующему: «Где? В котором часу? Спрошу, что Ханна думает об этом» – и все. При этом он разговаривал вежливо и дружелюбно, но никакого смеха не звучало, и беседа не превращалась в продолжительную болтовню. Смеяться и долго говорить по телефону было ему свойственно лишь в первую неделю знакомства со мной. Вот почему я заподозрила, что общался Мэтт с женщиной. Трепал языком и весело хохотал.

Через неделю он ушел от меня.

А следом возникло другое, не менее важное воспоминание. Я заметила Мэтта в Честере. И хотя видела только со спины среди толпы, не сомневалась, что это был именно он. У меня внутри все буквально оборвалось. В Честере жила Руби.

Руби – женщина, судя по всему, разбившая Мэтту сердце, его возлюбленная до встречи со мной. Она жила в Честере. И я недавно встретила там Мэтта. Могло ли это быть простым совпадением? Почему я сразу не вспомнила о Руби, увидев его на станции?

Я схватила айпад и начала поиск в Сети. Руби Тэйлор. От одного имени меня пробирала дрожь. Однажды, когда мы уже встречались с Мэттом несколько месяцев и он на все выходные мог оставаться дома, в воскресенье днем мы отправились к его матери. Оливия попросила приехать и помочь с какой-то работой в саду. А я сидела в гостиной и скучала. Но у меня не возникало потребности быть с ним рядом. На той стадии я еще могла выносить продолжительные разлуки. А для той работы третий не был нужен, я бы только промерзла на ветру, стоя у них над душой. Я принялась разгуливать по дому Оливии, ища для себя хоть какое-то занятие. В книжном шкафу стояли альбомы с фотографиями, и я достала их, чтобы просмотреть. В основном снимки Мэтта в детстве. У меня сердце растаяло, когда я увидела его младенцем, потом малышом, первоклассником и подростком. Одно фото понравилось мне особенно. Мэтт сидел на старых качелях зимой в парке. На нем была маленькая красная куртка-пуховик, гармонирующая с румянцем на щеках, а на лице читалось абсолютное счастье. Я вынула снимок из альбома, чтобы попросить у Оливии разрешения сделать для себя копию, а потом продолжила просмотр, добравшись до тренировок футбольной команды в

средней школе и до церемонии получения Мэттом диплома.

В конце альбома были собраны фотографии, сделанные в разное время. И была на некоторых из них девушка примерно одного со мной возраста или чуть старше. Она отпустила длинные темные волосы, как и я в свое время, но они у нее лежали послушно, изящно обрамляя лицо. Девушка выглядела выше меня, стройнее, более живой и подвижной. Снимки на пляже, на знаменитом лондонском колесе обозрения, на лыжах в горах... Я долго вглядывалась в каждый из них. Тогда я понятия не имела, кто она такая. Мэтт, конечно, упоминал о своих прежних подружках. Мы оба рассказали друг другу о прошлых привязанностях, но он никогда не показывал мне их фотографий.

В тот момент вошла Оливия с растрепавшейся от ветра прической и с порозовевшим от холода лицом.

– Рассматриваешь наши фото?

Я спросила, нельзя ли снять копию снимка Мэтта на качелях, и она ответила, что с удовольствием сделает ее для меня сама. И она выполнила обещание. С тех пор тот снимок в рамке занял место среди других на подоконнике в нашей гостиной. Разумеется, его Мэтт тоже забрал с собой, когда уходил от меня.

Оливия погладила фотографию.

– Он был прекрасным мальчиком, – промолвила она.

Мэтт помахал нам рукой, глядя в дом через окно.

– Он им и остался, – заметила я, демонстрируя свою преданность ее сыну.

Мэтт действительно обладал приятной наружностью – темно-русые волосы, карие глаза.

– А это чьи фотографии?

Оливия взяла у меня пачку снимков.

– Это? – В ее голосе я уловила нотки нежности. – Ее зовут Руби.

– Руби?

Она улыбнулась:

– Да, Руби Тэйлор. Старая подружка Мэтта. Красивая девушка.

Что правда, то правда.

– Ты мне напоминаешь ее, – добавила Оливия. – Вот почему я испытала сильное удивление, увидев тебя впервые.

Я снова взглянула на фото. И хотя мне тоже померещилось поверхностное сходство, я сознавала, что кажусь черно-белой копией этой подлинной красавицы в цвете.

– Мне незнакомо ее имя, – небрежно бросила я. – Мэтт работал вместе

с ней?

– Нет, – ответила Оливия. – Она из Честера. По-моему, они познакомились в Ливерпуле. И по выходным Мэтт приезжал из Лондона на свидания с ней. Руби порвала с ним отношения за день до его отъезда в отпуск. Меня это потрясло. Мне-то казалось, что у них все продлится долго. Но вскоре Мэтт познакомился с тобой, и я никогда прежде не видела его таким счастливым!

Она вышла в сад и снова взялась за работу вместе с Мэттом. Я же стояла, держа снимки и глядя на их возню в саду. Для меня наступил момент, когда я обнаружила недостающий фрагмент мозаики, и передо мной предстала картина во всей полноте. Встретив Мэтта в аэропорту, я не могла понять, почему он выглядел более грустным, чем его товарищи. Они находились в приподнятом настроении, и я подумала, что он просто устал больше остальных и потому так мрачен. А на самом деле он грустил, потому что Руби разбила ему сердце, бросив его. Но тогда, проводя вместе отпуск, мы много разговаривали, смеялись, весело проводили время вдвоем, и Мэтт ни словом не обмолвился о Руби. И в самолете, когда я спросила, есть ли у него девушка, без колебаний ответил, что нет, хотя их роман закончился лишь накануне.

Я вложила пачку обратно между листами альбома и открыла последнюю страницу. Там лежала только одна фотография, перевернутая изображением вниз и чуть прилипнув к внутренней стороне обложки альбома. Я осторожно поддела ее. Мне заранее казалось: я знаю, что увижу сейчас.

Мэтт и Руби вместе сидели на том же диване, где теперь расположилась я. Она смотрела на него снизу вверх и улыбалась. Я впервые могла рассмотреть Руби в профиль. Ее прямую линию носа, изогнутые ресницы и губы, такие манящие, что даже я не смогла бы побороть искушение поцеловать их. Мэтт же поглядывал на нее чуть свысока, поглаживая Руби по волосам. Наверняка этот снимок сделала Оливия. Она не могла не замечать, как Мэтт смотрит на Руби, а теперь сравнивала, отмечая выражение его лица при взгляде на меня. Разница, вероятно, представлялась ей вполне отчетливой.

Я сунула последнюю фотографию в свою сумочку и вернула альбомы на полку. Когда же на следующий день Мэтт уехал в Лондон, я сожгла фото в саду, собрала пепел и высыпала в мусорную корзину. Но все оказалось бессмысленно. У меня в памяти навсегда запечатлелось выражение его лица при взгляде на Руби, запомнилась написанная на ее лице спокойная уверенность в том, что Мэтт не любит никого, кроме нее.

А вскоре она его бросила.

И все мои воспоминания об отпуске на Корфу приобрели гораздо более мрачный оттенок. Я стала понимать причину нашего быстрого сближения. Теперь, думая о его первом взгляде на меня, о нашем первом поцелуе, я размышляла, просто ли он мстил Руби за измену или продолжал видеть во мне ее.

Так я усвоила банальную вроде бы истину. Независимо от того, как давно знаешь человека, ты не можешь до конца разобраться в сложностях его натуры, не проникая во все секреты его прошлого.

О том, как продолжала жить Руби после разрыва с Мэттом, я не интересовалась. Ни разу при нем не упоминала ее имени. Мне была ненавистна мысль, что придется выслушивать его рассказы о ней. Они никогда не жили вместе постоянно, хотя, судя по словам Оливии, Мэтт проводил почти каждый уик-энд у Руби в Честере. Разумеется, от моего внимания не ускользнул и факт, что для свиданий с Мэттом мне приходилось ездить в Лондон, а к ней приезжал он сам. Но мне нравились поездки в выходные, и я не позволяла мыслям о Руби отравлять наши встречи, но все же неделя за неделей, когда мой поезд прибывал на лондонский вокзал Юстон, я чувствовала не столько усталость, сколько волнение, что Мэтт не приедет меня встречать. А потом видела его в толпе при выходе с платформы, он старался занять выгодную позицию для наблюдения за прибывшими пассажирами, и мое сердце заходило от радости. Мэтт улыбался, заметив меня, и принимался расталкивать людей, чтобы скорее оказаться ближе ко мне.

А теперь, проводя поиск следов Руби в Сети, я вдруг сообразила, что не знаю, живет ли она до сих пор в Честере и кем работает. Для начала я просмотрела «Фейсбук». Обнаружила сразу несколько женщин с тем же именем. Даже нашла страничку Руби Тэйлор из Честера, но она была настроена только на просмотр для допущенных пользователей, и я не сумела получить никакой информации. Присутствовала фотография с букетом цветов, и потому я не могла даже удостовериться, она ли это. В «Твиттере» тоже была некая Руби Тэйлор, но опять-таки без ее снимка, причем она пользовалась сайтом для того, чтобы добавлять комментарии к чужим заметкам. И ничего нового не добавила уже года два. В «ЛинкедИне» ее не обнаружилось, что меня удивило, поскольку, казалось бы, именно такая социальная Сеть должна была привлекать ее. Там на фото такой красавицы пришли бы, наверное, тысячи лестных оценок и отзывов.

Пока я занималась поисками Руби, пришло сообщение от Кэти:

Надеюсь, вчера ты благополучно добралась до дома. Постарайся двигаться дальше, Ханна. Не надо доводить себя из-за него.

Она по-прежнему ничего не понимала. Ей наши отношения с Мэттом казались легкими и поверхностными, и прекратить их ничего не стоило. Хотя я прекрасно знала, что если бы нечто подобное произошло с Кэти, она лежала бы в постели, мать едва успевала бы менять ей компрессы на лбу, а папаша отправился повидаться с бывшим ухажером, чтобы преподать ему урок. Я уже собралась отправить ей текст с сообщением о предположении, что Мэтт мог находиться у Руби в Честере, но удержалась. Кэти и так считала меня безумной, чтобы приплетать сюда еще и Руби. О Руби она, разумеется, знала (я позвонила ей тем же вечером, когда Мэтт уехал от матери в Лондон), но с тех пор много лет не заводила разговоров о его прежней возлюбленной. По-моему, еще со дня переезда Мэтта ко мне. Кэти бы точно посчитала меня умалишенной, поделись я с ней своей новой идеей. А потому я лишь коротко ответила, что со мной все хорошо, и вернулась к поискам.

Вскоре я нашла ее.

Глава 34

Руби работала в фирме, которая организовывала свадьбы. Я представила ее расхаживающей по богатому дому с листами бумаги для записей, со специальным устройством для связи – наушники и беспроводной микрофон, через которое она раздавала распоряжения прислуге и своим подчиненным, но при этом с удовольствием ловила на себе похотливые взгляды жениха.

«Дьявол таится в деталях» – такой девиз значился на их сайте в Интернете.

Я же не была слишком уверена в этом.

Контора устроителей бракосочетаний находилась в центре Честера рядом с руинами древнеримской стены. Мэтт наверняка наведывался туда, чтобы навестить Руби, подумала я. Но в последний раз он садился в поезд... Куда он направлялся? Жил ли Мэтт теперь у Руби в Честере или где-то еще?

При мысли, что он переехал к Руби, мое сердце учащенно забилося. Я откинулась назад, закрыла глаза и начала делать дыхательные упражнения, которым преподавательница в университете обучила меня, чтобы помочь справляться с возбуждением. Тогда она помогла мне, хотя потребовалось немало тренировок, прежде чем я сумела делать это самостоятельно. На меня действовало успокаивающе прикосновение ее прохладной руки к моей, подсчет частоты дыхания. Вдохов и выдохов. Я же концентрировала внимание на ее лице, добром и озабоченном, а она кивала и продолжала считать, пока я не приходила в себя окончательно. Мне было в то время восемнадцать лет, и я жалела, что не обучилась ее методу намного раньше.

На сайте я выяснила часы работы фирмы. Со вторника по субботу, с девяти утра до шести вечера. Сейчас было 16.30. Если поспешить, можно успеть в Честер к 17.15.

Конечно, это было безумием. Впрочем, не совсем. Не могла же я считать себя сумасшедшей только потому, что некто заставил меня пойти на такие действия? И все же, наверное, я переходила рамки дозволенного. Ясно же, что мне сейчас не следовало отправляться к этой женщине и напоминать ей о прошлом, но такая встреча показалась мне на данном этапе даже важнее, чем просто розыски Мэтта. Если он был с ней, тогда я превращалась лишь в отдельный эпизод из его жизни. В краткий миг. Случайный сбой в нормальном течении событий. Что-то, о чем они с Руби

могли бы даже вспомнить вместе, отмечая очередную годовщину своих отношений. Интересно, размышляла я, что он будет думать обо мне годы спустя?

А потом стала размышлять, оставлю ли я все как есть. Смирюсь ли с тем, что она нанесла мне поражение? Попробовала даже вообразить себя покорно признающей свой проигрыш.

И не смогла.

Через две минуты я уже сидела в машине и на высокой скорости мчалась по шоссе, крепко сжимая руль, хотя перед глазами порой все начинало расплываться, но нога лишь сильнее давила на педаль газа. Я словно вернулась в тот день четыре года назад, когда не могла думать ни о ком и ни о чем, кроме Руби.

К зданию ее фирмы я прибыла вскоре после пяти часов и припарковала машину на платной стоянке. Дом был построен террасами в георгианском стиле, и к парадной двери вели полдюжины ступеней. Фасад был огражден черной низкой оградой, и еще одна лестница тянулась в подвал. В помещениях первого этажа горел свет, отражаясь мягким отсветом оттенка абрикоса на стенах. Серебристый спортивный автомобиль красовался на месте, зарезервированном для сотрудников компании. Его откинутая мягкая черная крыша позволяла видеть кожаные сиденья, и я подумала, что, если машина принадлежала Руби, а Мэтт жил теперь с ней, вечером я вернусь с парой мешков песка и высыплю их в салон.

Здание выглядело намного солиднее, чем я ожидала. Я сглотнула. Мне пока в голову не приходило, как объяснить свое появление. Притвориться, будто собираюсь выйти замуж? Но что, если они сразу потребуют огромный аванс? Представилось, как пользуюсь своей кредитной карточкой, чтобы внести залог за организацию свадьбы, хотя даже не знаю местонахождения жениха.

Люстра в одной из комнат погасла. Неужели они уже закрывались? Выскочив из машины, я поднялась по ступенькам. На двери висел медный молоточек, хотя рядом располагались две кнопки звонков. Один из них как раз и был установлен брачной фирмой. Назначение другого оставалось неизвестным. Я нажала нужную кнопку.

Огромный, затейливой формы фонарь под козырьком при входе внезапно вспыхнул, а потом дверь открылась. Женщина, внешне чуть напоминавшая лошадь, появилась на пороге. Ее шея была обмотана свернутым в несколько слоев шелковым платком. На ней был элегантный костюм из кашемира, а на лице лежало больше косметики, чем нашлось бы

у меня дома.

– Добрый вечер, – улыбнулась она. – Сожалею, но наш офис сейчас закрыт. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Я хотела постучать по циферблату своих часов, напомнив ей, что до официального времени закрытия оставалось еще сорок пять минут, но она успела добавить:

– Знаю, время еще раннее, но мне необходимо встретиться с одной из невест. Она никак не может решить, нужен ли ей шлейф или лучше от него избавиться.

Я представила странное существо, за которым тянется шлейф из прошлого в канун свадьбы.

– Меня зовут Фиона Кинг, – произнесла женщина и протянула мне руку.

– А я – Кэти Диксон, – солгала я.

– Я дам вам свою визитную карточку. – Она принялась рыться в сумочке. – Может, мы назначим с вами встречу по телефону? Но сейчас мне нужно спешить.

И тогда я выпалила:

– Я хотела бы увидеться с Руби!

– С Руби?

– Она здесь? Я могу поговорить с ней?

– Вы ее знакомая? Но разве вы не знаете?.. На прошлой неделе Руби вышла замуж! Очень быстро и втайне от всех, старая лиса! Мы так разозлились на нее!

Она вышла за Мэтта замуж?

– А ведь мы бы устроили ей потрясающую свадьбу! Нам бы это доставило огромное удовольствие! Так нет же! Вышла замуж тайно, а сейчас отправилась в кругосветное путешествие. На целый год. Это так романтично!

– Значит, Руби уехала на весь год?

– Да, представляете? Нет, они не швырялись деньгами, конечно. Жить планируют в старых отелях и чуть ли не в юртах. Мы ей завидуем!

– Но... – В моих лихорадочно метавшихся мыслях возник образ Мэтта, уехавшего на год. Он же так любил путешествия! Почему я сразу не допустила подобного варианта? Ему нравилось бывать за границей, где он чувствовал себя свободнее, чем дома. – Значит, она все-таки вышла замуж за Мэтта?

– За Мэтта? – Женщина села за руль спортивной машины и обернулась ко мне. – Извините, но я не знаю никого, кто носил бы это имя. Господи, да

когда вы вообще виделись с ней в последний раз? Ее муж – Джонатан Кортни-Купер. Они прожили вместе полгода. Вот это я понимаю! Действительно бурный роман!

– Романтично, – произнесла я. – Если будете разговаривать с ней, передайте мои поздравления. – А затем у меня невольно вырвалось: – Черт! Приятный сюрприз!

Но думала я при этом только об одном. Как отблагодарить Создателя за столь радостное известие?

Вернувшись в машину, я не сразу тронулась с места, а сначала посмотрела на свое отражение в зеркальце заднего обзора. Лицо покраснело так, словно у меня поднялась высокая температура. Лоб покрылся по́том, к коже прилипли выбившиеся из прически пряди.

Итак, Руби уехала вовсе не с Мэттом. Но я была счастлива еще и оттого, что не предстала перед ней в таком виде.

Однако Мэтт мог уйти от меня к другой женщине. И даже если нет, то он ли посылал мне сообщения или кто-то еще?

Глава 35

Когда я вернулась, дом выглядел настолько мрачным и неприветливым, что мысль оставаться в нем одной стала непереносимой. Я поднялась наверх, умылась и переоделась для пробежки. Отправила Фрэн текст, спрашивая, не хочет ли и она размять ноги, но она в ответ сослалась на усталость и нежелание никуда сегодня выходить вообще. Я вздохнула. Фрэн в последнее время чувствовала пренебрежение к себе с моей стороны, и теперь нашла способ наказать меня. Приходилось признать ее правоту. У меня совсем не оставалось времени на общение с ней и Дженни. Но с другой стороны мне уже смертельно надоело все делать в одиночку. Может, тоже остаться дома? Нет, надо вырваться из четырех стен. В противном случае я провалиюсь в постели, доводя себя до умопомрачения тягостными мыслями. Вспомнилось, как кто-то снял меня на видео во время пробежки, и вздрогнула. Если встречу с ним сегодня, то буду готова к этому.

Стянув волосы в хвостик и сунув ноги в кроссовки, я вышла из дома и устремилась вниз по улице, глядя по сторонам, чтобы вовремя обнаружить «оператора». Значит, Мэтт мог уйти к другой женщине... Конечно, не к Руби. Теперь такая идея представлялась глупой. А к кому? Я постаралась припомнить женщин, вместе с которыми он работал. В памяти всплывали какие-то имена и его отзывы об этих женщинах, но он никогда не уделял данной теме особого внимания. В этом смысле у меня ни разу не возникало причин для беспокойства. По крайней мере, серьезных. Однако по-прежнему представлялось логичным, что сбежал Мэтт не просто так, а к кому-то, и мне отчаянно хотелось посмотреть на выражение его лица.

Потом мне вдруг вспомнился телефон в «бардачке» у Сэма, его запасной телефон, который якобы не работал. А я уже знала, что Сэм лжет. Не мог ли Мэтт поступить так же? Если он встречался с кем-то на стороне, ему бы очень пригодился второй мобильник. И купить его было нетрудно. На мгновение у меня возникло желание развернуться и добежать до дома Шейлы и Рэя, чтобы спросить, каким телефоном пользовался Мэтт, когда Шейла заметила его в магазине. Я знала: толку от этого не будет никакого, но все же мне пришлось сделать над собой усилие и не дать волю своим никчемным порывам.

Если Мэтт приобрел второй сотовый телефон только для общения с другой женщиной, значит, я столкнулась с гораздо более изощренным

обманом. Где он прятал его? У меня возникали самые дикие фантазии при попытке вообразить, как Мэтт скрывал от меня телефон, а потом потихоньку доставал откуда-нибудь из-под кровати, стоило мне удалиться в ванную. Делал остановку по пути с работы, чтобы пообщаться с любовницей, а затем клал телефон в багажник своей машины, приезжая домой с милой улыбкой, предназначенной для меня. Мне была ненавистна мысль, что он так же выбегал из офиса в обеденный перерыв, чтобы позвонить ей, как ежедневно звонил мне. С недавних пор, если звонила ему я сама, телефон не отвечал. Я не придавала этому значения, но теперь подумала: не с ней ли он в это время любезничал по другому аппарату, сидя в машине на парковке, привычно откидывая голову, когда смеялся, а в глазах читались нежность и любовь? Я звонила Мэтту по обычному номеру, заставая за разговором с ней, а если на дисплее высвечивалось мое имя, он говорил: «А, не стоит беспокоиться. Ничего важного». Так, что ли? Потом возвращался в кабинет, прятал запасной мобильник в один из ящичков стола, а мне перезванивал и объяснял, что находился на совещании.

В тот вечер я пробежала много миль, едва ли замечая, какую огромную дистанцию преодолеваю. На меня оказывала благодетное воздействие возможность сконцентрироваться на своем дыхании и немного подавить пылавший внутри гнев. Уже темнело, и я возвращалась вдоль реки в сторону дома, когда поняла, что поблизости расположен паб, куда мы с Мэттом часто отправлялись, если не хотели уезжать в центр города. «Эллинг» находился в старинном здании с перекрестными деревянными балками в стенах, где устроили множество небольших уютных уголков, подавали качественный эль, а среди клиентов преобладали местные завсегдатаи, посещавшие заведение многие годы. Нам этот паб нравился, и нас тоже можно было считать завсегдатаями, но в последнее время, когда работа стала отнимать у нас обоих больше времени, наведывались туда все реже. Теперь, если нам хотелось выпить, мы предпочитали оставаться дома. Наверное, так происходит с теми, кому перевалило за тридцать. И сейчас я стояла перед входом, раздумывая, хватит ли у Мэтта наглости проводить время за кружкой пива так близко от моего жилища. Тревожили меня и возможные расспросы общих знакомых, почему я оказалась в пабе одна.

Джеймс спрашивал, заходила ли я в «Эллинг», чтобы навести справки и узнать, заглядывал туда Мэтт по-прежнему или нет, но мне трудно было себя заставить сделать это. Я не верила, что мне скажут правду, а от неизбежных потом сплетен меня заранее корбило. И номеров телефонов у меня не было. Они всегда общались только напрямую с Мэттом, хотя меня

охотно включали в свою компанию, проводя там летние вечера после долгих прогулок вдоль реки.

В первую неделю после ухода Мэтта я несколько раз побывала здесь. Нет, не в самом пабе. Я подъезжала на машине и останавливалась у обочины дороги, откуда могла видеть всех посетителей. Однажды я заметила группу его давних приятелей и прождала весь вечер, всматриваясь в темноту, но Мэтт не явился. Приятели покинули паб около одиннадцати часов, еще поболтали, стоя на тротуаре, а затем разошлись. У меня было опущено стекло в салоне, но, как ни напрягала слух, я все равно не смогла расслышать их слов. Теперь я подумала, не пора ли повторить такой же визит? Мэтт мог скучать по прежним собутыльникам и однажды вечером заглянуть в паб. И уже не один, а с новой подружкой.

Его друзья примут в свою компанию подружку Мэтта, которую не знали прежде, и будут стараться произвести на нее впечатление своими бесконечно повторявшимися историями, надоевшими мне самой, признаться, уже до зевоты. Я посмотрела на дверь паба. Может, она как раз сейчас там вместе с ним? Они заняли места, где раньше сидели мы и пили с друзьями и случайными знакомыми?

Я почувствовала, как жар постепенно охватывает мое тело, пока он не докатился до лица, обжигая его огнем. Вдруг она уже стала любимицей всей компании? Они расположились в тесном кругу своих, и никто вообще не задается вопросом, почему нет меня. Не вспоминают даже имени. Словно я никогда не существовала.

Ко мне приблизилась парочка. Первой шла женщина, одетая в свой лучший субботний наряд. Я уловила резкий запах духов «Обсешн» от Кельвина Кляйна, заметила влажный блеск помады на ее губах, когда она прошла, едва не задев меня. Я подалась чуть назад, сообразив, что посреди сгустившейся тьмы почти невидима в тренировочном костюме, без косметики на лице, потная и покрасневшаяся.

Когда же они входили в паб, я двинулась вслед за ними, пытаюсь разглядеть Мэтта среди клиентов. Затем дверь захлопнулась перед моим лицом. Но мне хватило мгновения заметить, что у стойки бара сидели всего несколько мужчин, и Мэтта среди них не было. Окна, выходящие на реку, снизу и до середины покрывал защитный белый слой, и на мгновение меня охватил безумный порыв начать подпрыгивать и изучать остальную публику внутри, но я сдержалась.

Я села на скамью и стала смотреть на реку. В окнах пароходства и на пристанях ливерпульского порта уже горел свет. Огни протянулись вдоль воды слегка размытой цепочкой и отражались в ней. Этот пейзаж был

одним из моих самых ранних воспоминаний детства, и я всегда любила его. Небо приобрело темно-синий оттенок с постепенно растворявшейся тонкой золотой полоской заходившего солнца, и ветерок с реки начал холодить мое взмокшее тело. Я поежилась.

Неожиданно я услышала шум со стороны «Эллинг» и обернулась. Двое мужчин вышли из паба, выкрикивая прощальные слова кому-то, остававшемуся внутри. Но дверь закрылась не сразу, и я успела разглядеть, как в нее вошел Джеймс. Ранее я отправила Кэти сообщение, спрашивая, чем они собираются заниматься этим вечером. Часа два ответа не поступало, а потом она передала мне, что они останутся дома, перед телевизором, а ужин закажут с доставкой из ресторана. Это так напоминало образ жизни, который мы вели с Мэттом до его исчезновения, что я внезапно ощутила злость и послала текст: «Какая оригинальная идея проведения вечера! Постарайтесь получить удовольствие». Через десять минут на мой телефон поступило лишь краткое «Спасибо», что обозлило меня только сильнее, поскольку Кэти не могла не уловить откровенного сарказма в моем послании.

Вспомнив об этом обмене сообщениями, я решительно открыла дверь и вошла в паб. Джеймс расположился у стойки и разговаривал с барменом, уже немолодым человеком, проработавшим на одном месте много лет. Когда я приблизилась, он посмотрел на меня, удивился, а потом снова обратился к бармену:

- Спасибо. Сдачи не надо. – Джеймс подошел ко мне. – Привет, Ханна!
- Ты здесь с Мэттом? – спросила я.

Он отчего-то смутился, и мне это показалось подтверждением моей догадки. Я стала смотреть по сторонам. Из главного зала короткие коридоры вели в четыре небольших отдельных кабинки. Я знала, что, если не начну действовать быстро, Мэтт успеет незаметно скрыться. Я оглядела кабинку у себя за спиной. Она вмещала примерно десяток посетителей, а сегодня даже наполовину пустовала. Мэтта там не было.

Я попятилась к двери, откуда могла видеть кабинку слева. Она была побольше, но предназначалась в основном для пар, желавших уединения. Я внимательно вгляделась в лица мужчин, но Мэтта не оказалось и среди них.

Оставалась та кабинка, вход в которую находился напротив стойки бара, и еще одна – самая просторная – в задней части главного зала. Я стремительно вошла в кабинку и замерла. Там сидела Кэти в одиночестве за столиком, наматывая прядь волос на указательный палец и глядя на стоявший перед ней пустой бокал.

Глава 36

Джеймс прикоснулся к моей руке.

– Хочешь присоединиться к нам? – спросил он.

Услышав его голос, Кэти вскинула голову, а потом заметила меня и чуть не подпрыгнула на стуле.

– О, Ханна! Привет. Как дела?

– Странно видеть вас здесь. Вы же собирались провести вечер дома перед «ящиком». С коробкой еды из ресторана.

– Верно, – кивнула она, избегая смотреть мне в лицо. – Мы так и хотели поступить, правда, Джеймс? Но, посоветовавшись, решили отправиться на прогулку. – Возникла неловкая пауза. – А ты, значит, вышла на пробежку?

Я осмотрела свой пропотевший тренировочный костюм из ткани с лайкрой и старые кроссовки, а потом элегантное летнее платье Кэти и легкие туфли на каблуках, открывавшие слегка загоревшие ступни и педикюр.

Взяв стул, я села рядом с ней.

– Просто не хотела сидеть дома одна, – объяснила я.

– А это не опасно?

Я нахмурилась, вспомнив присланное мне видео.

– Опасно?

– Ну... если ты беременна. Тебе не следует подвергать себя нагрузкам.

– Все прекрасно, – улыбнулась я. – Не о чем беспокоиться. Врачи даже рекомендуют физические упражнения.

– И ты совершенно одна? – спросила Кэти. – Ни Дженни, ни Фрэн не составили тебе компанию?

К Дженни я даже не обращалась, зная, что она разделяет нынешнее отношение ко мне Фрэн.

– Они обе не в настроении.

– Им известно, что Мэтт тебя оставил?

– Нет. – У меня возникло ощущение человека, которого подвергают допросу. – Я только и вижусь с ними во время совместных пробежек. Поэтому пока ни о чем им не сообщала.

– Я могу бегать с тобой, если хочешь. Или даже Джеймс.

Я покачала головой:

– Не надо. Мне даже нравится бегать одной.

– Выпить не желаешь? – спросил Джеймс.

– Спасибо, только диетическую колу. К тому же у меня нет при себе денег. Не думала, что они мне могут понадобиться.

– Есть новости? – шепотом поинтересовалась Кэти, как только Джеймс отошел к стойке бара. – Ты обнаружила еще хоть что-нибудь?

Я огляделась, не понимая, почему она шепчет. В кабинке сидели еще несколько пар, но никто не проявлял к нам ни малейшего интереса.

– Моя ближайшая соседка Шейла видела, как Мэтт покупал коробки в «Би энд Кью» за неделю до ухода от меня, – ответила я. – Мы с ней не общались до сегодняшнего дня. Когда он уезжал, соседей не было дома, и я считала, что они не могут знать ничего важного.

– Коробки?

Джеймс снова сел рядом с нами, поставив передо мной стакан с колой.

– О чем вы?

– Мэтта застали, когда он покупал коробки. Это было за неделю до бегства, – объяснила я.

– Что за коробки?

– Какая разница, какие это были коробки! – вспылила я. – Пластмассовые. Для вещей. В них он мог упаковать свои пожитки, как я теперь предполагаю.

– Ладно, ладно, только не надо горячиться!

– Он купил что-нибудь еще? – спросила Кэти. – Соседка долго следила за ним?

– Шейла вовсе не следила за ним! Просто оба оказались в одном магазине, и она видела его покупки.

Какое-то время мы сидели молча. Я заметила, как Кэти бросила на Джеймса предостерегающий взгляд. Меня это удивило.

– Значит, на работе все хорошо? – наконец проговорил он. – Ты уже получила обещанное повышение?

Я опустила голову, но успела увидеть, как Кэти ткнула Джеймса локтем под ребра.

– Ханна, – мягко произнесла она. – Что с тобой? Неприятности? Я имею в виду, помимо известия о покупке коробок. Стряслось еще что-то?

– Были два не слишком радостных момента, – пробормотала я.

Она отхлебнула свой коктейль.

– Какой же стал первым?

– Ты получила новые сообщения? – предположил Джеймс.

– Да, но как раз они встревожили меня меньше всего. Даже не знаю, с чего начать, если рассказывать по порядку.

- Что же все-таки случилось?
- Кто-то постоянно проникает ко мне в дом.
- Что? – воскликнула Кэти. – И ты в это время сама находишься там?
- Слава богу, нет. Я в это время на работе.
- Ты кого-то видела?

Я покачала головой:

- Знаю, звучит странно, но я уверена, что в дом кто-то заходит.

Кэти откинулась на спинку стула и сделала еще один большой глоток из бокала.

– Лично я сильно сомневаюсь в этом, Ханна, – заметила она. – Зачем кому-то делать такое?

- А как ты думаешь, кто это может быть? – вдруг спросил Джеймс.

Я пристально посмотрела на него:

– А ты сам кого бы заподозрил, если не Мэтта? Именно он является в мой дом, когда меня там нет.

- Мэтт? Но ему-то зачем залезать к тебе? Он же тебя бросил навсегда.

– Я знаю, что он меня бросил! – прошипела я, теряя терпение. – Вы спешите напомнить мне об этом при каждой встрече! Но он вернется. Я уверена, он вернется. Мэтт посылает мне сообщения и тайком проникает в дом.

- Он же оставил свой ключ? – напомнил Джеймс.

– Да, повесил его на крючок, – признала я. – Но ему ничего не стоило заранее изготовить копию. – Я снова заметила взгляд, брошенный Кэти на Джеймса, и меня охватила ярость. – Не надо считать меня сумасшедшей! Я пока не рехнулась!

– Никто не считает тебя сумасшедшей, – отозвалась Кэти тоном терпеливого доктора, и мне захотелось вlepить ей пощечину. – Почему бы тебе не поставить охранную сигнализацию? Я бы, например, непременно оборудовала ею свой дом в подобной ситуации.

Я немного успокоилась. Действительно, почему я сама не догадалась?

– Но какой толк в сигнализации, если она начнет срабатывать, когда я далеко от дома? И ко мне начнет регулярно являться Рэй, если у меня постоянно станут раздаваться звонки?

- Хм-м. Да, этого тебе не нужно.

– Ты можешь приобрести специальную программу, передающую изображение с камер на твой компьютер, – сказал Джеймс. – Она уловит любое постороннее движение в доме. Стоит лишь звуку раздаться, как вся система активируется. Надо оставлять ноутбук включенным, и если кто-нибудь проникнет в дом, когда тебя нет, все будет записано в памяти

компьютера.

– Правда?

Он кивнул.

– И это обойдется недорого. Не нужно покупать сложное оборудование. Главное здесь – сама программа. Ты даже можешь использовать только камеру, встроенную в ноутбук, направив ее в то место, которое следует заснять, но только убедись, что твой компьютер не настроен на автоматическое отключение, если им какое-то время не пользуются. – Джеймс достал свой телефон и показал мне действие системы на одном из сайтов в Интернете. – А главное, ты сможешь вести наблюдение, даже находясь вне дома. Через телефон или компьютер на работе. Увидишь сразу, если кто-то проникнет в твой дом.

Я тихо сидела и уже злилась на себя за то, что не додумалась до столь простой вещи. Вспомнила, как видела в Сети запись, сделанную женщиной во Флориде, в чей дом забрались грабители. В тот момент она находилась на работе, но могла следить за всем происходившим на мониторе компьютера.

– Хорошо, – произнесла я, вставая из-за стола. – Спасибо за совет. Я куплю такую программу немедленно.

– Побудь еще немного с нами, – попросила Кэти. – Выпей колы.

Но я отказалась.

– Он может как раз сейчас быть в моем доме. Я должна скорее разобраться во всем.

– Нужна моя помощь? – спросил Джеймс.

Я вспомнила, в каком состоянии сейчас моя кухня. Бумажки, расклеенные повсюду... А если они их увидят? Представила выражение их лиц. Ведь я понимала, как мои записки выглядят со стороны.

– Нет, спасибо. Справлюсь сама.

Когда я уже повернулась, чтобы уйти, Кэти бросила вслед:

– Ты сказала, что у тебя два неприятных момента. Какой второй?

– Второй? Мэтт, по-моему, завел себе новую подружку. Думаю, он бросил меня, чтобы уйти к ней.

Они уставились на меня. Но прежде чем начались расспросы, я улыбнулась, поблагодарила Джеймса за колу и поспешно покинула паб.

Глава 37

Через пару недель я получила сообщение от мамы. Она волновалась, все ли со мной в порядке, и внезапно я ощутила желание увидеться с ней, поговорить по душам. Я позвонила ей по городскому телефону, и она ответила почти сразу.

– Привет, это я, Ханна!

– Ханна! Здравствуй, дорогая моя. Как приятно слышать твой голос!

Мне пришлось даже откашляться. Всегда было нелегко разговаривать с матерью, а теперь ко всему примешивалась еще и моя жалость к ней из-за измены отца, что затрудняло беседу.

– Ты свободна сегодня? Я могла бы заскочить к тебе.

– Конечно! Хочешь приехать к ужину? Папа сегодня в кои-то веки обещал вернуться рано. Мы сядем за стол в половине седьмого.

При мысли об этом я вздохнула. С тех пор, как я увидела отца в ресторане с Хелен, я была сердита на него, и сколько бы усилий ни делала над собой, чтобы не думать об этом, гнев все равно время от времени заставлял бурлить мою кровь. Однако приезжать в его отсутствие тоже было плохо. Особенно после того, как я случайно получила сообщение, предназначенное для Хелен. Если только он посылал его именно Хелен. Адресатом могла быть и другая женщина. Отец вполне способен завести себе не одну любовницу. Зато я хорошо понимала: если бы ему сообщили, что я навещала маму и намеренно избежала встречи с ним, его это привело бы в бешенство. Он даже мог сам заявиться ко мне, чтобы выяснить отношения. У меня же от подобной перспективы мурашки пробегали по спине.

– Я с удовольствием останусь к ужину, мама, но ты не будешь возражать, если я приеду немного пораньше? Мне нужно поговорить с тобой.

– У нас появился повод что-то отпраздновать? – воскликнула она.

– Нет.

– Ах, вот как? Ну, хорошо. Я дома во второй половине дня. Приезжай, жду тебя.

Я приехала в дом родителей вскоре после трех часов. Остановила машину на подъездной дорожке и несколько минут сидела, подготавливая себя к встрече. Отца с матерью я не видела с февраля, когда нас с Мэттом

пригласили, чтобы отметить отцовский день рождения. Тогда все прошло гладко, хотя мне всегда было труднее посещать их вместе с Мэттом. Приходилось прикладывать особые усилия, чтобы ничем не выдать свое состояние. В противном случае неизбежной стала бы его тревога за меня. Обычно после визита к ним я всегда старалась сразу отправиться поплавать в бассейн или выйти на пробежку, но в тот вечер мы вернулись домой поздно, и я чувствовала себя раздраженной.

Меня никогда не отличала любовь к посещениям дома родителей, свойственная многим людям. Помню, в университете в конце семестра студенты начинали предвкушать скорое свидание семьями. Сара, одна из моих лучших подруг, неизменно повторяла, что ей нигде так сладко не спалось, как в своей старой домашней постели. Я смотрела на нее в такие минуты и осознавала пропасть, разделявшую нас в этом смысле. Мне никогда не доводилось испытывать ничего подобного.

Еще ребенком, едва войдя в дом, я уже знала, кого застану и что там происходит. Эта рано развившаяся у меня способность вселяла в меня теперь уверенность, что именно Мэтт наносил в мой дом тайные визиты. Порой в молодости, если я входила в дом родителей никем не замеченная, то успевала услышать достаточно, чтобы так же незаметно и мгновенно уйти, отправляясь к Кэти, а позднее – к Джеймсу. Мать Кэти принимала за чистую монету мои наспех придуманные предлоги. Обычно я делала вид, будто о чем-то забыла сообщить Кэти, а если засиживалась допоздна, объясняла: мне предоставлена полная свобода возвращаться когда захочу. И она заботливо брала меня под свое крыло, заваривая для меня чай и заставляя хорошо поесть. Всегда звонила моей маме, прежде чем я уходила из их дома, и потребовалось много лет, чтобы я поняла: звонок становился предупреждением, что пора готовиться к моему возвращению. Хотя мне она не говорила ни о чем и, насколько я знаю, ничего не пыталась объяснять Кэти. Она любила повторять, что Кэти считает меня своей сестрой. Я почувствовала острый укол совести, вспомнив, как недавно швырнула в мусорную корзину приготовленный ею для меня торт.

В тот день, позвонив в дверь, я сразу поняла, что мама одна и все хорошо. На какое-то время. Она обняла меня, и я заметила изменение в ее внешности. Мама как будто сделалась меньше, чем прежде. Мы с ней всегда были одного роста, но я, конечно же, носила туфли на каблуках, а она встретила меня в домашних тапочках, но все равно я выглядела огромной на ее фоне. Ей только исполнилось шестьдесят. Это уж точно не могло стать следствием старческого одряхления.

Я привезла маме букет цветов и коробку шоколадных конфет. Перед

выездом из дома просмотрела свой мобильный телефон и заметила, что за последние несколько месяцев накопилось множество звонков от нее, на которые я не ответила, и голосовых сообщений. Я понимала, насколько плохо обращалась с матерью. Она наверняка хотела бы, чтобы дочь обратилась к ней за поддержкой, как только Мэтт бросил меня, но я чувствовала себя слишком униженной для этого. Что можно было подумать обо мне, если мужчина оставил меня подобным образом?

Моя мама... Не знаю почему, но я всегда считала ее слабохарактерной. У нее не было собственного мнения. Прежде чем сказать что-нибудь, она обязательно смотрела на отца, ища у него одобрения, и, если он с ней не соглашался, даже не пыталась отстаивать свою точку зрения. Это доводило меня до бешенства по мере моего взросления, когда мать обязана была защитить меня и себя, но лишь отмалчивалась. Едва ли она могла послужить для своей дочери образцом для подражания.

А с отцом нас связывала только свойственная обоим любовь к работе. Но поговорить с ним доверительно я даже не пыталась. Знала: если попробую, все закончится слезами. Моими слезами, разумеется.

Вот и сейчас, стоило маме обнять меня, как я заплакала. И ничего не смогла с собой поделать. Шок и растерянность, одиночество после ухода Мэтта – все это сразу выплеснулось, как только она прижала меня к себе.

И сразу стало ясно, что мои слезы ее обескуражили. Она не видела меня такой много лет, со времен моей ранней юности. Но даже тогда я плакала, чаще всего спрятавшись от всех, и терпеть не могла, чтобы меня заставляли в слезах.

– Присаживайся, милая, – сказала мама, подводя меня к дивану в гостиной.

В камине ярко горели дрова, несмотря на теплый день, и внезапно я почувствовала, что именно это мне сейчас и нужно. Мне так долго было холодно. Стало казаться, что страх, пережитый мной с исчезновением Мэтта, превратился в нечто вполне материальное, в какую-то глыбу льда, с каждым днем разраставшуюся внутри меня. Сначала я ощутила ее у себя в желудке, но теперь она уже поднялась до груди, и порой казалось, что уже мешает мне нормально дышать.

Мама приготовила для меня кружку горячего шоколада и поставила на стол блюдо с бисквитами.

– Ты очень похудела, – заметила она. – С тобой все в порядке?

Было ясно без слов, что со мной далеко не все в порядке. Иначе отчего бы я разразилась плачем прямо у нее на пороге? Но у мамы хватало такта дать мне время и выслушать мой рассказ, когда я смогу говорить спокойно.

Я вытерла слезы с лица бумажными носовыми платками и улыбнулась ей.

– Мэтт бросил меня, – сказала я и опять заплакала.

Мама присела рядом со мной, поставила кружку на журнальный столик и снова обняла меня. Я немного успокоилась. Почему раньше я не разрешала ей обнимать себя? Она не делала этого уже много лет.

– Ты справишься с этим, – промолвила мама, и мне захотелось поверить ей.

Я пила горячий шоколад и рассказывала о том, что произошло. Как приехала домой и обнаружила его отсутствие, уничтожение им всех воспоминаний о годах, которые мы провели вместе. Мама сидела молча, внимательно слушая мою грустную историю.

– Что ж, – наконец произнесла она, – похоже, между вами все кончено.

– Но я хочу найти его! – воскликнула я. – Мне необходимо поговорить с ним!

– Знаю, что тебе этого хочется, но Мэтт принял окончательное решение. Очень жаль, дорогая моя. Мне ведь он нравился, как и тебе, насколько я могла видеть, но ты не можешь насильно заставить кого-то жить с тобой. И если он не вернется добровольно, то ты ничего хорошего не добьешься. Верно я рассуждаю?

– Но у меня такое впечатление, что Мэтт хотел бы вернуться, – заметила я и рассказала о сообщении «Я дома».

– И он оказался дома?

Я покачала головой.

– Нет. Я все осмотрела.

Мама поморщилась, услышав это, и я поняла, что перед ее мысленным взором нарисовалась картина, как я мечусь по всему дому, выкрикивая его имя.

– Могу я взглянуть на его сообщение?

Я достала из сумки телефон и протянула ей.

– Что это за номер? Он... принадлежит Мэтту?

– Нет. Это не его прежний номер, – признала я. – Ты же слышала: он удалил всю информацию о себе из моего мобильного телефона. Но у Джеймса старый номер сохранился. Я звонила по прежнему номеру, но он больше не обслуживается. Разумно предположить, что теперь у него появился другой.

– А ты звонила по этому номеру?

Я кивнула:

– Да, звонила, но там лишь раздаются гудки. Никто не отвечает на вызов. А еще я послала ему пару текстов. – Я не стала говорить маме, что

отправляла сообщения одно за другим всю ночь.

Мы немного посидели молча. Я собралась рассказать ей и про цветы, но после того, как на это прореагировала Кэти, мне вовсе не хотелось снова слышать те же слова. У меня по-прежнему возникало ощущение, будто я схожу с ума, когда вспоминала об этом.

– А почему Мэтт ушел? – вдруг спросила мама. – Вы с ним стали часто ссориться?

– Что ж, иногда между нами возникали размолвки. А у кого их не бывает? Но я даже не подозревала, что Мэтт может взять и уйти от меня. Вечером накануне его исчезновения все было прекрасно. Он сам наполнил для меня ванну и принес бокал вина. – Слезы опять хлынули из моих глаз. – А уже следующим вечером, когда я вернулась домой, вещей Мэтта не было.

Мама снова обняла меня и тихо проговорила:

– Хорошо бы все-таки выяснить, почему он так поступил.

Я немного успокоилась, и мама заставила меня сесть рядом с собой и посмотреть по телевизору фильм.

– Не будешь же ты предаваться печали целый день? – сказала она. – Нужно как-то отвлечься от грустных мыслей. Если не выкинуть их из головы хотя бы на время, так и сойти с ума недолго.

Я действительно была на грани помешательства.

Мы стали смотреть «Красотку» в миллионный, наверное, раз. Мама была права, мне действительно необходимо отвлечься от постоянных мыслей о Мэтте. А это было как раз то занятие, которому мы с мамой в прошлом часто предавались: сидели и смотрели телевизор, пока отца не было дома. Но как только замечали свет фар его машины на подъездной дорожке, сразу срывались с места. Задолго до его прибытия домой мы делали все, чтобы кухня выглядела безупречно чистой, а гостиная – опрятной и уютной. Все должно было лежать на своих местах. Моей задачей в такой момент становилось быстро взбить и оправить диванные подушки. В мамины обязанности входило приготовить для отца вкусный ужин, хотя он обычно либо опаздывал, либо вообще отказывался есть. А поскольку точного времени его появления мы никогда не знали, то расслабиться даже ненадолго было нельзя.

В тот день мы снова сидели рядом на диване, но я больше смотрела на маму, а не на экран телевизора. Да, она никогда не была по-настоящему сильной женщиной, и я помнила, как неоднократно ставила ей это в вину. Достаточно внешне привлекательная, мама отличалась худобой, а лицо выглядело озабоченным, даже когда для тревоги не существовало ни

малейших причин. Постоянно настороже. Причем я и сама не раз испытывала такое же ощущение. Я поставила фильм на «паузу», когда она направилась в кухню, чтобы проверить ножку ягненка, которую запекала к ужину. Захотелось ей помочь. Когда мама шла к плите, я вдруг заметила, что она хромает.

Я зажмурила глаза, охваченная знакомым чувством страха за нее.

А мне-то казалось, что подобные инциденты остались в прошлом.

Но я ничего не сказала. Как никогда ничего не говорила в такие моменты.

Отец приехал домой на полчаса раньше. Ровно в шесть часов. И хотя я уже многие годы не жила тут, все равно нервно отреагировала на звук ключа, проворачивавшегося в замке входной двери. У меня участился пульс, и на секунду в ушах послышался привычный звон. Отцу понадобилось время, чтобы выйти из холла. Он знал, что я здесь, поскольку заметил мою машину перед домом, но не окликнул меня. Мы с мамой сидели неподвижно. Отец появился на пороге кухни и встал в дверном проеме, глядя на меня.

Увидев его, я поняла, что для меня вечер не обойдется без неприятностей, и, судя по внезапному волнению матери, стало ясно – она тоже ожидает чего-то. Мы с ней одновременно словно обрели повышенную чувствительность и пытались вовремя настроиться на возникавшую ситуацию. Кстати, мне всегда казалось, что отец обладал такой же способностью.

Он с нами даже не поздоровался, сказав только:

– Надеюсь, ужин готов?

Отец постарался подловить маму на нерадивости, застать врасплох. И потому нарочно приехал за полчаса до объявленного времени, уверенный, что его заставят дожидаться ужина. Но мама отлично знала все его трюки и потому неизменно оказывалась на шаг впереди него. И тем не менее на ее лице отчетливо читалось облегчение, когда она произнесла:

– Разумеется, ужин готов, дорогой.

Она налила отцу бокал вина и достала ногу ягненка из духовки. Мы с ней накрывали на стол, пока он мыл руки. Ни она, ни я даже не смотрели друг на друга, настолько спешили все идеально подготовить к моменту его возвращения.

– У меня сегодня состоялся один весьма интересный разговор, – промолвил отец, лично нарезав мясо на порции.

Я замерла, заметив встревоженный взгляд мамы, брошенный на меня.

– Случайно столкнулся с матерью Кэти. Помнишь Кэти, свою давнюю подружку?

– Разумеется, я ее помню, – ответила я. – Мы и сейчас с ней встречаемся пару раз в неделю.

Мама побледнела и глазами умоляла меня помолчать.

– Так вот, она мне сообщила, что, как ей стало известно, кого-то мы скоро будем поздравлять.

Я отложила в сторону нож и вилку. На меня накатил сильный приступ тошноты.

– Поздравлять? – тихо повторила я.

– Да, – кивнул отец. – Конечно, по ее мнению, настоящий позор, что Мэтт бросил тебя. – Он покосился на маму. – Ты знала об этом?

В тот момент я бы надавала пощечин и Кэти, и ее матери.

– Я только что ей обо всем рассказала! – воскликнула я. – Специально приехала для этого.

Но отец явно не верил ни одному моему слову.

– А затем мать Кэти добавила, как тяжело тебе будет одной с ребенком на руках, но она уверена, что ты справишься.

Теперь единственными звуками, раздававшимися в кухне, стали стук ножа и вилки отца по тарелке, когда отец измельчал мясо и отправлял кусочки в рот. Я опустила голову, стараясь не смотреть на маму. Любой знак внимания к ней с моей стороны был бы воспринят отцом как вызов.

– С каким ребенком? – спросила мама. – У тебя будет ребеночек, Ханна?

Меня охватила злость. Окажись Кэти в этот момент передо мной, даже не представляю, что я бы с ней сделала. Ведь знала же! Нельзя было рассказывать ей о своей беременности! Я переводила взгляд с матери на отца.

– Нет! – воскликнула я. – Никакого ребеночка не будет.

Воцарилось напряжение. Но нужно было продолжать разговор. Так получалось всегда. Тягостное молчание заставляло меня становиться разговорчивой, и я не могла прерваться, пока с головой не выдавала себя. Руки я положила на бедра и сжала так, что ногти впились в ладони.

– Я только подумала, что беременна, – заявила я. – Когда Мэтт ушел. От страха и расстройства меня стало часто тошнить. Вот и решила, что это беременность. Но на самом деле это не так.

Отец продолжал есть как ни в чем не бывало, не глядя на меня, не обращая внимания на маму.

– Она, видимо, все неправильно поняла, – в отчаянии добавила я. – Ты

же ее знаешь. Она слегка туповата. – Я даже попыталась рассмеяться. – Ты ведь сам часто называл ее дурочкой, помнишь?

– Но если ты все же беременна, – медленно и отчетливо произнес он, – то у нас возникнут большие проблемы, не так ли?

Мама внимательно смотрела на меня, опустив плечи. В ее глазах мелькал страх.

– Я вовсе не беременна, папа, – процедила я. – Посмотри на меня. – Я встала и оправила на животе платье. – Я выгляжу беременной женщиной?

Мама робко вмешалась:

– Нет, милая, ты не...

Но злой взгляд отца заставил ее замолчать.

– Мне хорошо запомнилось, как это было в прошлый раз, – сказал он, покончив с трапезой. Потом так резко отодвинул стул, что заставил нас с мамой вздрогнуть. – Тогда ты опозорила нас.

Я знала, что отец ничего не забыл и не простил. Ни о чем не упоминал долгие годы. Но ему это и не требовалось.

Он взял бокал и отпил вина. Я заметила, как отец сжал стекло, как побелели костяшки его пальцев, но глаза оставались спокойными. Знакомая картина. Он встретился со мной взглядом, и его голос прозвучал почти равнодушно, хотя все равно звучал предостережением:

– Значит, ты потеряла ребенка?

Что ж, можно прибегнуть и к такому выражению.

И хотя мы с мамой уже были готовы ко всему, взрыв его гнева поверг нас в шок. Отец бросил свой бокал на стол, и мы обе невольно подались вперед.

– Я больше не потерплю ничего подобного! – закричал он.

На мгновение мы с мамой застыли, а потом засуетились в попытке уладить положение. Мама схватила тряпку и принялась вытирать со стола вино. Говорить она больше не осмеливалась, не решаясь произносить банальные успокаивающие фразы, опасаясь лишь усугубить ими злобу отца. Все ее мысли легко читались на лице – я видела это уже многократно. Она убрала со стола тарелки и стала вставлять их в посудомоечную машину, но вдруг положила ладонь на мою руку, а потом движением головы указала в сторону стоявшей во дворе машины.

Повторять намек ей уже не пришлось. Я и сама стремилась убраться отсюда как можно скорее. Когда я заговорила, они находились ко мне спинами: мама склонилась к посудомойке, а отец неподвижно сидел на стуле.

– Спасибо за превосходный ужин, мамочка. Но мне пора. Взяла работу

на дом. – Работа оставалась последним доводом, который мой отец еще мог воспринимать нормально. – Да, папа, мы с Мэттом расстались. Он уехал, пока я находилась на конференции. А сегодня я приехала сюда, чтобы рассказать об этом вам обоим. Маме известны подробности, и она поделится ими с тобой. – Я со стыдом почувствовала, как бормочу нечто невнятное. – Но вот ребенок не должен тебя беспокоить. В прошлый раз я дала обещание, что заведу его только в браке. Мать Кэти что-то не так поняла, вот и все.

Я схватила свою сумку и направилась к двери.

– До скорой встречи, милая, – сказала мама, успев все же поцеловать меня на прощание.

Ее лицо оставалось бледным и напряженным.

– Не подведи свою маму, уж сделай милость, – напутствовал меня отец.

И я знала, что он имеет в виду на сей раз.

Глава 38

Вернувшись домой, я сразу легла в постель, хотя не было еще восьми часов. Все вспоминала реакцию отца на мои новости. Я даже боялась представить, что происходит сейчас между ним и мамой. Знала только одно: маме придется несладко! Он не поверит, что она ничего не знала.

Еще в раннем детстве я приобрела почти потусторонний дар к острому пониманию и восприятию атмосферы в любом доме. Однажды, будучи студенткой университета, сидела в пабе со своей подругой Сарой, как вдруг схватила ее за руку и вытащила на улицу за несколько секунд до того, как начался сильный пожар. Она потом спросила, как я узнала о несчастье заранее. Ведь не было ни криков об опасности, ни задымления, ни предупреждений. А я не могла никак ей этого объяснить. Вернее, могла, но не хотела.

Был еще один характерный случай. Мы с Мэттом отправились в ливерпульский бар «Эвриман», и там возникла шумная ссора между молодой парой. Я знала, что это подстроено. Но посетители испугались за них и хотели вмешаться. Я же сказала Мэтту: «Не дергайся. Они всего лишь разыгрывают спектакль». А буквально через пару минут появился управляющий и велел вышвырнуть тех двоих на улицу, пояснив, что это всего лишь студенты театральной школы, выполнявшие таким образом сценическое задание. Для Мэтта осталось непостижимым, как я это поняла, поскольку он сам поверил в достоверность происходившего.

Я тоже не могла прямо сказать ему, что мне хорошо знакомо чувство страха. Я знала, когда насилие становилось реальной угрозой. Чувствовала мурашки по телу, холодный пот, резкое учащение сердцебиения. Те студенты играли свои роли превосходно, но меня они в заблуждение не ввели.

Оставив включенным только фонарь над входной дверью, я разделась в своей темной комнате. Почистила зубы и забралась в холодную постель, лежа на боку, лицом к окну, как делала всегда, пока Мэтт находился рядом. Но сейчас наступил редкий момент, когда я думала не о Мэтте. Все мои мысли занимали слова отца.

Для большинства родителей ребенок в семье – источник радости. Я знала, что это справедливо, если говорить о моей матери, но с отцом все обстояло иначе. В своем мирке он был важной фигурой. Владел собственной компанией, давая работу нескольким сотням людей, но суть

дела заключалась даже не столько в этом. В его сознании все, что делала его семья, как она выглядела со стороны и о чем в ней велись разговоры, рельефно отображалось на нем самом. А потому, если у меня на работе дела шли хорошо, у него возникало ощущение, будто и его звезда поднимается выше на небосклоне. Нет, он не начинал уделять мне больше времени – отец не всегда отвечал на мои звонки, а сообщения от него поступали редко, но окружавшая его аура становилась благодатной. Для него мой успех был важен. Мои достижения становились дополнительным признаком, что у него самого все отлично. Но стоило оступиться, как менялось и отношение отца ко мне.

Больше всего он опасался, что либо мама, либо я совершим нечто, выставяющее его в дурном свете. Нам же с ней следовало научиться держаться друг друга, поскольку мы обе умели заметить нюансы, приводившие в конце концов к беде. Но почему-то только сегодня я почувствовала, до какой степени в унисон мы с ней существуем, впервые ощутила порыв защитить ее. Она же всегда заступалась за меня, и теперь мне было стыдно, что я считала ее слабой.

Я снова вздрогнула, представив, какой станет для нее сегодняшняя ночь, сколько неприятных вопросов и оскорблений ей придется вынести. Теперь, когда мать Кэти проговорила отцу, что я беременна, он во всем обвинит маму, как поставил ей в вину случившееся много лет назад.

Но тогда все обстояло иначе. Мой возлюбленный никуда не собирался бежать. Он хотел жениться на мне, несмотря на наш юный возраст. Но мой отец... Он и слышать не желал об этом. Я оказалась в больнице быстрее, чем смогла бы произнести «я согласна», и в течение короткого времени проблема была решена. И с тех пор о ней никто не заговаривал вслух. Не было необходимости.

Мне не следовало ездить к родителям сегодня. Да, я сделала это в момент слабости, надеясь получить у мамы утешение, но цена его оказалась слишком дорогой.

Я отправила Кэти сообщение:

Пожалуйста, скажи своей матери, чтобы она не рассказывала всем подряд о моей беременности.

Ответ пришел немедленно:

Прости, наверное, она подслушала, как я разговаривала с Джеймсом. Надеюсь, у тебя не возникло из-за этого неприятностей.

Она ничего не понимала. Она никогда ничего не могла понять.

На работе я старалась сосредоточиться, но это было очень трудно. Я чувствовала, как пошатнулись наши отношения с Кэти. Она по-прежнему каждый день присылала мне сообщения, интересуясь моим самочувствием, но я знала, какого ответа она упорно добивалась. Ей хотелось выяснить, что я уже побывала у врача, чтобы организовать прерывание беременности, а затем начать поиски нового мужчины для совместной жизни.

До того, как Мэтт покинул меня, мне никогда не требовалась помощь Сэма в работе. Мы могли порой обмениваться какими-то идеями, но в целом трудились независимо друг от друга. Но вот в последнее время, стоило ему заглянуть ко мне просто поболтать, и я просила его перепроверить выполненное мной задание. И Сэм обнаруживал ошибки, каких я не допустила бы прежде. Я сидела с ним рядом, и меня бросало то в жар, то в холод от смущения, а он отметал в сторону все мои извинения и благодарности, заявляя, что ошибку допустить может любой, но при этом выглядел озабоченным, избегая смотреть мне в лицо.

Программу обеспечения безопасности для своего ноутбука я купила в тот же вечер, когда Джеймс рассказал мне о ней, но попытки установить ее довели меня в буквальном смысле до слез. Наверное, стресс не позволял мне даже следовать указаниям простейшей инструкции. На следующий вечер приехала Кэти и помогла проверить действие системы, пока я расположилась со своим айпадом в саду. Я могла видеть все, что происходило в гостиной, хотя качество изображения отставляло желать лучшего. Я поставила ноутбук на край дивана, и из кресла на лужайке наблюдала, как Кэти вошла в комнату и села. При этом она не переставала смеяться и помахала рукой, хотя, разумеется, не видела меня. Я попыталась проделать ту же операцию с помощью телефона, но его дисплей был слишком маленьким для хорошего обзора. Теперь следовало брать с собой айпад, куда бы я ни направлялась. У меня даже разболелась голова при мысли, сколько неудобств это мне доставит. Например, я не могла пользоваться устройством во время пробежек.

Итак, камера работала нормально, но следствием этого стала развившаяся у меня паранойя. Я опасалась упустить что-то, происходившее в моем доме. Понятно, что пользоваться айпадами в офисе не разрешалось, и я работала, разделив экран компьютера на две части. В левой располагалась выполняемая мной работа, а в правой я могла видеть интерьер собственного жилища. К счастью, монитор стоял так, что никто

из входивших в дверь кабинета не видел, чем я занимаюсь. Я знала, что обязательно должен сначала поступить звуковой сигнал, если в доме улавливались звуки или движение, но я не могла заставить себя полностью довериться программе. С моей точки зрения, она стоила слишком дешево, чтобы быть по-настоящему надежной. А потому твердо зная, что ко мне в дом никто не проник, я могла только при наличии изображения, присутствующего постоянно у меня на глазах.

Я стала допускать больше ошибок, в том числе и потому, что часто подолгу не отрывалась от правой части монитора. И в мыслях тоже царил хаос. Я лишилась способности мгновенно запоминать цифры, содержание электронных писем или докладов. И это при том, что я всегда гордилась умением отключиться от всего постороннего на время поиска решения задачи, вот только сейчас я этот талант полностью утратила. Как только я бралась за дело, мой взгляд помимо воли перемещался в сторону, чтобы еще раз проверить, нет ли каких изменений в доме. Это сильно утомляло. Возникало ощущение постоянной повышенной готовности к неожиданным событиям, и мой пульс учащался, как только доносился малейший шум.

Программа предоставляла мне выбор. Она могла автоматически включаться на запись при любом звуке или движении. Или я должна была постоянно сама вести наблюдение. И я предпочитала непрерывное наблюдение. Мне важно было застать его сразу и видеть сам по себе момент проникновения, зная, что как раз сейчас Мэтт находится там. Не хотелось полагаться на срабатывание системы, которая всего лишь запишет, как он издаст какой-то произвольный звук. А если Мэтт его не издаст вообще? Если сумеет прокрасться мимо объектива камеры?

И, конечно же, я не могла следить за дисплеем во время поездок на работу и обратно. Значит, Мэтт мог войти в дом сразу после моего отъезда, а я бы не увидела этого. В пути приходилось делать частые остановки для проверки записи айпада в надежде засечь нужное мгновение. Я понимала, насколько неразумно веду себя. Перегибаю палку. Если бы Мэтт пробрался в дом, я бы ничего не смогла предпринять. Даже быстро вернувшись, я бы уже не застала его у себя. Стресс, вызванный необходимостью постоянно следить за монитором, и постоянное опасение что-то упустить даже во время краткой отлучки в туалет становились невыносимыми. Если приходилось уйти на десять минут, я уже не могла знать, случилось ли что-нибудь за это время. А при перематке изображения и воспроизведении пропущенных десяти минут рисковала упустить нечто, происшедшее в реальном времени. И выхода из этого замкнутого круга не было.

В то утро я получила электронное письмо с напоминанием о встрече

со своим начальником. Меня сжигал стыд. Прежде никто и не подумал бы отправлять мне подобное послание. И тот факт, что он сделал это, давал оценку моей работе в последнее время. Возникла отнюдь не мелкая проблема. Я могла прочесть что-то, запомнить это, но как только взгляд перемещался на изображение гостини, все мгновенно забывала. Однако электронное письмо было составлено так, что забыть о нем было нельзя. Джордж писал, что на встрече будет присутствовать Алекс Хьюз. Тот самый старший партнер из руководства фирмы, который высоко оценил мою работу в разговоре, состоявшемся в Оксфорде пару месяцев назад.

Я мысленно вернулась к той беседе, когда он и Оливер Саттон заявили, что я добилась исключительных успехов, а потому оба надеялись на мое скорое назначение на пост директора отдела, и у меня сжалось сердце.

В дверях моего кабинета появился Сэм. Я жестом пригласила его войти и закрыть за собой дверь.

– Что происходит? – спросил он.

– На моей встрече с Джорджем ожидается присутствие Алекса Хьюза. – Мои глаза наполнились слезами. – Он будет очень зол на меня!

Сэм положил руку мне на плечо, но тут же раздался стук в дверь, и показалась Линда, секретарь Джорджа. Она на секунду задержалась при входе, словно пыталась оценить обстановку. Со стороны могло показаться, будто мы с Сэмом вели себя как любовники во время мимолетного свидания на работе. Причем между нами произошла ссора, поскольку в моих глазах стояли слезы, а он утешал меня, обняв за плечо. Я отстранилась от Сэма, но поздно.

– Алекс Хьюз заглянет на вашу встречу в двенадцать, Ханна, – произнесла Линда, игнорируя присутствие Сэма. – Постарайтесь не опаздывать, пожалуйста.

– Об этом не стоит беспокоиться, – сказала я.

Она кивнула и удалилась.

Глава 39

Когда я добралась до совещательной комнаты на верхнем этаже, начальство уже находилось там. Причем Алекс Хьюз встал при моем появлении.

– Здравствуйте, Ханна, – проговорил он, но в его голосе уже не ощущалось той теплоты, с которой он беседовал со мной в Оксфорде. Он стоял по другую сторону стола и явно не собирался выйти навстречу, чтобы пожать мне руку. – Как поживаете?

Я не знала, как ответить. Хотел ли Алекс Хьюз услышать правду? Я осторожно присела на край стула.

– Хорошо, спасибо. А как вы?

– Как никогда отлично, – произнес он, а потом посмотрел на лежавшие перед ним документы, и голос его прозвучал сурово: – Или, по крайней мере, так все обстояло, пока я не ознакомился вот с этим.

Я пыталась разглядеть, что за бумаги Алекс держит перед собой, но для меня они лежали перевернутыми, и его тень падала на них. Я покосилась на Джорджа, но он старался не смотреть мне в лицо. Стало ясно, что сегодня на его поддержку рассчитывать не следует. Алекс протянул мне один из листов. Я постаралась прочитать текст, но слова расплывались передо мной.

– Это список компаний, за проверку бухгалтерской отчетности которых к определенным срокам вы отвечали в последнем квартале, – пояснил он. – Три аналитические записки из восьми не были закончены вами вовремя.

Я начала оправдываться. Мне дали слишком жесткие сроки. Я была перегружена работой.

– Все ваши коллеги справились в точно такие же сроки, – заметил Алекс. – Еще полгода назад вы бы завершили подобные задания с месячным запасом.

Я покраснела, понимая, что он прав. Он снял очки и посмотрел на меня.

– Вы же знаете, Ханна, что это один из фундаментальных принципов нашей деятельности. Все три компании будут теперь оштрафованы, и штрафы придется взять на себя нам, если мы не хотим потерять важных клиентов. И я не удивлюсь, узнав, что они уже решили обратиться к услугам других фирм. Вы это тоже не можете не понимать. Думаю, этот

принцип стал первым, что вы усвоили, приступив к работе у нас.

Джордж кивал головой в стремлении дистанцироваться от меня.

– Так оно и было, Алекс.

Но тот теперь уже резко обратился к нему:

– Я напомним на совещании совета директоров ваши слова о том, что, как вы считаете, Ханна не нуждается в постоянном наблюдении, как и о вашем недавнем продолжительном отпуске. Но прежде мы встретимся отдельно и обсудим вашу роль в случившемся. А с этого момента я хочу от вас неустанного наблюдения за сроками исполнения заданий всеми вашими сотрудниками. Я ясно выразился?

Джордж покраснел и снова кивнул.

– С какими компаниями произошла задержка? – спросила я.

– Сейчас взгляну. – Он просмотрел список. – С компанией «Джонстаун» – они до сих пор ничего от нас не получили. Боюсь, они станут первыми, кто откажется от сотрудничества с нами.

– Но я закончила это задание в тот день, когда вы уезжали в отпуск! – воскликнула я. – Отлично помню, как отправила отчет по электронной почте Люси для окончательной вычитки и отправки. Велела ей непременно переслать копию вам. У нее было достаточно времени, чтобы сделать это.

– Я разговаривал с ней сегодня, – сказал Джордж. – Она утверждает, что ничего не получала.

– Что?

– И вот еще. Компания «Пауэллс». Анализ оказался неполным, когда вы прислали им его.

– Я бы никогда не отправила незавершенный документ!

– А они утверждают, что он обрывается на восьмой странице.

– Нет, здесь какое-то недоразумение. Я полностью написала текст. И вообще, не в моих правилах отправлять работу, которая не доведена до конца. Я всегда все тщательно проверяю.

– На первой странице было написано «Версия I», – произнес Джордж. – Сколько всего версий вы подготовили?

У меня голова пошла кругом. Я действительно не помнила, отправила ли Люси окончательный вариант.

Джордж теперь тоже говорил со мной холодно и почти враждебно. Я знала: он наверняка уже проверил финальный вариант под номером четыре, но, в конечном счете, именно ему приходилось отвечать за то, что отправлена была неполная версия анализа.

– Прежде вы тщательно все проверяли, – сказал он. – Почему я и решил полностью вам довериться. Но в последнее время, Ханна, дела у вас

пошли... вкривь и вкось, ваша работа стала совершенно неудовлетворительной.

– Причем, насколько я установил, пострадало не только качество вашей работы, – заметил Алекс. – Ваше поведение стало непрофессиональным. Вам уже вынесли устный выговор, но вы даже не попытались восстановить свою репутацию упорным трудом. Постоянно опаздываете и слишком рано уезжаете из офиса. Вас видели плачущей в своем кабинете. И не далее как сегодня вас застали в объятиях одного из коллег.

– Что?

– Понимаю. Вы переживаете сложный период. До меня дошли слухи о том, что вы расстались со своим прежним мужчиной.

Мой мозг словно пронзила молния. От кого Алекс мог услышать об этом?

– Но все это не отменяет базовых основ вашей деятельности, ниже которых вы не имеете права опускаться при любых обстоятельствах. Мы занимаемся важными делами, Ханна. И обязаны выполнять свою работу на высочайшем уровне.

Уязвленная его словами, я произнесла:

– Мною были своевременно переданы Люси для отправки упомянутые вами документы. Анализ по компании «Пауэллс» я завершила и перепроверила. Как и бумаги для «Джонстауна». У Люси было достаточно времени на их вычитку и отправку. – Я протянула руку к списку. – О каком третьем случае идет речь? О НРС? И это тоже определенно Люси получила вовремя.

Мужчины переглянулись. На лицах отобразилось холодное и неприязненное выражение. Они явно ожидали от меня чего-то подобного.

– Люси утверждает, что не получала от вас и этой работы. Вы проставляли даты по завершении подготовки анализов? Вы действительно отправили все ей?

– Да, конечно!

Я уже не могла ни в чем быть уверена, но сейчас мне важнее всего было поскорее закончить встречу. В небольшой комнате царило невыносимое напряжение, и терпеть его я дольше уже не могла. Если бы задержалась, то начала бы рыдать или кричать.

– Дайте мне десять минут, – сказала я, – чтобы я предоставила вам доказательства.

Алекс пожал плечами:

– Хорошо.

Я встала, отодвинув в сторону стул.

– Спасибо. Я вас не задержу.

Стремительно сбегав вниз по ступеням лестницы, я прошла вдоль коридора к своему кабинету. Люси не оказалось на месте, и я не сомневалась, что ушла она специально. Мой компьютер автоматически отключился.

– Давай! Давай же! – Я в нетерпении выстукивала пальцами дробь по монитору, пока он не ожил и не засветился вновь.

Сделала попытку войти в систему, но перед глазами плыл туман, и я только с третьего раза сумела ввести правильный пароль. Открыла свой почтовый ящик и в разделе отправленных писем принялась просматривать те, что посылала на адрес Люси. Казалось, их тысячи, а дат я теперь не помнила. Просто листала список сверху вниз. Но потом вдруг замерла, заметив краем глаза нечто необычное.

Я тяжело опустилась в кресло. В нижнем углу монитора появилась надпись: «Внимание! Замечено движение!» В правой части монитора я могла видеть свою гостиную. Но заметить успела немного. Лишь как закрывалась дверь комнаты. Но я ведь сама закрыла ее сегодня утром!

Я молча глядела в экран, но больше ничего не происходило. Нажала на перемотку и повторное воспроизведение. Это заняло всего пару секунд. Дверь гостиной открылась на пару дюймов, и я увидела смутную тень на стене. Затем дверь закрылась.

Я повторяла запись снова и снова. Забыла о письмах, отправленных Люси, о незаконченных аналитических справках. Я лишь смотрела на то, как дверь моей гостиной открывается и закрывается, открывается и закрывается, пока не возникло ощущения, что у меня сейчас расплавится мозг.

Я встала. И тогда заметила нужные мне письма, напоминавшие, чем мне сейчас следует заняться в первую очередь. Но я покачала головой. Ничего, это подождет.

Я проверила в сумке, на месте ли ключи, и буквально сорвала свой жакет с вешалки.

Все, решила я. Мэтт не посмеет больше проникать ко мне в дом, пытаюсь свести меня с ума. Мне нужно скорее вернуться, застать его там, поговорить с ним. Узнать, почему он ушел. И не только это. Почему Мэтт упорно возвращается?

Глава 40

Но когда я добралась до дома, то не заметила вообще никаких признаков, что там кто-то побывал.

Я припарковалась за углом, чтобы приблизиться к входу незаметно, хотя все равно вошла через заднюю дверь, двигаясь на цыпочках. Мне хотелось застать Мэтта врасплох. В кухне все оставалось так, как было утром, когда я уезжала. Стикеры с записями виднелись повсюду на кухонной мебели и на «островке», что тоже стало привычным, хотя мне не нравилась мысль, что Мэтт все это читал. Медленно я повернула ручку двери и украдкой выглянула в холл. Повсюду царила тишина, и я знала, чувствовала, что сейчас в доме никого нет. И все же я прокралась к гостиной, бросив быстрый взгляд на лестницу. Открыв дверь, увидела, что мой ноутбук стоял в том же положении на диване. Но как только я собралась войти в комнату, вспомнила, что система безопасности начнет посылать сигналы тревоги на мой рабочий компьютер, и потому закрыла дверь. Мне стало дурно от того, что кто-то сможет увидеть меня дома, тогда как предполагалось мое присутствие на встрече с руководством. Я встала спиной к двери, прикрыв глаза и стараясь успокоиться.

Затем я посмотрела в сторону лестницы. Медленно и бесшумно стала подниматься по ступеням, крепко держась за перила, чтобы унять дрожь в теле. Наверху тоже никого не было. Спальня выглядела такой же, как утром, с моими туфлями, разбросанными по полу, и с грязной одеждой, свисавшей со спинки кресла. Я представила, как Мэтт смотрел на все это, особенно после моих нотаций в последние два года, всех призывов стать более чистоплотным и аккуратным.

Честно говоря, я предполагала, что он все же предупредит меня как-то, прежде чем вернуться домой. Позвонит с извинениями или пришлет мне в офис электронное письмо с просьбой о предварительной встрече. И потому мне было особенно неприятно знать о его тайных визитах в мое отсутствие. Я шумно вздохнула, но тут же испугалась, что звук уловит портативный компьютер внизу. Заглянула в ванную. Полотенца, которые я не меняла три недели, валялись в углу. Шторка для душа была грязной, и едва ли нашлась бы хоть одна бутылочка с шампунем или гелем, закрытая пробкой. Не в силах больше разглядывать этот чудовищный беспорядок, я проверила на предмет вторжения гостевую комнату и общую ванную, а потом снова спустилась на первый этаж. Затем с облегчением вспомнила, что настало

время, когда мой компьютер на работе должен был автоматически отключиться. Я вошла в гостиную, села на диван и принялась просматривать записи, сделанные веб-камерой с момента, когда я утром покинула дом. Я сидела и смотрела на дисплей, изображение на котором поначалу заливали лучи утреннего солнца, а потом экран потемнел, когда сгустились тучи. У меня возникло желание включить ускоренное воспроизведение, но я не сделала этого из опасения не заметить что-нибудь важное. Потом повторила запись еще раз. Не хотелось упустить ни единой подробности.

Когда же в моей сумочке раздался сигнал вызова, я вздрогнула. Нажав на паузу в ноутбуке, взялась за сумку. Сообщение на мобильный телефон пришло от Сэма, и понятно, что ничего хорошего ожидать не следовало. «Ханна, где же ты? Я сам только что вернулся с совещания и слышал, что Джордж и Алекс разыскивают тебя». Я выронила трубку на журнальный столик. Они ищут меня! Что же я натворила! Мне никогда не простят подобного проступка.

С силой нажав кнопку отключения компьютера, я обхватила голову руками. Они решат, что я окончательно сошла с ума. Мои шансы получить повышение равнялись теперь нулю, уж это точно. Я вспомнила свое радостное возбуждение в тот день, когда вернулась домой, чтобы сообщить Мэтту о возможном назначении на должность директора. Своим уходом он поставил крест на моем будущем.

Внезапно я почувствовала отвращение ко всему. К Мэтту, к работе, к самой себе. Я принялась расхаживать по комнате, размышляя, что делать теперь. Ясно было одно: вернуться на работу я сегодня уже не могла. Я ушла из конторы в половине первого, а сейчас было около трех часов. Нельзя просто опять появиться там, сделав вид, будто ничего не случилось. Да и пустят ли меня вообще? Я представила, как на входе охранник останавливает меня, и вздрогнула. Однажды, когда я только начала работать, мне довелось наблюдать, как какого-то мужчину выводили из здания. У него потемнело лицо, покрывшись крупными каплями пота. Помню, я даже испугалась, что его хватит удар. Позднее я узнала, что его поймали на подтасовке данных в отчетности и вышвырнули на улицу. Но особенно поразило меня равнодушие к происходившему со стороны других сотрудников фирмы, в буквальном смысле отвернувшихся от него. Лишь женщина, непосредственно работавшая с ним, заплакала, но Джордж шепнул мне, что именно она и разоблачила коллегу.

Я вернулась в кухню, чтобы снова просмотреть свои записи. Они попадались на каждом шагу, и мне нравилось перекладывать их с места на

место. Они помогали мне размышлять и пытаться обнаружить связи между отдельными происшествиями. Но сейчас возникло ощущение полного и окончательного поражения, словно я упускала из рук все, что когда-то было мне так дорого. Я лишилась возлюбленного, сомневалась в возможности сохранить работу после сегодняшних событий, а если останусь без работы, как смогу оплачивать счета? Я внесла некоторую сумму вперед, но если придется оставаться безработной продолжительное время, не обойтись без обращения за деньгами к отцу, а он захочет узнать, почему они мне понадобились. Обруч, стискивавший мою голову весь день, стал еще туже при мысли, как я объявлю ему о своем увольнении.

Я открыла холодильник и достала бутылку вина. Мне необходимо было сейчас немного выпить. Я подошла к буфету, чтобы взять бокал, и замерла. Там всегда стояла пара изящных бокалов работы дизайнера Веры Ванг. Я их купила к первой годовщине нашей с Мэттом совместной жизни. Мы пользовались ими только по особенно праздничным поводам, а в остальное время они рядом красовались на переднем плане за стеклом дверцы буфета.

Теперь один из них отсутствовал.

Значит, Мэтт все же приходил сюда и забрал свой бокал с собой. Но зачем он сделал это? Хотел сохранить что-то на память обо мне или уничтожить последнее мое воспоминание о себе?

Глава 41

Бутылку вина я поставила обратно на полку холодильника. Понимала, что сейчас мне ни в коем случае не стоит браться за спиртное даже в самых малых дозах. Конечно, бутылка выглядела соблазнительно, обещая расслабление и забвение, но мне уже по опыту была известна и обратная сторона медали. Я налила себе сок и села на мраморный «островок», вспоминая все, что происходило со мной. Собрала листочки с записями. Цветы, текстовые сообщения, видео. Запах туалетной воды Мэтта и горячий чайник, компакт-диски, конверт с кратким посланием, телефонный звонок, исчезнувший бокал. Я снова содрогнулась. Чего он хотел? Зачем ушел, если собирался поддерживать связь со мной подобным образом?

А что, если вовсе не Мэтт проникал в мой дом? Кто еще это мог быть? При мысли о незнакомце, имевшем доступ в мое жилище, сердце учащенно забилося, и у меня перехватило дыхание. Я закрыла глаза и занялась дыхательными упражнениями по методике своей бывшей преподавательницы. «Не имеет значения, дышишь ты глубоко или нет, – говорила она. – Просто сконцентрируйся. Давай же! Раз, два, три – и выдох. Раз, два, три – вдох». Сегодня, чтобы восстановить дыхание, мне потребовалось столько же времени, как в студенческие времена, а когда я закончила, то обнаружила, что покрылась холодным потом и у меня кружится голова.

Я включила радио. От нечего делать. Вернее, для того, чтобы хоть что-то заглушило черные, безнадежные мысли, продолжавшие свое беспрестанное мелькание у меня в голове. Через несколько минут я успокоилась, сумев поставить этим мыслям заслон в своем сознании.

Это мог быть только Мэтт. Единственное правдоподобное объяснение. Кто еще стал бы проделывать такое? Но почему он являлся в дом, когда был уверен, что я на работе? Он что-то все-таки забыл у меня? Оставил нечто важное? Или же просто хотел вспомнить, как жил здесь вместе со мной?

По радио говорили о проблеме безработицы в стране. Я почувствовала новый приступ тошноты, представив, как начну искать себе другую работу, не имея никаких рекомендаций. Я ведь проработала в одной фирме с тех пор, как мне исполнился двадцать один год. Как только получила диплом университета. А сейчас мне тридцать два, и я не имела никакого иного опыта, кроме краткого периода работы в барах Австралии. Да еще лета,

проведенного продавщицей в «Топшопе» во время студенческих каникул. Я снова открыла холодильник и посмотрела на бутылку вина, охлажденную, покрытую конденсатом, но, к счастью, у меня хватило здравого смысла сообразить, к каким последствиям это приведет. Я достала себе минеральную воду. Когда собиралась выключить радио, там заговорили о бурном развитии программы профессиональной переподготовки. Я замерла, вспомнив, как мы с Мэтом обсуждали эту тему год назад. Я села и постаралась как можно подробнее припомнить, о чем он мне тогда рассказал. Один из его учеников начал подавать заявления о приеме на постоянную работу, но никак не мог получить ее. Между тем компания Мэтта громко заявила недавно набранной тогда группе, взятой на переподготовку, что если они будут прилежно трудиться и покажут хорошие результаты, то по окончании стажировки у них появится отличный шанс быть принятыми в штат. Однако в конце года все звучало уже иначе. К сожалению, времена изменились, экономическая ситуация в стране ухудшилась, а потому никто из них работы в фирме не получит. Молодые люди восприняли печальные новости с пониманием, а вскоре Мэтт подслушал в туалете, как два директора отделов от души потешались над учениками. Их никто заведомо не собирался брать в штат, затея понадобилась лишь для того, чтобы заставить дешевую рабочую силу трудиться с максимальной отдачей. Сотрудники компании, чувствуя вину за обман учеников, организовали для них сбор денег перед расставанием, и оба директора демонстративно бросили в общую копилку жалкие бумажки по двадцать фунтов.

Молодого человека, который стажировался у Мэтта, звали Эндрю Броуди. Мэтт написал для него блестящую рекомендацию. Он показал мне ее, и, по его словам, Эндрю чуть не расплакался, прочитав хвалебный отзыв о себе. Я посмотрела на свои записи. У меня состоялась беседа с начальником Мэтта, с женщиной на телефонном коммутаторе, с представителем отдела кадров. Но мне и в голову не пришло связаться с тем, кто когда-то работал на него.

Вернувшись в гостиную, я занесла фамилию и имя в поисковую программу компьютера. Он присутствовал в «Фейсбуке», но его страничка оказалась закрыта, и мне не удалось ничего выяснить. В «Твиттере» Эндрю Броуди не было, зато он обнаружился в «ЛинкедИне». Мне хотелось узнать о нем как можно больше, но я догадывалась, что он сразу поймет, кто именно интересуется им.

Тогда я создала почтовый ящик под псевдонимом Линдси Хардинг и повторила поиск по Эндрю Броуди. Он работал на другую архитектурную

фирму в Ливерпуле.

Я чуть ли не волосы рвала на себе от злости. Как же я сразу не сообразила обзвонить другие компании и поинтересоваться, не работает ли у них Мэтт? Вероятно, так получилось потому, что я считала, будто Мэтт уехал куда-то очень далеко, может, даже в другую страну. А между тем он все еще мог находиться совсем близко и даже жить неподалеку. Мне представилась случайная встреча с ним в магазине или в баре субботним вечером, но я не могла даже вообразить, что буду делать при этом. Однако здравый смысл возобладал. Я решила быть готовой к подобному столкновению.

Вскоре я заметила, что у меня иссяк запас стикеров. Стала искать свой блокнот, но его нигде не было, и лишь потом вспомнила: я бросила его на пассажирское сиденье машины. Мне хотелось иметь под рукой что-то для заметок, если светлая мысль осенит меня в пути при остановке на красный сигнал светофора. На мгновение я растерялась. Я знала, что мне необходимо срочно записать информацию об Эндрю. Немедленно. Иначе я рисковала многое забыть. И потому я схватила красный фломастер и принялась писать имя прямо по глянцевой поверхности кухонной мебели. Это легко будет стереть, как только я найду Мэтта.

Мой мобильный телефон издал сигнал. Пришло сообщение от Люси:

Ханна, Джордж велел передать, чтобы вы просмотрели свою электронную почту.

Я вздрогнула. Только после трех попыток войти в свой почтовый ящик на работе, я сообразила, что пароль для этого не годится. С нарастающей тревогой я сумела открыть почту в другой системе. Там уже дожидалось письмо из отдела кадров. Оно было вежливым, лаконичным и предельно ясным.

Меня отстранили от работы.

Глава 42

Я поочередно перечитывала сообщение из отдела кадров и просматривала страничку Эндрю Броуди. Было очевидно, что я ничего не смогу добиться на работе, оправдать себя, пока не разберусь с исчезновением Мэтта. Если бы только мне удалось встретиться с ним снова, то я сумела бы сосредоточиться на своих заданиях и вернуть утраченные позиции. При этом я и мысли не допускала, что компания может уже и не дать мне такого шанса.

Поиски Мэтта оставались для меня приоритетом.

Я сняла трубку и позвонила в фирму, где числился Эндрю. И за секунду до того, как на мой звонок ответили, до меня вдруг дошло, что Мэтт мог сейчас работать вместе с Эндрю, и от этой мысли у меня защемило сердце. Во рту пересохло, и мне пришлось сглотнуть, прежде чем я смогла попросить оператора соединить меня с Мэттью Стоуном. Я испытала почти облегчение, услышав, что в компании нет сотрудника с таким именем и фамилией. Тогда я попросила связать меня с Эндрю, но звонок сразу переключился на его автоответчик. Он оставил на нем сообщение, что сейчас находится вне офиса, работая над проектом, и доступен только на мобильном телефоне. Номер я жирно написала фломастером на дверце шкафчика, обвела его и встала, глядя на него. Потом посмотрела на часы. 16.00. Я решила позвонить ему после шести часов вечера. Будет лучше, если мой звонок не застанет Эндрю Броуди в окружении многочисленных коллег.

Я так волновалась, что не могла ничем заняться. Слышала, как Рэй с помощью поливальной машины отмывает стену в своем саду. Я не хотела столкнуться с ним сейчас, а это означало, что даже небольшая пробежка для меня исключена. И вообще, как я могла куда-то отправиться, если мне следовало прежде всего охранять свой дом? К тому же меня опять затошнило. Вряд ли в нынешнем состоянии я смогла бы пробежать даже несколько сотен ярдов.

Я закрыла письмо из отдела кадров, не в силах больше перечитывать его. Попыталась позвонить на мобильник Люси, но он издал один гудок и сразу отключился. Она не хотела отвечать на мой вызов?

И вдруг до меня дошло. Точно так же, как Люси имела доступ к моей электронной почте, мне была доступна ее. Я знала пароль Люси, а она – мой. Она сообщила мне его, когда несколько месяцев назад заболела, чтобы

я могла включать ее компьютер и сама выполнять за нее кое-какие обязанности секретаря. Используя пароль Люси, я вошла во внутреннюю систему электронной связи нашей фирмы. Знала, что инструкцией это было запрещено, но сейчас меня не могли остановить никакие запреты. Мне необходимо знать, что происходит.

Странное чувство испытываешь, просматривая чужой компьютерный почтовый ящик. Все выглядело знакомо, поскольку напоминало мою собственную внутреннюю переписку, но, разумеется, содержание было иным.

Я проверила ее входящие сообщения в поисках аналитических докладов, упомянутых Алексом. И не обнаружила документов, которые посылала ей. Нахмурившись, просмотрела входящие сообщения, близкие по датам отправки, но так ничего и не нашла. Открыла папку, обозначенную моим именем, но и там необходимого мне не значилось.

Оставалось проверить «Мусорную корзину». Пусто. Я разозлилась. В корзине почти у всех подолгу лежали ненужные письма. А затем я вдруг обратила внимание на значок с надписью: «Восстановить удаленные сообщения». Я щелкнула по нему курсором и уставилась на мгновенно появившиеся на дисплее документы. Странно, что прежде я не обращала внимания на существование подобной опции, но теперь она неожиданно оказалась чуть ли не единственным способом для моего спасения.

Я вернула, помимо множества других текстов, именно те, какие искала, которые отправила Люси, о чем честно и сказала Алексу. У Люси даже не хватило ума удалить их безвозвратно.

Я открыла отправленный ей документ для компании «Пауэллс». Алекс заявил, что там получили только раннюю и незавершенную версию, обрывавшуюся в самом начале. Теперь же аналитический доклад оказался у меня перед глазами. Я пролистала его. Ровно двадцать страниц, как было положено. Я не вводила Алекса в заблуждение, утверждая, что Люси получила документ полностью. Ей оставалось только вычитать его, а потом с моего адреса переслать клиентам.

Меня охватило чувство невероятного облегчения. Я знала, что права, а теперь имела и доказательство этого.

Мне вспомнилось, как после вычитки Люси, вопреки обыкновению, не подтвердила мне письменно, что с работой все в порядке, а лишь заглянула в кабинет и сказала: «С «Пауэллс» никаких проблем, Ханна. Я только что отправила доклад по назначению». Сделала ли она это намеренно, чтобы замести за собой следы? Но мне было особенно интересно, когда и почему она решила отослать черновик, чтобы выставить меня некомпетентной

дурочкой? Гнев вскипел во мне, стоило представить, как Люси роется в моем компьютере в поисках черного варианта. Ведь ей с первого дня объяснили, что она вправе отправлять материалы от моего имени, но необходимо сначала получить на это мое разрешение.

Я переслала копии всех писем Алексу, продублировав их для Джорджа. Никаких сопроводительных объяснений писать не стала. Мне сейчас в голову не приходили подходящие слова, но я позаботилась о том, чтобы скопировать список удаленных Люси сообщений, опасаясь, что она может сообразить: ей не удалось избавиться от них окончательно.

Покончив с этим и откинувшись на спинку дивана, я испытывала лишь глубочайшее разочарование. Да, мне удалось восстановить удаленные документы, но хотелось задать Люси много вопросов. Почему она так поступила со мной? Зачем лгала по поводу документов, отправляя незавершенные версии? Неужели сознательно пыталась дискредитировать меня?

А потом я вспомнила о женщине, встреченной в дамской комнате. Об Элис. Она знала о Мэтте. Она ведь говорила тогда не о мужчинах вообще, а имела в виду конкретно наш с ним разрыв. Но был только один человек в нашем офисе, кому я сама рассказала об этом. Сэм. Он, как я догадалась, поддерживал близкие отношения с Люси.

Люси тоже знала об уходе Мэтта. Причем с самого начала. Не зря же она бросала на меня исподволь то лукавые, то почти презрительные взгляды, на которые я по глупости не обращала внимания. И из исполнительной помощницы превратилась просто в женщину, смотревшую на меня сверху вниз, как на последнюю идиотку. Люси считала, что я принимаю ошибочные решения. Ведь она была умной и образованной девушкой, окончившей университет. Я догадывалась о ее желании однажды занять мое место, но считала это в порядке вещей. В ее возрасте я бы и сама стремилась сделать карьеру. Но я бы никогда не стала компрометировать своего начальника и саботировать его работу, чтобы добиться поставленной цели.

Я решила проверить переписку Люси с Элис. Она тоже была удалена, и письма пришлось восстанавливать. Одно из них оказалось написано в тот день, когда я получила строгий выговор в устной форме. Открыв его, я прочитала разговор двух женщин:

Я же велела тебе ничего не говорить!

Элис ответила:

Ой, прости за оплошность! Я думала, все уже знают. Пообедаем вместе?

Извини, но я встречаюсь с Сэмом в «Косте». Только не проболтайся ей еще и об этом! Ты – единственная, кому известно про наши с ним отношения!

Значит, Сэм завел роман с Люси. Мне невольно вспомнились те несколько случаев, когда я видела его с Грейс, и он всегда говорил о ней с обожанием. Я подумала о своем отце и Хелен. И вот теперь у Сэма завязалась интрижка с Люси. Мэтт, вероятно, тоже с кем-то сошелся. На глаза навернулись слезы. Кому же я вообще могла довериться?

Поскольку Сэм спал с Люси, он наверняка рассказывал ей, что Мэтт бросил меня, а она воспользовалась моим горем и смятением для отправки документов, которые нанесли бы непоправимый урон моей репутации. Я поняла, насколько не от мира сего была последние два месяца, если не замечала их сближения и интриг Люси против меня.

Хотела еще поискать в почте Люси свидетельства других ее предательств, но не стала. Теперь я знала, что она предавала меня, и больше ничего не требовалось. А вот мысль, что и Сэм мог добиваться моего увольнения, оказалась невыносимой.

В комнате стало темно и мрачно. Я отключила свой мобильный телефон на случай, если Сэм вздумает мне звонить. Мне не хотелось разговаривать с ним, как и ни с кем другим. Наверху я наполнила ванну только лишь для того, чтобы найти для себя хоть какое-то занятие. И мне необходимо было тепло. Я нуждалась в утешении и успокоении. Вся моя кожа горела от стыда. Как могла я довериться Сэму?

В приступе ярости я снова включила телефон и отправила Сэму текстовое сообщение. С Люси я решила разобраться при личной встрече: я знала, что она непременно обратит необдуманное и написанное в гневе послание против меня самой.

Мне все известно. Ты – подонок!

Буквально через несколько секунд от него посыпались ответы:

Мне очень жаль!

Могу все объяснить.

Сейчас приеду к тебе. Нам нужно поговорить.

Я написала:

Только посмей! Если заявишься сюда, я вызову полицию.

Опять отключив телефон, я легла в ванну. Но расслабиться не удавалось. Я лежала в горячей воде, вдыхая исходивший от нее пар с ароматом «Шанель», и размышляла. Судьба Люси меня не волновала. Она не стала для меня подругой. Если мне разрешат вернуться к работе, я буду настаивать на смене секретаря. Это станет для нее ударом. Теперь у Алекса имелись тексты оригиналов документов, которые я отправила ей, и, если уж на то пошло, она должна была вообще лишиться работы у нас. А вот Сэм... Его обман воспринимался иначе. Я знала, что мне предстоит выяснить с ним отношения, и пока не понимала, как.

Вспомнила о телефоне у него в машине. Не с него ли Сэм делал звонки Люси? И не он ли посылал мне анонимные сообщения? Видео тоже могло быть делом его рук. Сэм приобрел целый набор SIM-карт и менял их, когда ему хотелось помучить меня.

Я снова чувствовала, что нахожусь на грани безумия. Погрузилась в воду с головой и ощутила, как она заливает мне уши. Внезапно я села в ванне и отжала волосы от влаги. Вспомнила, как принимала ванну вечером накануне отъезда в Оксфорд, перед тем, как Мэтт бросил меня. Я тогда уехала из офиса раньше, чем обычно, и пару часов провозилась в саду, стараясь воспользоваться установившейся теплой погодой. Тогда же я послала Мэтту сообщение, попросив захватить ужин домой из ресторана, потому что на приготовление пищи у меня уже не хватило бы сил. Позднее с непривычки к физическому труду у меня начало ныть все тело, и Мэтт предложил мне принять ванну, не ограничиваясь обычным душем. Он сам наполнил ее для меня, добавив ароматическое масло и сделав воду очень горячей, как мне нравилось. Сказал, что записал кое-что интересное, и принес наушники вместе с моим айподом, поставив его на стульчик рядом с ванной и накрыв полотенцем, чтобы на электронное устройство не попала вода. Вскоре Мэтт подал мне бокал вина. Я плескалась в ванне минут сорок пять, наслаждаясь теплом и слушая записанную программу. Мэтт казался мне воплощением доброты. В какой-то момент я протянула к нему руку и поцеловала его.

Когда же я наконец выбралась из ванны, надев пижаму, то почувствовала себя расслабленной и сонной. Легла в постель и через айпад

вошла в «Фейсбук». Вскоре появился Мэтт, предложив вместе посмотреть фильм. Но я заснула через несколько минут после его начала. А утром мне, конечно же, пришлось подняться очень рано, чтобы успеть на машине добраться до Оксфорда. Айпад все еще лежал на прикроватном столике, и я тогда забыла о нем.

А за три четверти часа, которые я провела в ванне, Мэтт, наверное, стер все данные о себе из моего мобильного. Удалил свои фотографии из моего домашнего компьютера и с айпада, а когда я уже спала, покопался на моей страничке в «Фейсбуке», уничтожив совместные фото и переписку между нами. И он проделал все это, заставив меня почувствовать заботу о себе, вселив иллюзию, будто я любима.

Глава 43

Ровно в шесть часов вечера я должна была позвонить Эндрю Броуди. Руки у меня так тряслись, что я с трудом держала телефон, и все-таки позволила себе выпить бокал вина для храбрости, прежде чем набрать номер. Заранее положила перед собой ручку и лист бумаги с записанным на нем сценарием предстоявшего разговора, поскольку уже не верила, что удержу в памяти все, что необходимо было сказать. В последний момент сменила ручку, потом схватила третью, опасаясь нехватки в первых двух чернил. Мне становилось дурно при мысли о невозможности записать нечто крайне важное. Я глубоко вдохнула, протерла вспотевшие ладони о джинсы и набрала номер, скрыв при этом свой.

Эндрю Броуди ответил после третьего гудка, причем голос его звучал раздраженно, а дыхание было шумным. На заднем плане слышались звуки городского транспорта. Я поспешно включила кнопку диктофона, чтобы записать все до последнего слова.

– Алло! Это Эндрю Броуди?

– Да, да, это я! А вы кто?

– Вас беспокоит Люси Хардинг, – сказала я, сверяясь со сценарием. – Звоню вам по поручению агентства «Рид рекрутмент». Мы можем с вами доверительно поговорить?

Конечно, я назвала ему реально существовавшее агентство, поскольку он легко мог проверить это в Интернете, не прерывая беседы со мной.

– Пока не знаю, насколько доверительно могу с вами разговаривать. О чем пойдет речь?

– У нас образовалась вакансия, и мы подыскиваем подходящую кандидатуру, – ответила я. – На должность ученика архитектора в области промышленного строительства. Мы подумали, что это может заинтересовать вас.

– Ух ты! – воскликнул он. – Разумеется, вы меня заинтересовали!

Предложение так взволновало его, что я ощутила себя последней негодяйкой, предлагая ему несуществующую работу.

– Я не вправе упоминать название компании, пока они не согласятся пригласить вас на собеседование, но могу заверить, что это крупная фирма, предлагающая приличную зарплату и полный социальный пакет. Расположена в Честере, то есть неподалеку от вас.

– Это было бы замечательно, – произнес Эндрю. – Но... Разве мы с

вами встречались прежде? Ваша фамилия мне незнакома.

– Верно, лично мы не встречались.

Еще на подготовительных курсах при поступлении на работу нам объяснили, что, если улыбаться, даже разговаривая по телефону, голос звучит более дружелюбно. У меня щеки заболели, когда я растянула улыбку как можно шире – именно эти лицевые мышцы бездействовали у меня уже пару месяцев.

– Моя задача состоит в том, – пояснила я, – чтобы подобрать наиболее подходящего кандидата, а ваше имя уже некоторое время назад было упомянуто в беседе со мной. И как только возникла вакансия, я сразу подумала о вас.

Он клюнул на наживку. Попался на мой крючок.

– Кто конкретно упомянул обо мне? Это вам разрешено сообщить мне?

– Один из сотрудников компании «Джон Деннинг и партнеры», – без запинки ответила я. – Мэттью Стоун – один из их архитекторов. Насколько я поняла, вы проходили там стажировку?

– Да. А Мэтт оказался прекрасным учителем и начальником. Значит, он рекомендовал меня?

– Он самый. – Теперь я могла обходиться без сценария. – Мэттью отозвался о вас как о лучшем ученике, которого он когда-либо посвящал в тайны профессии. По его словам, вас включили в группу для разработки проекта нового японского ресторана на набережной в Ливерпуле. Это так?

Минут пять мне пришлось слушать рассказ, подтверждавший правильность моей информации. Я даже держала трубку чуть в стороне от уха, чтобы не оглохнуть от его громкого голоса. Одновременно нарастало и мое волнение.

– Что ж, теперь, когда вы выразили заинтересованность, мне нужно решить, в какое время нам лучше с вами встретиться, – сказала я. – Проклятие! Я оставила в офисе свой ежедневник. Но, вероятно, вечер вас устроит больше?

– Да, любое время после шести часов вечера. Иногда приходится работать допоздна, но я всегда могу уйти и раньше для встречи с вами.

– Отлично. Я позвоню вам утром, если не возражаете. Прошу прощения, что не могу назначить наше деловое рандеву прямо сейчас, но обещаю связаться с вами еще до девяти часов.

– Превосходно.

Я напряглась. Наступал решающий момент.

– И я непременно позвоню Мэттью Стоуну, чтобы поблагодарить его за рекомендацию.

Казалось, я сейчас взорвусь от перевозбуждения. Ощущение возникало такое, словно мозг давит мне на череп изнутри, а на периферии зрения замелькали какие-то звездочки. Но Эндрю полностью оправдал мои ожидания.

– Кстати, он больше не работает там. – Я затаила дыхание. – На днях я случайно встретился с Дэвидом Уолкером, другим архитектором, и он рассказал, что ему пришлось взять на себя завершение всех проектов, начатых Мэттом. А сам Мэтт перебрался в Манчестер, где теперь трудится на фирму «Кларк и Белл».

Я с облегчением выдохнула и расслабилась.

– Вот как? – проговорила я, удивившись, что в моем голосе не прозвучало ни малейшей перемены тональности. – Да, ведь прошло уже немало времени после нашей с ним встречи. – Хотя бы это было сущей правдой. – И давно Мэтт уже там? – Я осмотрела записи на листочках и на поверхности кухонных шкафов. – Мне необходимо обновить свою картотеку.

– Не очень давно, – ответил Эндрю Броуди. – По-моему, всего несколько недель.

– Что ж, осмелюсь предположить, что скоро жизнь снова сведет нас с ним вместе. Спасибо большое, Эндрю. Я обязательно позвоню вам.

Моя охота, похоже, завершилась.

Глава 44

Я стояла посреди кухни, все еще сама себе не веря. Я добилась своего! Нашла его. Вероятно, никогда прежде я не гордилась собой так, как в этот момент. Принесла из гостиной ноутбук и пристроилась за кухонным столом, положив рядом записи, сделанные во время разговора с Эндрю. Поисковая программа вывела меня на сайт компании в Интернете, и я внимательно изучила его. Но на сайте имени Мэтта не значилось. Я скачала сводку новостей фирмы, но и в них он не упоминался. Я нахмурилась. Он ведь был известным архитектором, и его переход в компанию, несомненно, был достоин если не крупного заголовка, то хотя бы заметки в новостях.

Я вздрогнула, когда зазвонил телефон. Это был Сэм. Я переключила аппарат в режим автоответчика. Разберусь с этим позднее. Я принялась изучать по карте маршрут, которым могла воспользоваться, чтобы доехать до фирмы Мэтта, но телефон зазвонил снова. На сей раз меня вызывала Кэти. От нее пришло сообщение:

Привет, Ханна! Как дела? Есть новости?

Стандартный набор слов. Такое же сообщение поступало от нее ежедневно. Я ей ответила:

Кэти! Думаю, я знаю, где находится Мэтт...

Но потом что-то заставило меня остановиться. Эндрю Броуди мог заблуждаться. А я не могла даже думать о новых сочувственных взглядах Кэти и Джеймса, если выяснится, что обрадовалась я преждевременно. Я представила, как они обсуждают меня, допуская какой-то скрытый во мне дефект, заставивший возлюбленного уйти подобным образом. А о том, куда переходили работать люди, в любой компании постоянно циркулировали самые отвратительные слухи. Мэтт мог всего лишь побывать на собеседовании у «Кларка и Белла» или вскользь упомянуть об открывшейся у них вакансии. Для пересудов этого было бы вполне достаточно.

Я сделала паузу, думая о том, как он подавал заявление на новую работу, не сказав мне ни слова. Процесс поисков рабочего места неизбежно становился длительным: надо было найти подходящую должность, подать

заявку, пройти собеседование с руководством.

В какой день Мэтт одевался с особой тщательностью для собеседования? Не упустила ли я чего-то важного? Ответить на эти вопросы я не могла. Порой он уезжал на работу в джинсах и пиджаке, возвращаясь домой, измазавшись где-то в грязи. А если предстояла встреча с заказчиками, надевал лучший свой костюм. Но я знала, что, если ему предстоял важный разговор с потенциальными работодателями, он бы приложил все усилия, чтобы выглядеть наилучшим образом. Так я и сидела в темной кухне, пытаюсь вспомнить дни, когда Мэтт готовился тайно покинуть мой дом.

Утром мы оба всегда очень торопились, у меня уже была на уме только работа, а потому, честно говоря, в такие моменты я не приглядывалась к Мэтту. Вероятно, что он взял в день собеседования выходной, быстро вернулся домой и переоделся. А остаток дня мог скоротать дома перед телевизором, чтобы вечером наплесть мне небылиц о том, чем занимался на основной работе.

Но каким бы образом Мэтт ни проделал это, ему пришлось бы намеренно обмануть меня. Провести со мной целый вечер и даже не обмолвиться о том, что собирается менять компанию. Ни единым словом. Значит, он сидел здесь, улыбался, болтал со мной. И даже во время редких ссор не сорвался и не принялся кричать, что уходит на другую работу, поскольку собирается съехать и от меня.

А ночью, лежа рядом со мной в постели, Мэтт обдумывал свое бегство. Меня обожгло унижение при мысли об этом. Вспомнились вечера, когда я сама предпринимала попытки заняться с ним сексом. Мне казалось, будто сегодня он хочет моей любви. Порой так оно и получалось, но теперь мне виделись особенно оскорбительными те случаи, когда в ответ на мои объятия и поцелуи я слышала, что он сегодня слишком устал, у него выдался тяжелый день и ему лучше просто спокойно почитать. А сам, вероятно, думал при этом о другой женщине.

Зазвонил телефон. Снова Сэм. Я сбросила звонок. У меня голова шла кругом от всего происходившего со мной и вокруг меня, а потому в ответе Кэти я не упомянула о Мэтте вовсе. Зато рассказала ей то, что тоже было правдой:

Сегодня меня отстранили от работы. Я все сама испортила.

Она отреагировала моментально:

Мы уже едем к тебе.

Я в панике оглядела свою кухню: «островок» выложен стикерами с заметками о Мэтте, а почти всю мебель я исписала красным фломастером. Оставалось надеяться, что шкафы удастся отмыть, но сделать это я собиралась только после того, как найду Мэтта. Впрочем, наплевать. Если надо, куплю новый кухонный гарнитур. И мне стало дурно при мысли срочно смывать надписи перед их появлением, чтобы потом восстановить все в прежнем виде.

Лучше я приеду к вам. Мне хочется побыть вне дома. Возьму такси.

Почему ты не можешь сама сесть за руль? Ты же не зашла, надеюсь?

А потом через несколько секунд:

Ханна! Неужели это означает, что ты все-таки побывала в больнице?

Я в ярости уставилась на дисплей телефона. Она что, вообще не знает, где проходит граница элементарных приличий? У меня возникло искушение от всего отказаться и остаться дома, но я знала, что уж тогда Кэти непременно примчится ко мне сама.

Обессиленная и раздраженная, я послала новое сообщение:

Хорошо, поведу машину сама. Буду через 10 минут. И еще – ни в какой больнице я не побывала. Не задавай мне больше подобных вопросов, или мы с тобой долго не будем общаться.

Через две минуты телефон подал сигнал.

Прости за бестактность! Кстати, Джеймс просит, чтобы ты привезла с собой полученную записку вместе с конвертом. Он хочет кое-что проверить.

Глава 45

У Кэти и Джеймса я провела около часа, но в голове постоянно теснились мысли, и мне хотелось побыстрее вернуться домой. Я сидела в кресле, а они вдвоем расположились на диване и засыпали меня вопросами, словно я давала показания в зале суда. Разумеется, я отказалась от спиртного, а они распили бутылку вина на двоих и, как я подозревала, успели употребить еще одну до моего приезда. Я же ограничилась стаканом тепловатой воды «Перье», из которой давно улетучился газ. Меня посетила мстительная мысль угостить Кэти точно так же, если ей случится забеременеть.

Они постоянно интересовались моей работой. Что я сделала не так? Почему не укладывалась в отведенные сроки? Имелись ли у меня доказательства, что я действительно отправила все документы Люси?

Когда я сообщила, что мне закрыли доступ к рабочей системе обмена электронной почтой, Кэти шумно вздохнула, а Джеймс лишь покачал головой. А потом я поведала им о том, как все-таки сумела найти аналитические доклады, отправленные мною Люси для окончательной вычитки.

– Ты воспользовалась ее паролем, чтобы войти в систему внутренней компьютерной связи вашей фирмы? – уточнил Джеймс. – Но ведь ты же знаешь, что это противозаконно, не правда ли?

– Плевать, – сказала я. – Я была уверена в своей правоте. Точно помнила, что послала ей нужные копии документов.

– Не важно, права ты или нет. Но ты только усугубила свое положение. Я посмотрела на Кэти, которая избегала моего взгляда.

– А вскоре документы были отправлены клиентам с твоего электронного адреса? – спросил Джеймс.

– Да, но отправляла их она.

– От твоего имени?

– Да, Люси постоянно делала это.

– Тогда как ты докажешь, кто именно отправлял доклады? Наверняка нет способа точно определить, с какого именно компьютера производилась пересылка.

У меня слезы навернулись на глаза:

– Я как-то об этом не подумала.

– Твоей Люси многое придется объяснить, – продолжил он, – но и ты

предстаешь в этой истории далеко не в лучшем свете, Ханна.

– Почему бы тебе не объявить им, что беременна и у тебя сейчас очень тяжелая ситуация? – произнесла Кэти. – Отправляйся к доктору, обследуйся, и он выдаст тебе справку, которая поможет решить проблемы с работой.

– Я не хочу прибегать к такому способу решения своих проблем. И к врачу обращаюсь только в том случае, если приму окончательное решение.

Джеймс поднялся.

– Мне нужно закончить одно дело, – обратился он к Кэти. – Отправлюсь наверх. – Затем он перевел взгляд на меня. – Значит, ты решила сохранить ребенка?

Я покраснела:

– Нет, вряд ли.

Джеймс пожал плечами и вышел из комнаты.

– Прости, Кэти, но я вернусь домой, – сказала я. – Кажется, я действую Джеймсу на нервы.

– В последнее время ему все действует на нервы, – усмехнулась она. – Не обращай внимания. Он перегрузил себя работой, хотя терпеть не может работать по вечерам. У него уже несколько недель не выдавалось ни одного настоящего выходного дня.

Мы слышали, как Джеймс поднялся на второй этаж, затем дверь его кабинета захлопнулась.

– Но он прав, – заметила Кэти. – Тебе нужно обратиться к врачу. Между прочим, ты просто обязана была проконсультироваться с доктором сразу же, как только узнала о своей беременности. Я и сама так считаю.

– Оставим эту тему. Не хочу больше обсуждать ее.

Я сидела, нахмурившись, уже жалея, что вообще рассказала им о своей беременности.

– Хорошо, но помни, что Мэтт ушел от тебя три месяца назад. Не можешь же ты до сих пор верить в его добровольное возвращение?

– Трех месяцев еще не прошло, – возразила я, хотя до такого срока не хватало всего нескольких дней, и мы обе знали это.

Дверь распахнулась. Джеймс вернулся за своим бокалом вина. Он наполнил его до краев, а Кэти сказала:

– Ладно тебе, Джеймс. Забудь на сегодняшний вечер о работе.

– Не могу, – ответил он, отхлебнув немного вина.

Кэти сделала сердитое лицо и отвернулась от него.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она. – Каково это – быть беременной?

Я покачала головой, по-прежнему не имея ни малейшего желания говорить об этом.

– У меня не было много времени, чтобы вникать в свое физическое состояние. Слишком сложно все на работе...

Я замолчала, сообразив, насколько глупо звучало подобное заявление после того, как меня отстранили именно за то, что я почти ничего не делала.

– Тебя тошнит?

– В буквальном смысле тошнило всего несколько раз, но мутит постоянно. Жуткое ощущение.

– Ты всеми силами стремишься не думать об этом, верно? – произнес Джеймс. – Но проблема никуда не денется сама собой.

Пока он произносил эту фразу, я вдруг поняла, что могу воспользоваться специальной программой, чтобы взглянуть на здание, где располагалась фирма Мэтта, прежде чем отправиться туда. И мне не терпелось снова оказаться дома наедине с компьютером и своими записями.

Я встала и сказала:

– Знаю. Ты прав, но сейчас мне лучше вернуться к себе.

– Кстати, ты принесла с собой письмо? – спросила Кэти. – Ты хотел изучить его, Джеймс?

– Да. У меня есть мощное увеличительное стекло, и я подумал, что нужно присмотреться к марке.

После небольшого замешательства я напомнила:

– На конверте никакой марки не было.

– Точно, ты упоминала об этом, – кивнула Кэти, – однако конверт все равно пришел по почте, не так ли? Он у тебя с собой?

– Нет, – ответила я. – Его у меня кто-то украл.

– Что? – воскликнула она.

– Кто-то унес его из моего дома.

Я заметила взгляд, который Кэти бросила на Джеймса.

– Ты уверена, что не потеряла его сама? – спросил он.

– Разумеется, уверена! Я прикрепила письмо к холодильнику, но позавчера, когда вернулась домой, оно пропало.

Я снова перехватила взгляд Кэти. Не оставалось сомнений: она считала, что историю с письмом я выдумала.

– В любом случае, – добавила я, – мне пора. – И взяла свою сумочку.

– Не уходи, – попросила Кэти. – Мы вовсе не хотели расстраивать тебя. Побудь у нас немного. Может, захочешь с нами поужинать? Мама

привезла нам прекрасное жаркое. Почему бы тебе тоже не подкрепиться?

– Нет, спасибо, мне нужно вернуться домой. Мне вообще не следовало уезжать. Чувствую себя отвратительно.

– Но чувствуешь ли ты себя дома в безопасности? – вдруг произнес Джеймс. – Ведь с тобой происходят странные вещи.

– Джеймс! – осадила его Кэти. – Прекрати даже упоминать об этом. Ты только напугаешь ее еще сильнее.

Я их почти не слышала. Размышляла о том, что как только снова увижусь с Мэттом, получу шанс поговорить с ним, непременно спрошу, зачем он проникал в дом и посылал мне сообщения. Почему не позвонил и не сказал прямо, что хотел бы вернуться?

На секунду я закрыла глаза. Я почти достигла цели. Уже завтра я встречу с ним.

Больше я ни о чем думать не могла.

Глава 46

Я проснулась в шесть часов утра. Как только перевернулась на другой бок и увидела пустое пространство в постели рядом с собой, сразу вспомнила, что наступал день, когда я увижусь с Мэттом. И села на кровати так резко, что закружилась голова. До меня только сейчас дошло: за весь вчерашний день я вообще ничего не съела.

В кухне, дожидаясь, пока в тостере поджарится ломтик хлеба, я решила составить план действий на бумаге, а не использовать для этого мебель, и выбежала из дома, чтобы забрать из машины блокнот. Нельзя было рисковать, чтобы кто-нибудь прочитал мои записи.

Манчестер находился в часе езды от меня, но я знала, что следует добавить дополнительные полчаса на поиски здания фирмы в городе. Я совсем не знала этого города и не хотела прибыть туда уже после ухода Мэтта с работы. А потому наметила приехать к 15.00, чтобы иметь достаточный запас времени. Мэтт никак не мог уйти раньше. Он ведь и прежде часто задерживался у себя в конторе.

А потом я призадумалась. Действительно ли он так часто работал по вечерам? Может, встречался со своей новой подружкой? Вспомнила, как порой долго ждала его возвращения. В такие вечера ужин не удавался, настроение портилось, а я много пила просто от нечего делать. Мэтт был амбициозен – это я знала и потому воспринимала как должное его желание работать в любое время суток. Это и меня заставляло работать упорнее, должна признаться, но чаще я лишь ощущала себя брошенной в одиночестве. И теперь приходилось гадать, не проводил ли Мэтт время с другой. С женщиной, настолько важной для него, что он решился на столь странный уход из моей жизни.

Иногда у меня все же зарождалась надежда, пусть и хрупкая, что никакой другой женщины не существовало, но в таком случае все становилось совершенно необъяснимым, не имело смысла. И к тому же мне нужно было на кого-то возложить вину. А на кого еще, если не на красотку, которая увела у меня Мэтта? Бессонными ночами меня сжигала ревность к той, с кем он сошелся, но уже утром я считала, что стоит мне найти его, просто поговорить, и Мэтт поймет – на самом деле он любит только меня. И непременно вернется.

Я приняла душ и помыла голову, но когда начала сушить и укладывать волосы, мне никак не удавалось заставить их выглядеть так же эффектно,

как прежде. Волосы были тусклыми и неопрятными. Я видела свое отражение в зеркале и впадала в отчаяние. Нельзя было встречаться с Мэттом в таком виде.

Как только открылся салон красоты по соседству, я сразу записалась на стрижку, укладку, маникюр и педикюр. Мне необходимо было предстать перед Мэттом красивой. Из груди вырвался тяжелый вздох. Да, порой ради сохранения отношений с любимым мужчиной приходилось прикладывать максимум усилий.

В последний раз я посетила салон в выходные дни перед поездкой в Оксфорд. К несчастью, стилист Зара обладала превосходной памятью и принялась расспрашивать, как у меня тогда все прошло и какие события были в моей жизни с тех пор. Про Мэтта она спросила тоже, поинтересовавшись, как у него дела. Разумеется, я не могла сообщить ей, что Мэтт бросил меня, и выдумывала истории о том, чем он занимался в последние недели. И вдруг поняла, что тогда он постепенно стал реже рассказывать мне о своих проектах, а значит, заранее знал о том, что уйдет с работы. А Зара задавала вопрос за вопросом. Когда я вышла из салона, нервы были на пределе. У меня разболелась голова, и я твердо решила никогда больше не обращаться в ту же парикмахерскую.

Дома я стала примерять платья, прежде чем сообразила, что отношусь к подбору гардероба как перед собеседованием при приеме на работу, рассчитывая произвести нужное впечатление. Но Мэтту мне нельзя было давать такое оружие против себя. Не могла позволить ему увидеть, сколько усилий я приложила ради него, хотя вина целиком лежала на нем самом. Я еще порылась в шкафу и нашла любимую блузку бирюзового цвета с бретельками, купленную прошлым летом. Причем ни блузка, ни белые джинсы больше не сидели на мне в обтяжку, как в то время, когда я надевала их в последний раз. Вспомнилось, как Кэти бросила мне позавчера: «А я-то думала, у беременных грудь становится на несколько размеров больше!»

Когда я делала макияж, у меня так тряслись руки, что пришлось подводить глаза трижды. Решив добавить немного блеска поверх помады, я задумалась: а существует ли некий протокол при встрече с возлюбленным, после того как уже два месяца назад он бросил тебя? Следовало ли, допустим, обменяться поцелуями? Или просто пожать друг другу руки? Или сразу вклепить ему пощечину?

Сердцебиение участилось, а ладони потели, вопреки моим стараниям успокоиться. У меня, казалось, обострились все органы чувств, нервы словно оголились, и уже не впервые я сама себе задавала вопрос, не сошла

ли я с ума.

Странное это было ощущение. С одной стороны, своим поведением я напоминала ребенка в канун Рождества, и мне хотелось подпрыгивать от возбуждения и предвкушения. Уж очень не терпелось, чтобы ожидаемый момент наступил поскорее! А с другой стороны, я испытывала страх, стоило мне представить выражение глаз Мэтта, когда он увидит меня.

Глава 47

Дорога до Манчестера была мне хорошо знакома. Я неоднократно проделывала этот путь, чтобы пройтись по магазинам, а иногда провести вечер с Мэттом или Кэти в одном из местных заведений. То есть я хорошо ориентировалась в пределах центральной кольцевой магистрали, а вот за ней уже оказывалась на неизведанной территории.

Спутниковая навигационная система подсказывала, что ехать мне оставалось примерно милю. Я свернула на небольшую стоянку перед магазинами и постаралась успокоиться. Ладони по-прежнему потели, и руки норовили скользнуть по рулевому колесу вместо того, чтобы повернуть его. Я достала из сумки бумажные платки и тщательно вытерла пот, но уже через несколько секунд он проступил снова. Повернула зеркальце заднего обзора, чтобы видеть свое лицо, и сразу пожалела об этом. Волосы растрепались, а лоб покрывали капли пота. Косметика немного расплылась, словно запекшись на коже. Я накладывала тональный крем в таком волнении, что пропустила целые участки, и мой макияж походил на грим клоуна. Мне захотелось расплакаться.

Я достала из сумки зеркальце в серебристой оправе. В нем я могла внимательно разглядеть всего лишь пару дюймов своего лица, а не все сразу, и потому ушло немало времени на то, чтобы привести в порядок свою внешность. С тех пор, как Мэтт исчез, я перестала правильно питаться, и теперь отчетливо видела, что на коже это сказалось пагубным образом. Вспомнила слова Кэти: «А мне говорили, что у беременных кожа на лице просто излучает сияние», и мне оставалось только гадать, как две женщины могли быть лучшими подругами и до такой степени одновременно ненавидеть друг друга.

Как я ни старалась, все равно знала, что предстану перед Мэттом далеко не в лучшем виде. Но с чего бы мне блистать красотой? Что скорее растопит его сердце и заставит проникнуться нежностью ко мне? Счастливая, хорошенькая и беззаботная Ханна или печальная, исхудавшая и утомленная? У меня возникло не слишком приятное чувство, что ответ на этот вопрос мне известен, и я заставила себя больше не тревожиться ни о чем. Нужно было просто продолжать действовать и надеяться, что, увидев на моем лице следы пережитых страданий, Мэтт ощутит свою вину передо мной, а не отвращение.

Спрятав косметичку в сумку, я вновь запустила двигатель машины.

Общее представление, куда мне направиться, я имела, видя подробный план города на дисплее навигатора, но, разумеется, еще предстояло найти позицию, откуда я смогла бы наблюдать за Мэттом. Нельзя ставить автомобиль так, чтобы он заметил его из окна здания, и не стоило попадаться ему на глаза, как только он выйдет на улицу. Внезапно меня охватили сомнения. А нужно ли мне непременно встретиться с ним именно сегодня?

Важно было увидеть его. Я хотела взять ситуацию под контроль. Решение, как и где устроить встречу, должно оставаться за мной.

Его офис располагался посреди небольшого коммерческого комплекса на окраине Манчестера, неподалеку от канала. Это было современное высотное строение из стекла и бетона, рядом устроили просторную стоянку, по всему периметру окруженную деревьями, откуда дорожка вела на небольшую зеленую лужайку. Квартал преимущественно состоял из контор и магазинов, хотя ниже вдоль по улице виднелись отдельные жилые дома и многоквартирные апартаменты. Приятный район. Я понимала, что привлекло Мэтта сюда, когда он впервые приехал на собеседование. Наверное, потом он вспоминал это по дороге домой и даже позднее, сидя на диване в гостиной рядом со мной. Интересно, какую программу в тот вечер Мэтт смотрел по телевизору? Или сказал, что предпочтет хорошую книгу, как нередко бывало? Представляла, как он якобы поглощен чтением, держа в одной руке бокал с пивом, а в другой книгу, хотя на самом деле размышлял о своем будущем. И вероятно, о прошлом тоже, уже приняв решение, что не желает продолжать прежнюю жизнь.

И Мэтт смотрел на меня, а сам в это время думал: «Наслаждайся, получай удовольствие, пока еще можешь». Но в какой же момент он пришел к мысли не просто сбежать, а забрать с собой и мои воспоминания?

Я проехала вдоль улицы, миновав здание, где находилась его фирма. Поскольку оно располагалось слева от меня, ближе к нему было мое пассажирское сиденье, а это означало, что если бы Мэтт вдруг вышел из дверей, то едва ли сразу заметил меня за рулем. Я наматывала круги по кварталу, надеясь увидеть Мэтта. Беглый осмотр стоянки подсказал мне, что его машина вряд ли припаркована там. Впрочем, откуда я могла знать, пользуется ли Мэтт тем же автомобилем или продал его?

Местные автосалоны я обзвонила несколько недель назад, но не выяснила никакой полезной информации. Причем при последнем таком звонке управляющий начал разговаривать со мной как со слабоумной, и пришлось срочно сочинить историю, будто я разыскиваю собственную

машину, которую угнали. И мне пришлось выслушать гневную отповедь. Он, дескать, никогда не торговал угнанными автомобилями. После чего в ярости бросил трубку. Позднее в тот же вечер я проверила автомобильные сайты в Интернете, но и на них ничего не обнаружила. Спать легла только в четыре часа утра, вспомнив, что совсем скоро мне придется собираться на работу.

Через какое-то время я заметила боковой проулок, располагавшийся в непосредственной близости от здания компании Мэтта, где и постаралась спрятаться позади других автомобилей. Там я просидела не менее двух часов, до боли в глазах всматриваясь, не появится ли Мэтт. Основная трудность попыток шпионить за кем-то состоит в том, что ты не можешь ни на мгновение расслабиться. Стоит чуть отвернуться в сторону, и ты упустишь свой единственный шанс. А я еще и не знала, выйдет он через парадную дверь или воспользуется другим путем. И вообще у меня не было даже уверенности, что именно здесь Мэтт сейчас работает.

В половине шестого офис начал постепенно пустеть. Первыми по домам устремились молодые сотрудники, двадцатилетние юноши и девушки, которые уходили с выражением такого облегчения на лицах, что я даже немного удивилась: что же за фирма давала теперь работу Мэтту? Через несколько минут появилась группа более солидных мужчин и женщин в деловых костюмах. Судя по всему, тут никого не заставляли трудиться сверхурочно. Сотрудники постояли на тротуаре, попрощались друг с другом, а потом двинулись к стоянке, к своим машинам, хотя некоторые направились к автобусной остановке ниже по улице. Один автомобиль тронулся с места, и я чуть переместилась вперед на более выгодную для наблюдения позицию.

И уже собралась снова заглушить мотор, когда увидела Мэтта.

Глава 48

Выйдя из здания, он сразу сдернул с шеи галстук. Этот простой жест был мне настолько знаком, что слезы невольно навернулись на глаза. Мэтт свернул галстук, обмотав его несколько раз вокруг руки, и сунул в карман пиджака, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки.

Я с такой силой прикусила губу, что ощутила во рту привкус крови.

Он посмотрел направо, налево. Я же находилась напротив него, скрываясь за машинами. Вздумай Мэтт приглядеться пристальнее, он заметил бы меня, низко склонившейся к рулю и прятавшей лицо как преступница. Но он повернул налево и пошел вдоль тротуара. Вытянув шею, я проследила, как Мэтт миновал стоянку и продолжил движение по главной улице.

С трудом преодолев оцепенение, я выехала в конец проулка. Отсюда я видела, что он по-прежнему остается на противоположной стороне. Посмотрела в зеркало, но, к счастью, никто не собирался выезжать из проулка вслед за мной. Зато мое прежнее место уже заняли. Я терялась в догадках, как лучше поступить. Если бы я проехала мимо него, велик был риск, что Мэтт узнает мой автомобиль. Слишком уж хорошо он был знаком ему: и модель, и цвет, и год выпуска. Я представила прищур его глаз, когда он обратит внимание на номер, а потом шок при осознании, что машина действительно моя. И наконец быстрый взгляд на водителя – то есть на меня, сидевшую в профиль к нему, но непрерывно следившую за каждым его движением.

К такому развитию событий я не была готова. Мне хотелось, чтобы Мэтт увидел меня, а не просто случайно посмотрел в мою сторону.

Позади меня из проулка выехала машина, и я вздрогнула. Нельзя было допустить, чтобы водитель начал сигналить, раздраженный моей нерешительностью. Это могло привлечь внимание Мэтта. Выбора не оставалось. Я включила правый указатель поворота, а значит, мне предстояло тронуться в том же направлении, куда шел Мэтт. Теперь мой план предусматривал парковку где-то у него за спиной. И я могла лишь надеяться, что ему не придет в голову случайно обернуться. К счастью, транспортный поток на главной улице был плотным, и мой автомобиль тоже едва полз вперед. Вскоре Мэтт исчез за углом улицы в ста ярдах от меня. Я посмотрела на навигатор: та дорога вела прямо к каналу.

Добравшись до улицы, вдоль которой направился Мэтт, я снова могла

видеть его, беззаботно шагавшим дальше, словно ничто на свете его не волновало. Он скинул с себя пиджак и перебросил его через плечо. Выглядел он типичным молодым человеком, возвращавшимся домой после рабочего дня. Я поспешила свернуть в ту же улицу и нашла место для стоянки у тротуара на расстоянии позади него.

Мэтт миновал примерно сто ярдов, а я опустилась ниже на сиденье и наблюдала за ним, затаив дыхание. Он ни разу не оглянулся, явно не догадываясь, что за ним следят. Я знала: Мэтт никогда не обращал внимания на окружающих его людей. Раньше, если мы вдвоем отправлялись за покупками и разделялись, чтобы зайти в разные магазины, я всегда заканчивала раньше и принималась искать его, а потом могла идти следом за ним, а он не замечал. Со мной такие номера не проходили. Я принадлежала к той категории людей, которые всегда смотрят по сторонам, даже если им ничто не угрожает.

Поравнявшись с домом, обнесенным черной кованой оградой, Мэтт повернул налево к будке привратника. Я проехала чуть дальше, чтобы было удобнее продолжать наблюдение. Ворота были открыты. У будки он не задержался ни на секунду, а прошел прямо во двор. Я приблизилась, крепко вцепившись в руль.

Здание представляло собой один из бывших складов у канала, возведенных в викторианскую эпоху, а в последнюю пару десятилетий превращенных в жилые дома. Однажды мы гостили в таком, находившемся около ливерпульского порта, – сплошной кирпич, арки и высокие сводчатые потолки. Апартаменты там принадлежали одной из подруг Кэти, пригласившей нас на празднование своего тридцатилетия. Мне запомнился наш с Мэттом разговор по дороге домой. Он просто влюбился в тот дом и готов был часами восторгаться им, тем, как, сменив его функцию, архитекторы мастерски сумели сохранить высочайшее качество конструкции. Мне настолько тогда надоели его разглагольствования, что я посоветовала ему перебраться в такой же дом, если он пришелся ему по душе. Похоже, Мэтт все-таки внял моему совету, хотя, конечно, это здание находилось в достаточно запущенном состоянии в сравнении с тем, где мы побывали прежде. Объявление «Сдается» висело на многих окнах, а вдоль стены стоял в виде опоры ряд ящиков, наполненных щебнем.

Я проехала еще чуть дальше по улице, не приближаясь к дому настолько, чтобы бросаться в глаза его обитателям, но мне самой открылся хороший вид. Через пару минут свет загорелся в одном из окон третьего этажа, над высокой аркой посреди фасада. Я различала силуэт фигуры, двигавшейся по комнате. Мужской фигуры. Вскоре свет погас, а мужчина

вышел на небольшой балкон.

Это был Мэтт.

Я опустилась на сиденье, чтобы он не заметил меня.

Стоя на балконе, Мэтт расстегнул пуговицы сорочки, а потом вернулся в комнату, оставив окна распахнутыми. Интерьер скрывали тонкие портьеры. Я ждала, что произойдет дальше. Через десять минут он вышел с кружкой в руке. Чай, догадалась я. Теперь Мэтт был в простой футболке и джинсах. Волосы он не высушил после душа.

Я смотрела на него, вспоминая день нашего знакомства. В первый же вечер мы побежали на пляж после долгого и утомительного перелета. Мэтт широко раскинул руки под легким морским ветерком, а потом повернулся ко мне и рассмеялся, и я видела, как все накопившееся в нем напряжение исчезло. И выглядел он, как сейчас: молодой, смуглый и совершенно расслабленный.

Мэтт простоял на балконе достаточно долго, попивая чай и глядя в сторону канала. Наконец он вернулся в комнату. Мне захотелось вбежать в дом, но я сдержалась. Наблюдала за балконом еще минут десять, но Мэтт больше не выходил на него.

Глава 49

Дома в ночной тишине я думала о Мэтте и его новом жилище. Как он, наверное, предвкушал переезд, заранее внося залог домовладельцу. У меня начинала болеть голова, когда я представляла, как Мэтт осматривает квартиру, торгуется из-за арендной платы, сообщает дату своего заселения, – и ни о чем этом я не знала. Вспоминала, как он возвращался домой, рассказывал мне о своем рабочем дне, но умалчивал о том, что уже готовил себе другое пристанище рядом с каналом в Манчестере.

Телефон звонил несколько раз, когда я уже лежала в постели. Первой позвонила мама. Я с трудом выдерживала ее расспросы после недавнего визита к ней, хотя понимала, что в первую очередь мне самой следовало поинтересоваться, все ли в порядке у нее, не случилось ли чего-то плохого. Нужно было выяснить, что ей наговорил отец после моего отъезда. Рассказывать маме о том, как нашла Мэтта, я не стала. Она посоветовала бы мне сначала написать ему письмо, прежде чем отправляться туда.

Я всю жизнь считала, что мама плохо понимает меня. Но во время последней встречи почувствовала: она знает меня гораздо лучше, чем я предполагала. Лучше, чем мне самой хотелось бы. Я старалась не вспоминать ее взгляд, когда я плакала. Она знала гораздо больше, чем рассказывала мне. Именно поэтому мне какое-то время не нужно видеться с ней. Я не в состоянии была бы выносить выражение ее лица. И на ее звонок я не ответила. Пусть оставит мне сообщение. Прислушаю завтра после того, как поговорю с Мэттом.

Потом со мной снова попытался связаться Сэм. Сначала позвонил, затем прислал текст с тщательно подобранными словами:

Ханна, мне необходимо с тобой поговорить. Отдел кадров готовит тебе еще одно электронное письмо. Не могла бы ты позвонить мне, когда прочитаешь его?

О том, что на мой компьютерный почтовый ящик пришло новое письмо, я узнала по сигналу в телефоне, когда ехала из Манчестера. Но, поняв, что отправлено оно отделом кадров, я проигнорировала послание. Конечно, я знала: удалять его непрочитанным не следует, но и ознакомиться с содержанием не решалась. Если бы мне удалось вообще не думать о работе, а сосредоточиться на мизерной надежде на возвращение

Мэтта, тогда я еще была бы в состоянии кое-как держаться. Стоит мне начать размышлять над тем, что случилось в последнее время, и я действительно сойду с ума. Вот вернется Мэтт домой, тогда все станет на свои места.

Кэти продолжала мне звонить несколько минут. Она хорошо меня знала. Не приняв звонок, я не буду прослушивать голосовое сообщение тоже, и потому подруга проявляла настойчивость. И надоела мне. Но недостаточно, чтобы я решила поговорить с ней. После чего атаковала меня текстами:

Привет, Ханна! Чем ты сегодня целый день занималась?

Привет, всего лишь хотела узнать, как у тебя дела? Ты уже записалась на прием к врачу?

Привет! Ты позвонила в отдел кадров, чтобы рассказать им о своей беременности?

И так продолжалось до бесконечности. Я даже не представляла, какой настырной может быть моя подруга. Мне бы давно надоело отправлять сообщения в таких количествах без всякого результата. Но меня переполняла решимость не давать ей ответ ни на один из вопросов. С Кэти я тоже поговорю в следующий раз, только уже встретившись с Мэттом.

Если бы любой из них – Кэти, Джеймс, Сэм, моя мать – узнал о моем намерении встретиться завтра с Мэттом, они бы в один голос завопили, что мне ни в коем случае не следует так поступать. Это я прекрасно понимала, все-таки уже научившись немного разбираться в людях. Но к ним мои планы не имели никакого отношения. Хотя бы что-то должно было оставаться моим сугубо личным делом. Когда Мэтт вернется, у меня будет время рассказать им, при каких обстоятельствах это произошло. Порой в мечтах я представляла, как собираю их вечером у себя, не предупредив о его возвращении. Мне особенно нравилось воображать выражение их лиц, когда они увидят Мэтта на прежнем месте. Дома. Рядом со мной.

И мне вовсе не хотелось ничьей помощи для его возвращения. Все должно было оставаться между мною и им. Как бывало прежде.

Зазвонил городской телефон. Я выругалась. Наверняка это Кэти, оставившая попытки пробиться ко мне через мобильник, решила, что уж к городскому аппарату я подойду непременно. Я взглянула на определитель номера. И замерла. Я узнала этот номер! Сама записала, когда Джеймс продиктовал его Кэти через день после ухода Мэтта. Он все еще оставался

на одном из моих листочков, и время от времени я пробовала набирать его наудачу. Это был старый номер мобильного телефона Мэтта, которым он пользовался, пока жил со мной.

Руки снова начали трястись, а ладони покрылись по́том.

– Алло!

Тишина.

– Мэтт? Это ты?

Молчание. Я с силой прижала телефон к уху.

– С тобой все в порядке? – Я перешла на крик. – Мэтт! Не молчи! Скажи мне что-нибудь, умоляю!

На этом звонок оборвался, и я могла слышать лишь короткие гудки. Я легла на постель, и слезы заструились по моему лицу. Через несколько минут я сама попыталась перезвонить по тому же номеру, но механический голос произнес: «Данный номер больше не обслуживается». Я нахмурилась. Как же он мог позвонить мне с номера, который уже не значился в телефонной сети? Взяв с прикроватного столика айпад, я вошла в Интернет и сумела только выяснить, каким образом заблокировать чьи-либо звонки. Но мне не нужно было блокировать его. Я преследовала совершенно противоположную цель!

Телефон зазвонил вновь. Тот же номер.

– Алло!

Молчание.

– Мэтт, как ты можешь пользоваться этим номером?

Он не ответил, но на сей раз до меня донесся легкий звук. Вероятно, его дыхание. У меня мурашки пробежали по коже. Я плотно прижала трубку к уху. Да, я определенно слышала его дыхание.

– Мэтт? Я знаю, что это ты! Скажи что-нибудь!

Ответа по-прежнему не было, но дыхание стало чуть тяжелее.

– Прекрати вести себя как последний извращенец, который ловит кайф, пугая женщин! – крикнула я. – Ты мне позвонил, так говори же!

При звуке гудков, раздавшихся, когда он положил трубку, я завопила от злости и швырнула свой телефон через всю кровать.

Потом я постаралась уснуть, но не могла перестать думать о том, как завтра встречу с ним и прямо спрошу, какого дьявола он играет со мной в подобные игры. Ясно же, ему хотелось увидаться со мной. Иначе зачем понадобились звонки? Скучал ли Мэтт по мне? Может, сам лежал сейчас в постели, жалея, что меня нет рядом, страдая от разлуки со мной?

Когда телефон зазвонил в третий раз, я уже дремала, и мне пришлось протереть глаза, чтобы убедиться: номер тот же. Его номер.

– Алло!

Снова молчание, но теперь я уловила другие звуки. Уже не дыхание. Я слышала музыку. Напрягла слух. Что это? Мелодия показалась знакомой.

– Мэтт? Что это за песня?

Ответа не последовало. Но зато я слышала музыку гораздо отчетливее: «Ты потерял способность любить». И пока песня звучала, я воображала Мэтта в своей кровати, и мы оба слушали музыку. Мне невольно вспомнились те времена, когда он жил еще в Лондоне, а я в Ливерпуле, и мы часами разговаривали по телефону. Иногда фоном к беседе мы одновременно включали одну и ту же мелодию, выкрикнув: «Начали!», чтобы синхронизировать воспроизведение. А порой прекращали разговор и, лежа в постелях, просто слушали музыку, постепенно засыпая под нее и под звуки дыхания друг друга. Как же я любила такие вечера! Эту близость, возникавшую вопреки разделявшему нас расстоянию! И эта песня сейчас настолько живо возродила это ощущение, что слезы все струились и струились по моему лицу, хотя плакала я беззвучно.

Песня закончилась, и воцарилась тишина. Я подумала, что он намеренно сдерживает дыхание, собираясь наконец заговорить, но затем раздался щелчок, и связь оборвалась. Я сделала еще одну попытку перезвонить Мэтту. Набирала номер снова и снова. Мне хотелось сказать, что я по-прежнему очень люблю его, как любила всегда. А еще собиралась предупредить, что мы завтра встретимся. Но линия не работала. Мне некому было излить свои чувства.

Глава 50

В ту ночь я плохо спала. Мне снился Мэтт, и во сне я очень злилась на него, кричала. Часто просыпалась, задыхаясь и обильно потея, а затем почти сразу возвращалась в тот же сон. Проснувшись я рано, но сон не рассеялся, как это случается обычно, а словно продолжался в моем сознании, и потому, несмотря на возбуждение по поводу предстоявших в этот день событий, голова у меня раскалывалась.

Я вскочила с кровати и надела тренировочный костюм. Мне была необходима пробежка, чтобы избавиться от навязчивого кошмара и заранее спланировать свои действия в наступивший день. Положив ключ и мобильный телефон в карман, я тихо закрыла за собой входную дверь. На тротуаре немного постояла, стараясь выровнять дыхание. Соседние дома все еще были погружены в темноту. Но вот в спальне Шейлы и Рэя штора слегка дернулась, а потом Шейла раздвинула ее и встала у окна, глядя на улицу.

Я вздрогнула. У окна гостиной, расположенной как раз под спальней, стоял Рэй. Причем он прижался к стене у окна и выглядывал наружу украдкой. Я едва заметила его, притаившегося в глубокой тени. Наблюдал он за мной. Я подняла голову. Шейла все еще была на том же месте. Заметив мой взгляд, она робко помахала мне рукой. Постояла еще немного и скрылась в глубине комнаты. Я посмотрела на окно гостиной. Рэй тоже пропал.

По-прежнему ощущая дискомфорт, я побежала вдоль улицы, спиной чувствуя на себе их взгляды. Вспомнился текст: «Получила удовольствие от пробежки?» И только сейчас до меня дошло, что я не знала номеров мобильных телефонов Шейлы и Рэя, хотя дала им свой давно, когда мы вместе с Мэттом уезжали в отпуск. Неужели они постоянно следили за мной? Я почему-то сразу решила, что только Мэтт мог оказаться у реки, тайно наблюдая за моей пробежкой. Надеялась, что он скучает по мне. И мысль, что это Рэй или Шейла могли снимать мой бег на видео, пугала меня. Но зачем? Разумеется, это сделали не они. Для чего им наблюдать, как я бегу вдоль реки?

По-настоящему расслабиться мне было трудно, поскольку приходилось считаться с возможностью слежки за собой, и к концу пробежки я очень устала. Особенно сильно ныли плечи. Нужно будет начать посещать массажный салон, подумала я. Пока Мэтт жил со мной,

услуги массажиста мне не требовались. Он сам умел так растирать мое тело, что боль или перенапряжение сразу исчезали.

Вспомнились дни нашего раннего знакомства, когда Мэтт садился поверх меня на кровати, расставив колени, и массировал мне плечи и спину. Блаженство! Эти дни обязательно вернутся, надеялась я. Пройдет совсем немного времени, и он снова окажется дома, вернется на прежнюю работу, и все потечет по прежнему руслу. Да, вероятно, какое-то время ему еще придется ездить в манчестерскую фирму, но должна же старая компания принять его обратно! Конечно, трудно что-либо предсказывать, но ведь у Мэтта там отличная репутация. Может, придется подождать немного, но ожидание в конечном счете оправдывает себя.

Вернувшись домой с пробежки, я поняла, что у меня еще достаточно много времени, которое нужно чем-то занять. Наверняка Мэтт вернется в свою новую квартиру примерно в тот же час, как накануне. Я огляделась по сторонам и заметила, что мой дом давно нуждается в основательной уборке. Усталость как рукой сняло. И я провела пару часов за мытьем и чисткой с каким-то яростным усердием. Если он решит вернуться домой вместе со мной сегодня же, все должно выглядеть безукоризненно. Я натерла мастикой и отполировала полы, пропылесосила ковры, помыла окна и протерла пыль с каждой деревянной поверхности, причем проделала все тщательно.

Кухню я оставила напоследок, и когда взялась за нее, остальное в доме смотрелось безупречно чистым и опрятным. Встав на пороге кухни, однако, я испытала нечто сродни испугу. Мои листочки висели повсюду, буквально оккупировав помещение. Мебель покрывали надписи красным фломастером. Даже мраморный «островок» превратился в мешанину из бумажек, исписанных красными и черными чернилами, поскольку стал для меня излюбленным местом, где я сидела ночами, делая все новые и новые памятные записки, адресованные самой себе.

Кухня одновременно могла служить наилучшим подтверждением факта, что после ухода Мэтта я перестала нормально питаться. На столах лежали груды пустых коробок из-под пиццы рядом с многочисленными пакетами и контейнерами, в которых доставляли заказы из ресторанов. В раковине громоздились грязные тарелки, бокалы и столовые приборы. Я была настолько одержима поисками Мэтта, что решила: у меня есть время только на что-то одно — либо поесть, либо навести порядок в кухне. Естественно, еда оказалась важнее. А кто бы на моем месте поступил иначе? Но кухня была грязная, и мне пришлось нехотя признать это. Я уже не помнила, когда в последний раз выносила мусор из корзины, а в придачу

к нему уже доверху были забиты всякой всячиной два мусорных мешка. Над мусором громко жужжали две крупных мухи. Я разыскала в шкафу баллончик со средством против насекомых и опрыскала им все вокруг.

Зато остальное в доме сияло чистотой и красотой. В то утро я успела сходить в супермаркет, где купила огромные свечи, причем в каждой имелось сразу несколько фитилей. К этому я добавила пышные букеты летних цветов. Свечи я установила в холле, часть поместила в камин гостиной, другие – на поверхности журнального столика и на книжных полках. Аромат роз и лилий наполнил воздух, а в сочетании с приятным запахом мастики для полов в комнате воцарилась теплая и даже праздничная атмосфера. Мне не терпелось поскорее показать все это Мэтту.

Я вернулась в кухню и посмотрела на часы. Времени у меня почти не оставалось. Но тут мне пришло в голову, что если гостиная и спальня напомнят Мэтту о том, какой у нас с ним уютный дом, то кухня продемонстрирует ему всю глубину моих страданий в период его отсутствия.

А ему необходимо было понять это. Увидеть своими глазами. Не стоило от него ничего прятать. Пусть прочитает мои заметки, оценит проделанную мной работу, чтобы прочувствовал, через что заставил меня пройти. Я даже представила выражение его лица, когда такое зрелище откроется перед ним.

Закрыв кухонную дверь, я вышла на улицу и села в машину, прежде чем Шейла или Рэй заметили меня.

На мне была та же одежда, которую я надевала вчера. Теперь этот наряд стал для меня талисманом, приносящим удачу. Я и ночь провела, не осмелившись даже раздеться, словно фортуна могла вдруг отвернуться от меня. Рисковать я не имела права.

Глава 51

Я не успела проделать и половины пути, как мой телефон стал издавать сигналы о поступившем сообщении. Пришлось остановиться у обочины и перерыть всю сумку, чтобы найти его. Я посмотрела на дисплей, надеясь, что текст мне прислали не с работы. Его я уж точно не собиралась сейчас читать. Сообщение было от отца:

Вчера вечером за ужином случайно встретил Алекса Хьюза. Он сообщил, что тебя отстранили от работы. Неужели не понимаешь, в какое неловкое положение поставила меня? Мне стыдно. Ты приносишь одни неприятности.

Меня мгновенно охватила паника, стало трудно дышать. Я словно опять стояла перед отцом навтыжку. А он хотел в очередной раз призвать меня к порядку. К своему порядку. Напомнить, кто в доме хозяин. Разве я могла забыть его поведение позапрошлым вечером? Вот что должно было стать моим приоритетом сейчас, а вовсе не Мэтт! На время забыв о Мэтте, я позвонила отцу. Но нарвалась на автоответчик и поняла, что он игнорирует меня. Я попыталась что-то сказать, но не смогла. Отменила вызов и отправила текст. Пальцы не попадали по нужным кнопкам, и мне приходилось удалять часть сообщения, чтобы переписать заново.

Папа, я искренне сожалею о случившемся. Мне нужно с тобой поговорить. Не мог бы ты позвонить мне?

Потом несколько минут ждала, закрыв глаза и представляя образ своей бывшей преподавательницы, ее лицо – ласковое и доброе. Она шептала мне подсказки, и я дышала – вдох и выдох, – как она показывала мне. И это сработало. Я открыла глаза. Прошло пять минут, но ответа от отца не было. Если бы он хотел позвонить, то сделал бы это сразу. На всякий случай я оставила телефон на пассажирском сиденье и завела двигатель.

Уже на полпути к Манчестеру мой телефон подал сигнал. Я ехала на приличной скорости, стараясь обогнать тяжелые грузовики, норовившие занять полосу передо мной. Думая, что на связь снова вышел отец, свернула на стоянку, как только добралась до супермаркета «Сэйнсьерис», расположенного неподалеку от шоссе. Сообщение пришло с телефона

Мэтта.

На дисплее высветилось мое фото в супермаркете этим утром. Тележка была наполнена свечами, вином и пивом, клубникой и сыром бри, сверху лежали две огромные охапки цветов. Я тянулась к бутылке французского вина, которое особенно нравилось Мэтту. Она стояла на самой верхней полке, и блузка на мне задралась, обнажив живот и демонстрируя, как сильно я похудела. Я присмотрелась внимательнее. Раньше я не сбрасывала так много веса, даже когда в восемнадцатилетнем возрасте отравилась чем-то в Австралии и за несколько недель похудела на двадцать фунтов. Я бросила взгляд на себя в зеркальце заднего обзора и увидела синяки под глазами и запавшие щеки.

Сколько же телефонов у Мэтта? И почему в супермаркете он не подошел ко мне? Зачем столько сложностей, чтобы послать фотографию? Постаралась вспомнить, в котором часу я побывала в том магазине. Мэтт должен был предупредить коллег, что выезжает на инспекцию строительного объекта, чтобы оказаться там одновременно со мной.

В этот момент мой взгляд упал на часы приборного щитка, и я поспешила выехать со стоянки. Мне показалось, будто я провела там несколько секунд, но прошло двадцать минут. На сей раз навигатор не потребовался, и я без проблем добралась до дома Мэтта. Проехала мимо главного входа и припарковалась в боковом переулке в самом конце квартала. Затем пешком вернулась к зданию, гадая, не столкнусь ли с Мэттом лицом к лицу, и пытаюсь представить его реакцию, когда он увидит меня. Он явно желал меня видеть, если звонил, но, может, как и я сама, хотел оставить инициативу за собой. В будке при входе во двор по-прежнему никто не дежурил, и я подумала: надо посоветовать Мэтту пожаловаться на подобную небрежность со стороны домовладельца.

Подойдя к двери, я сообразила, что не смогу попасть внутрь, не зная кода замка, и мне пришлось кружить по периметру двора, пока я не заметила, как из другого выхода появилась молодая пара. Я бросилась к ним, улыбнулась, пробормотала слова благодарности и успела войти, прежде чем дверь захлопнулась.

Я потратила много времени, чтобы отыскать квартиру Мэтта. Дом оказался огромным, с фонтаном во внутреннем дворике. Некоторые двери коридоров тоже снабдили кодовыми замками, но большинство все равно стояли нараспашку, подпертые огнетушителями, что тоже было нарушением правил противопожарной безопасности. Я знала, насколько раздражали Мэтта такого рода вещи, но для меня это сильно облегчало

перемещение по зданию. Я продолжила свой путь вверх по лестнице и вдоль нескольких коридоров, пока не убедилась, что обнаружила то, что искала. Это была единственная квартира на этаже, не имевшая таблички с именем жильца, и он не смог бы при всем желании дать мне лучшей подсказки.

Я оказалась там в 16.15. Позднее, чем рассчитывала, но по царившей за дверью тишине сообразила, что все равно опередила Мэтта. И мне ничего не оставалось, кроме как стоять и ждать.

Я прождала два часа в небольшой нише рядом с его дверью и уже начала опасаться, что он решил провести вечер где-то вне дома и мне придется опять вернуться сюда. Но вскоре до меня донесся шум поднимавшегося вверх лифта, и я поняла: это Мэтт. Затаив дыхание, слушала его шаги по коридору, звяканье связки ключей. Интересно, сохранил ли он брелок, лишь заменив на нем прежний ключ на новый?

Оказавшись рядом с нишей, где я стояла, Мэтт заметил меня и от изумления вздрогнул. Лицо мгновенно побледнело, а глаза чуть не вылезли из орбит. Он начал пятиться от меня, но я сделала шаг вперед и схватила его за руку.

– Здравствуй, Мэтт!

Глава 52

Я взяла из его руки ключи и отперла дверь. Потом повернулась, улыбнулась ему и дала войти внутрь первым. Мне хотелось быть уверенной, что Мэтт не попытается сбежать. Он тоже понимал это.

– Только после вас, – шутливо произнесла я и захлопнула дверь. Рядом с ней на стене висела стеклянная полка, куда я положила ключи.

Мэтт стоял неподвижно с побелевшим лицом и отвисшей челюстью. Адреналин бурлил у меня в венах, а голова кружилась, когда я осматривалась в комнате, но заметила почему-то только свет звезд на небе, отчетливо видных сквозь французские окна. Я оперлась о валик дивана и вцепилась в него, опасаясь упасть.

Гостиная оказалась просторной и обставленной мебелью, которую обычно сдают вместе с квартирой. Фото джазовых музыкантов украшали стены – те самые, что прежде висели у меня в холле. Телевизионная панель стояла на том же столике, хотя здесь экран уже не производил прежнего впечатления, как в моей гораздо более скромной по размерам комнате. Двери были открыты, и я заметила большой, серебристого цвета, холодильник и стеклянную душевую кабинку. Все еще не решаясь отойти от дивана, я продвинулась чуть вперед и поняла, что за одной из дверей располагается спальня. Там стояла двуспальная кровать и платяной шкаф, на ручке которого висел светло-коричневый замшевый пиджак, а внутри рядами стояли пластмассовые коробки, какие продавались в магазинах сети «Би и Кью» и всегда были к вашим услугам, пожелай вы сбежать от своей подружки, не предупредив о своем уходе. Кроме нас, в квартире никого больше не было. Не знаю, чего я ожидала, но меня этот факт мог только радовать.

Мэтт стоял неподвижно, словно впал в транс. Я всмотрелась в него, но он отвел взгляд, хотя я догадывалась, что его голова лихорадочно работает, обдумывая создавшуюся ситуацию. Я подошла к французским окнам, выходившим на небольшой балкон, где я видела Мэтта накануне. Распахнула их, и свежий вечерний воздух заполнил комнату. Бросив сумочку на пол, я повернулась к Мэтту.

– Вот так гораздо лучше, – промолвила я. – Наверное, мне следует поблагодарить тебя за телефонные звонки и за сообщения?

Он удивленно уставился на меня, а затем тряхнул головой, словно избавляясь от наваждения.

– Что? О чем ты? Извини, Ханна, но тебе нужно немедленно уйти отсюда.

– Уйти? – крикнула я, и Мэтт от испуга чуть не подпрыгнул на месте. – Что значит уйти?

Я сделала шаг к нему, и он отступил назад.

– Это мой дом, – сказал Мэтт. – И я не хочу твоего присутствия здесь.

– Честно говоря, мне безразлично, чего хочешь ты. Это мне необходимо узнать, почему ты меня бросил таким странным образом. – Я сделала еще шаг в его сторону и увидела, как он на секунду прикрыл глаза. – Почему ты сбежал, захватив с собой все свои вещи?

– Заметь, только свои вещи! – воскликнул Мэтт.

– Но вывез их, как вор, – продолжила я. – Унизив меня. Заставив меня выглядеть полнейшей идиоткой в глазах окружающих. Ты хотя бы имеешь представление, какие страдания причинил мне?

– Прости, в мои намерения не входило унижать тебя.

– Тогда почему ты так поступил? Почему просто исчез, а мне предоставил одной сходить дома с ума?

– Ханна, ты знаешь, почему я ушел. Ты это прекрасно знаешь.

– Что?

Мэтт отошел к окну.

– Прекрати! – крикнула я. – Я разговариваю с тобой, а ты в это время смотришь в окно!

– Извини, извини.

– И ведь ты не единственный, кто сбежал, верно?

Он, казалось, не понял меня.

– Я имею в виду твою матушку.

– Не надо впутывать сюда мою маму!

– Не впутывать ее? Почему же она провела с нами почти целый день в Рождество, но не обмолвилась ни словом о своих планах переезда? Как это понимать?

Мэтт молчал, и тем самым сильнее распалил мой гнев.

– Ну же! Почему?

Он вздохнул:

– Мама не хотела, чтобы ты знала, где она теперь живет.

– Отчего же? Откуда подобное нежелание раскрывать свое новое место жительства?

– Потому что она хотела, чтобы я ушел от тебя, и я тоже должен был подыскать для себя другое жилье. – Он произнес это так тихо, что мне пришлось напрягать слух, чтобы расслышать его.

– Ну и сука!

Мэтт вздрогнул.

– Хорошо, если тебе так хотелось уйти от меня, то зачем ты потом звонил мне и присылал сообщения?

– Что ты имеешь в виду?

– Твои тексты, обращенные ко мне, телефонные звонки, тайные визиты в мой дом. Неужели ты рассчитывал, что я не замечу твоих следов повсюду?

Мэтт покачал головой:

– Я не делал ничего...

– Только не лги мне! Ты являлся ко мне в дом, трогал мои вещи, присылал мне глупейшие сообщения на мобильный телефон! Ты старался всем этим свести меня с ума?

Мэтт так резко подался назад, что ударился спиной о стену.

– Ханна, я не делал ничего подобного, – сказал он. – Я не бывал дома... Ты понимаешь, что я имею в виду твой дом, не так ли? Я ни разу не побывал там с тех пор, как ушел.

– Отлично! – усмехнулась я. – Видимо, ты не думал, что я узнаю запах твоей туалетной воды. Ты меня совсем за дурачку держишь?

– Что? Какой туалетной воды?

– От Ральфа Лорена, – напомнила я. – «Поло». Той воды, которую я подарила тебе к Рождеству.

– Я не пользуюсь ей со времени ухода от тебя!

– Лжец!

Но в глубине души я обиделась, что он не пользовался туалетной водой, напоминавшей ему обо мне. Хотелось задать ему вопрос о цветах и о горячем чайнике, но теперь я заранее знала ответ. Мэтт сделает вид, будто не понимает смысла моих расспросов. Заставит почувствовать меня сумасшедшей. А я ведь сама уже не понимала, в здравом ли я рассудке. У меня так учащенно билось сердце, что казалось, его стук слышен и мне, и Мэтту, и я больше не могла выносить этого.

– Так почему же ты ушел? – тихо спросила я.

– Я должен был уйти, – ответил он, причем говорил так доброжелательно, что при других обстоятельствах я могла бы даже обмануться и поверить в его прежнюю любовь ко мне. – Тебе известно, почему я был вынужден оставить тебя.

Я заморгала:

– Нет.

Он посмотрел на меня так, словно не знал, верить мне или нет.

Немного помолчал, а потом ответил:

– Ханна, я думал, ты собираешься убить меня.

Глава 53

За семь месяцев до описываемых событий

Это было перед Новым годом и, как обычно, мы поссорились. Я ненавидела Рождество. Нынешнее не стало исключением. У нас стол ломился от деликатесов и напитков. Одежда стала мне тесна. У меня начались сильные головные боли, длившиеся порой с утра и до вечера. Я начала понимать, что мне придется умерить аппетит и есть гораздо меньше, а настроение эта мысль никак не улучшала. Кроме того, в течение нескольких дней мы оказались фактически заперты в четырех стенах из-за ненастной погоды, что тоже не способствовало смягчению ситуации.

В то утро мы встали поздно, с похмелья, и сытые праздниками по горло. Ветер на улице бушевал с такой силой, что уже несколько раз опрокидывал мусорные баки в проулке. Я настаивала, чтобы Мэтт перекатил их к нам в заднюю часть сада и поставил позади калитки, но он не прислушивался к моему мнению, возражая, что, если мусор вывалится из баков там, мы потом проблем не оберемся с крысами и лисами.

– Можно подумать, что убирать в проулке придется тебе! – бросил он мне через плечо, когда выходил на улицу для проверки во второй раз, и я прищурилась, понимая, что он нарывается на скандал.

Предыдущий вечер мы провели с Кэти и Джеймсом, пройдясь по нескольким пабам, а затем еще и заглянув к ним домой на шампанское и сэндвичи с беконом. Джеймс уже изрядно выпил и успел мне смертельно наскучить.

– Ему сейчас больше всего хочется лечь в постель и смотреть по телевизору салют, – шепнула мне Кэти.

В общем, это был один из тех вечеров, когда ты преисполнена решимости отлично провести время, но тебя уже ничто не способно развеселить. Мы толкались среди толп людей, пьяных до чертиков, и мне все это быстро надоело. И чем больше пила я сама, тем мне становилось хуже.

– Здесь негде даже присесть, – пожаловалась я в третьем пабе, куда мы зашли.

Кэти и Джеймс сумели все же пробиться к стойке бара, прикладывая огромные усилия, чтобы нас обслужили.

– Ты ноешь, как моя мамочка, – заявил Мэтт, глядя мне в лицо. – Она

талдычит, что именно поэтому перестала в последнее время ходить в пабы вообще.

Злость во мне вскипела мгновенно. Его матери уже перевалило за шестьдесят! Я же в тот вечер выглядела великолепно, и мне очень не понравилось сравнение с ней.

– А она вообще здесь при чем? – резко спросила я. – Оливия уже старуха!

– Не такая уж она и старая, – возразил Мэтт.

– Послушать ее речи, так она в маразме. Несет всякую чушь. – Его мать провела у нас рождественский день, и я до сих пор не могла прийти в себя после встречи с ней. – Если честно, то я хотела посоветовать тебе заставить ее провериться у доктора.

Мэтт побагровел:

– Что?

– Просто провериться, – повторила я громче. – У нее явно не все дома. Ей нужна консультация специалиста. Я еще никогда в жизни не проводила время так тоскливо, как с ней сегодня. – Я бросила на него раздраженный взгляд. – И не вздумай пригласить ее к нам в следующий раз!

Мэтт покачал головой:

– Она и сама не захочет к нам приехать.

– Что ты пытаешься мне сказать?

Но он молчал, глядя в пространство. Меня всегда выводила из себя его манера смотреть непонятно куда, и он прекрасно знал об этом.

– Я спросила, что ты имеешь в виду.

В этот момент к нам присоединились Кэти и Джеймс.

– Да, тесновато здесь сегодня, – произнес Джеймс. – Все в порядке, друзья?

– У нас все превосходно, – отозвалась я. – Только тут еще и очень шумно. Я не смогла толком расслышать, что говорил мне Мэтт.

– Я вообще ничего не говорил. – Мэтт отвернулся от меня.

На несколько минут воцарилось неловкое молчание, а потом Кэти сделала попытку возродить беседу рассказами о забавных происшествиях у себя на работе, и вскоре мы действительно уже потешались над одним недотепой, которого застукали на складе канцелярских товаров в паре с управляющим делами и со спущенными брюками.

Оказавшись в гостях у Кэти и Джеймса, мы прикладывали особые усилия, чтобы наше поведение казалось нормальным и мы якобы прекрасно ладили между собой, но я уже отчетливо ощущала, что Мэтт нарывается на ссору. В такси по пути домой он смотрел в окно и говорил

настолько мало, насколько мог себе позволить, не оскорбляя меня прямо. Я заметила, какие взгляды бросал на нас в зеркальце заднего обзора таксист, и догадывалась, какие ассоциации мы у него вызываем.

Следующее Рождество, думала я, мы проведем по-другому. Вот и прекрасно, что к нам больше не явится мать Мэтта. Мы отправимся в теплые края, может, на Ямайку, и там отлично проведем время без нее. Я посмотрела на Мэтта и заметила, как напряглась его нижняя челюсть, словно готовая к бою. И я решила вообще не разговаривать с ним, когда мы окажемся дома. Мэтт старался играть в такую же игру, но никогда не умел до конца соблюсти условий молчанки и обязательно задавал под конец какой-нибудь глупейший вопрос типа: «Мне закрыть дверь самому?» Хотя знал ответ заранее.

Потом мы лежали в постели спинами друг к другу, но не могли достаточно расслабиться, чтобы сразу заснуть. Вскоре я услышала, как дыхание Мэтта стало медленным и ровным, напряжение в мышцах спало, и он захрапел.

Все прежние обиды нахлынули на меня, неприятные воспоминания вернулись, и я не в состоянии была заснуть в ту ночь. Я перебирала эти обиды, тщательно и всесторонне анализировала, сознавая, как отвратительно Мэтт ведет себя со мной. И к утру уже была готова к новой ссоре.

Глава 54

2 января

Следующий день тоже выдался ненастным, с черными облаками в небе, грозившими в любую секунду пролиться дождем, и выходить из дома не хотелось совсем. Мы оба проснулись с головной болью, хотя ни он, ни я не желали признаваться в этом. А когда настало время завтракать, выяснилось, что у нас закончился хлеб. После небольшого спора, кому идти в магазин, отправиться туда пришлось Мэтту, но он изобразил такого мученика, что у меня пропала охота даже прикасаться к хлебу, когда он его все-таки принес. Разумеется, это привело его в самое мрачное расположение духа.

Завтра нам обоим предстояло отправляться на работу, и нужно было снять с елки украшения. Нельзя тянуть с этим до 6 января! Мы знали примету, что это непременно принесет в дом несчастье. Однако процесс уборки рождественской ели неизменно наводил на меня тоску. Я каждый раз думала, стоило ли вообще наряжать ее к празднику? Впрочем, мне нравилось предвкушать наступление Рождества, я любила момент выбора подходящей ели, установку и ее украшение, цветные гирлянды по всему дому, но как только праздник заканчивался, я погружалась в уныние, из которого трудно было потом выйти.

В тот день после обеда мы едва общались друг с другом и снимали игрушки порознь, хотя гораздо удобнее это делать вдвоем. Мне все же пришлось просить Мэтта о помощи, когда, стоя на стремянке, я ногой запуталась в длинной стеклянной гирлянде, и по лукавой ухмылке на его лице поняла, что он видел, как это происходило, но не предостерег меня.

Затем настало время уборки коробок на чердак, и чаша моего терпения переполнилась. Перед тем как мы собрались поднять все наверх, позвонила Оливия, и мне одной пришлось таскать к лестнице коробку за коробкой, с трудом справляясь с этой задачей. Причем, видя мои мучения, Мэтт несколько раз шептал: «Оставь! Я все перенесу сам через несколько минут». Услышав эту реплику трижды, я не выдержала и прошептала в ответ: «Слезь с чьего-то телефона. Тебе пора помочь мне!» Думаю, даже Оливии был слышен мой шепот, потому что Мэтт почти сразу сказал: «Я позвоню тебе завтра, мамочка», и я знала, знала наверняка: он позвонит ей с работы, и они с наслаждением перемоют мне все косточки.

Наконец нам удалось сначала поднять, а потом и откинуть люк чердака. Электричества там не было, и мне вовсе не улыбалась перспектива оказаться там первой. Меня пугала темнота. Мэтт прекрасно был осведомлен об этом, но все же настоял: «Забирайся наверх, положи на пол включенный фонарик, и я начну подавать тебе коробки».

Я окинула его таким взглядом, что он вздрогнул, и, хотя знал, до какой степени неправ, мгновенно нашел оправдание: «Что не так? Ты хочешь подавать коробки? Но они гораздо тяжелее, чем при простой переноске. Тебе не справиться».

Я злобно посмотрела на него и стала взбираться по ступенькам стремянки, сознавая, как много лишнего веса набрала за праздничным столом, понимая, что Мэтт с усмешкой разглядывает мою располневшую задницу, чтобы вспоминать в минуты уныния и поднимать себе настроение. И не желая давать ему такой возможности, я, уже стоя на верхней ступеньке, взбрыкнула ногой, угодив ему точно в подбородок. Первый удар всегда дается легко. Чтобы запомнил. Без предупреждения. Этот урок я усвоила хорошо.

– Какого черта ты творишь? – закричал Мэтт, пошатнувшись и выронив из рук коробку.

– Если из-за тебя хоть что-нибудь в этой коробке разбилось... – Я рассвирепела. – Подай мне ее, ну же! Подай ее!

Мэтт поднял коробку и потряс ее.

– Здесь нечему разбиваться! – дерзко заявил он. – Лишь гирлянда из светодиодов. Только и всего.

Я продолжала исходить злостью. Гирлянда, только и всего! Гирлянда, которую я отыскала в магазине и купила. Просто гирлянда, и мне пришлось водружать ее на елку и подключать тоже одной, поскольку он в тот вечер задержался и явился домой, дыша парами бренди. Пожелал прогуляться по заснеженному городу, не удосужившись хотя бы позвонить мне и сообщить, что вернется поздно. Теперь мой удар по его физиономии казался мне вполне заслуженным и достойным наказанием.

Когда на чердак забрались мы оба, я сказала:

– Впредь будь осторожнее с гирляндой, потому что она моя.

– Она и моя тоже, – возразил Мэтт своим резонерским тоном, который всегда выводил меня из себя и был, видимо, на такой эффект и рассчитан.

– Нет, не твоя! Она принадлежит только мне, потому что я ее купила.

– Но деньги на нее ты получила от меня. Или уже забыла?

Я скорчила гримасу, вспомнив, как накануне вечером Мэтт вручил мне пятьдесят фунтов на новые елочные украшения.

– Ты думаешь, что дал достаточно? Считаешь свою жалкую подачку серьезным вкладом, который хоть на что-то повлиял?

Он покраснел:

– С удовольствием дам тебе еще, Ханна.

– Как же! Ты слишком прижимист, вот в чем твоя проблема!

Я мысленно перечислила все счета, которые оплачивала, ипотеку, погашенную моим отцом. Потом приплюсовала расходы на продукты и даже на бензин, заправленный в машину, чтобы съездить за той же гирляндой. И у меня все снова вскипело внутри.

– Ты законченный эгоист, живущий здесь за мой счет! – заявила я.

Мэтт поморщился:

– Вовсе нет. Я рад помогать тебе деньгами. И даю тебе ровно столько, сколько ты просишь.

– Да, но это было уже четыре года назад! – выкрикнула я. – Ты ничего не слышал о такой штуке, как инфляция? А понятие экономического спада тебе знакомо? Ты, похоже, даже не подозреваешь, что я тебя субсидирую!

Он стоял с растерянным выражением лица.

– Я действительно не догадывался об этом, извини. Мы уладим денежные проблемы, как только спустимся отсюда. Ты всегда говорила, что денег достаточно, но если это не так, я дам столько, сколько требуется.

Но я не считала данную тему исчерпанной. Не хотела остановиться на этом.

– Вечно следишь за своими деньгами. Постоянно экономишь на всем. Зарабатываешь сдачей квартиры в Лондоне, пока живешь у меня. Расскажи, каково это: знать, что живешь на зарплату женщины? Причем женщины, с которой даже еще не вступил в законный брак.

И я с силой толкнула Мэтта. Он ударился головой о балку и вскрикнул. Его реакция показалась мне настолько неестественной и нарочитой, что я распалилась еще больше. Осветила балку фонариком и заметила торчавший из нее гвоздь, на конце которого теперь остался клочок его волос и кровь. Но откуда мне было знать про гвоздь? А Мэтт в свойственной ему манере искал у меня сочувствия и стонал, стоило мне посмотреть на него. Присел на корточки, продолжая ощупывать голову и нить.

– Зачем ты так поступила со мной? – воскликнул он. – И еще хочешь за меня замуж! С какой стати мне жениться на такой полоумной, как ты?

– Кто, я? Я полоумная? – И дала ему пинка под зад.

Ударила изо всех сил (если честно, у меня потом несколько дней болела нога). Но Мэтт больше не стал ни на что жаловаться. Распростерся на полу и разрыдался, как дитя малое. Я же смотрела на него сверху вниз,

не ощущая ничего, кроме презрения. Я выбралась с чердака и спустилась по стремянке, а затем убрала ее. Теперь, когда Мэтту придется спрыгнуть с высоты десять футов, у него хотя бы появится настоящий повод расплакаться.

Я решила уйти из дома, несмотря на ненастье, чтобы одной сходить в кино. Мне необходимо было отвлечься от мыслей об этом придурке.

Глава 55

Сегодняшний день

Я недоуменно уставилась на Мэтта.

– Ты часто била меня, и я боялся, что потеряешь контроль над своими действиями, – негромко сказал он, но я заметила, насколько напряженным оставалось его тело. Словно он чего-то ждал от меня. – Я не могу так жить.

– Как именно?

– В постоянном страхе. – От этих слов Мэтта кровь ударила мне в голову, и стало казаться, будто его голос плавает в комнате по воздуху, обвивая меня. – В непрерывном страхе.

– Но я... – Я замолчала, не зная, что ответить. Во рту пересохло, язык стал будто пергаментным, а глаза даже заболели от пристального взгляда на Мэтта. – Но ведь я... Я никогда...

– Я понимал, что часто ты сама не осознавала, что делаешь, – произнес он. – В этом-то и проблема. Но, увы, я не в состоянии помочь тебе справиться с этим.

У меня сложилось впечатление, что пол подо мной превратился в болото, готовое поглотить меня целиком. Я легла на диван, обхватив голову руками.

– Прости меня, умоляю, – прошептала я. – Мне очень жаль, что так получилось.

И извинялась я перед ним уже не в первый раз, постоянно чувствуя себя все более несчастной и виноватой.

Мэтт осторожно опустился на диван, стоявший напротив.

– Да, потом ты сожалеешь.

Он не произнес: «Всегда сожалеешь», но я понимала – именно это он имеет в виду.

– Пожалуйста, обратись за профессиональной помощью, Ханна, – посоветовал Мэтт.

Эта интонация неизменно звучала в его голосе, когда между нами возникал подобный разговор. Разница заключалась в том, что сейчас я не бросилась сразу возражать. Обычно подобные фразы возбуждали во мне злобу, и я начинала кричать, о какой еще помощи он ведет речь, к какому специалисту мне следовало, по его мнению, обратиться. Наконец-то я уловила истинный смысл сказанного им, усвоила смысл его предложения.

Мэтт прав. Я действительно нуждалась в помощи.

– Ты постоянно озлоблена и раздражена, – добавил он. – Все время на грани срыва.

Он прав. Я действительно готова была взорваться в любой момент, держалась настороженно, чтобы никто не посмел обойти меня хоть в чем-нибудь, нанести удар в спину, забрать нечто, уже мне принадлежавшее, или то, чего я желала. Я не умела расслабляться. Находилась в оборонительной, защитной стойке. И была такой с детства, хотя не понимала, почему это со мной происходит.

Наверное, впервые до меня дошло, насколько Мэтт прав. А в прошлом я лишь бормотала формальные извинения, лишь бы заставить его заткнуться и поскорее забыть о моей очередной выходке. И если он больше не заводил о ней речь, мне не составляло труда самой выкинуть все из головы. Но стоило ему опять упомянуть о моем проступке, спросить, почему мне нравится причинять ему боль и постоянно ссориться с ним, как у меня мозги съезжали набекрень, и уже скоро следовал новый взрыв моего темперамента, еще более сильный, чем предыдущий.

Слезы навернулись мне на глаза.

– Ты совершенно прав, – сказала я после долгой паузы. – Сама не знаю, почему я такая.

– Но тебе помогут, – настойчиво произнес он. – Какие-то медикаменты, антидепрессанты или что-нибудь другое. Обязательно найдется средство.

Я подумала о своем доме, решив, что отныне он не может больше оставаться для меня святилищем. И работы у меня тоже уже нет. Я представила свою кухню, какой видела сегодня: грязь, переполненные мусором корзины, тарелки, не мытые уже месяцами. Подумала об одноразовой посуде, которую покупала, чтобы избежать необходимости в мытье, о ножах и вилках, сворованных в кафетерии на работе, когда у меня закончились чистые свои. Теперь все это громоздилось в раковине, на столе и на полках. И конечно же, о своих безумных записочках, висевших повсюду наряду с надписями фломастером на шкафах.

В этот момент просветления я тоже была согласна, что нуждаюсь в помощи. Осознавала: одной мне не справиться.

– Ты вернешься домой, Мэтт? – тихо спросила я. – Вернешься и поможешь мне?

Он старался избегать моего взгляда.

– Мне кажется, эту проблему ты должна решить самостоятельно, – ответил он.

– Но я не могу. – Слезы потекли по моим щекам. – Я не в силах справиться с собой. Вокруг меня воцарился хаос. Я вот-вот лишусь работы, а если это случится, мне не останется ничего, кроме как продать дом. И мне негде будет жить.

– Я дам денег, – сказал он. – Сумму, которая поможет тебе продержаться несколько месяцев. Или даже год. Не в деньгах суть проблемы. – Теперь он смотрел на меня прямо и открыто. – Но вернуться к тебе я не смогу, Ханна. Прости, но не смогу. Тебе необходимо научиться владеть собой без моей поддержки. Я же неизменно вызываю худшие проявления твоего характера, а это не нужно ни мне, ни тебе.

Мне очень хотелось больше не проявлять перед ним своей слабости, но внезапно я снова начала всхлипывать:

– Но ведь ты вызываешь и лучшие проявления моей натуры тоже!

Черты его лица на мгновение смягчились, и он даже улыбнулся.

– Да, помню, что в самом начале так оно и было. Мы стали прекрасной парой. Тогда мне нравилось в тебе все.

– А мне в тебе.

– Но потом... – продолжил Мэтт, хотя мне хотелось, чтобы он помнил только лучшие дни, проведенные со мной. – Но потом все изменилось, верно? Что бы я ни делал, все было плохо. Невольно закрадывалась мысль: ты ненавидишь меня, пусть и не устаешь твердить о своей любви. А скоро ты начала причинять мне уже физическую боль. И я больше не смог выносить такой жизни. Просто не смог.

Его слова звучали все увереннее, и я уловила это. Я видела перед собой того мужчину, каким был Мэтт при нашей первой встрече. Гордым и сильным, строгим, но справедливым. Таким я полюбила его, и сейчас, глядя на него, понимала, что люблю по-прежнему.

– Мэтт! – произнесла я, ненавидя мольбу в своем голосе, вынужденную демонстрацию слабости. – Обещаю стать другой. Обещаю обратиться за помощью к профессионалам. Я сразу позвоню своему врачу, а ты пойдешь со мной, и мы расскажем ей, какая я на самом деле.

Никогда в жизни не заходила я так далеко в своих обещаниях и, клянусь, заметила проблеск нерешительности в его глазах. Мэтт колебался, и это переполнило меня новой надеждой.

– Давай же, Мэтт! – воскликнула я. – Просто вернись домой.

Неожиданно я услышала звук ключа, проворачивавшегося в замке. Я повернулась, и мое движение напоминало замедленную съемку в кино, а потом столь же томительно долго открывалась дверь. Мэтт побледнел.

– Привет, Мэтт! Я сбежала с работы пораньше!

Это была Кэти. Она стояла на пороге, держа в руках сумку, какую обычно собирают, чтобы провести ночь вне дома.

Глава 56

– Привет, Кэти, – сказала я. – Проходи, располагайся. Чувствуй себя как дома.

Она замерла. На лице читались изумление, растерянность и ужас одновременно. У меня в голове шумело, когда я смотрела то на нее, то на Мэтта. И от меня не укрылся его радостный взгляд, который я видела прежде столько раз. Вот только обращен он был сейчас не на меня, а на Кэти. На мою лучшую подругу.

– Проходи же, – медленно повторила я.

Кэти вошла и закрыла за собой дверь. Мне показалось, что она быстро справилась с удивлением. Я подумала: не к такой ли прямой конфронтации со мной она в конечном счете и стремилась? Нарочито небрежно Кэти положила свои ключи рядом с ключами Мэтта на стеклянную полку у двери и направилась к нему, бросив сумку с вещами на пол. Она встала рядом с ним с видом матери, готовой в любой момент защитить свое чадо. Затем Кэти посмотрела на меня, и я вспомнила ее жесткий взгляд, когда я рассказала ей о своем романе с Джеймсом. А через несколько лет Кэти поставила меня в известность, что отныне с Джеймсом встречается она сама. На ее лице читались гордость за себя и беспредельная решительность.

– Привет, Ханна, – произнесла она. – Вот уж не ожидала встретить тебя здесь!

Спокойствие Кэти и то, как она стояла рядом с Мэттом, меня поразило. Я реагировала на нее буквально каждой клеточкой своей кожи. От кипящей в жилах крови у меня словно все тело запылало огнем, и я с трудом дышала.

– Могу сказать то же самое о тебе, – выдавила я, услышав, как слабо прозвучал мой голос. – С какой стати ты начала посещать дом моего мужчины?

– Вообще-то, он больше не твой, – усмехнулась Кэти. – И такая ситуация длится не первый месяц. Сколько времени уже прошло, Мэтт?

Он был бледный и напряженный. На лице проступили бисеринки пота, руки дрожали.

– Прошло... Прошло ровно три месяца, – пробормотал Мэтт.

– Так почему же ты здесь? – обратилась я к Кэти.

Я продолжала надеяться, что она ответит примерно так: случайно

столкнулась с ним пару недель назад, а сюда приехала просто поболтать или даже уговорить его вернуться ко мне. Мне это представлялось правдоподобным объяснением, которое облегчило бы положение для всех нас.

– А сама-то как думаешь, почему? – проговорила Кэти хладнокровно и уверенно. – Пораскинь мозгами, Ханна. И поймешь причину.

Я продолжала смотреть то на нее, то на Мэтта. Он стоял с испуганным видом, и я догадалась, что Кэти приходится проявлять силу своего характера, быть более психически устойчивой из них двоих. Она придвинулась к Мэтту, и их руки соприкоснулись. Кэти надела сегодня красивое платье на тонких бретельках, слишком легкое для только что наступившего лета. У нее покраснелись от возбуждения щеки, и такой привлекательной я не видела ее давно. Длинные блестящие прямые волосы обрамляли лицо, прикрывая обнаженные плечи. Рядом с ней Мэтт казался жалким. Он даже не мог держаться прямо. Создавалось впечатление, что у него подгибаются колени. Лицо стало мокрым от пота, а тонкие волосы спутались.

– Хотите знать, что я думаю? – спросила я, не отводя взгляда от Мэтта. – Все это время вы обманывали меня. – Мэтт, как я заметила, попытался что-то сказать и уже протер губы пальцами, но промолчал. – Вы водили меня за нос и обращались со мной как с последней идиоткой.

В комнате воцарилось молчание.

– А ты заслужила вот что! – Я сделала шаг назад, а потом резко подалась к Кэти и плюнула ей в лицо.

Она взвизгнула.

– И только-то? Больше ты ни на что не способна? – Кэти быстро совладала с эмоциями, вытерла лицо ладонью, а ладонь – подолом юбки.

– Ты дрянь, – негромко добавила я. – А ведь присылала мне сообщения каждый день, якобы волновалась за меня, спрашивала, нет ли новостей. И все это время встречалась с ним. Ты только притворялась моей лучшей подругой...

– Я действительно была твоей лучшей подругой!

Не сдержавшись, я приблизилась к ней и с силой влепила пощечину. Она совершенно не ожидала удара, и ее голова резко дернулась. Я знала, как больно ей будет завтра. Кэти попятилась, чуть не споткнувшись о подставку для ног, стоявшую рядом с диваном, а потом укрылась за ним. Но я вскочила на диван и вцепилась ей в волосы, потянув изо всех сил, а она кричала и тщетно старалась вырваться из моих рук.

Мэтт стоял посреди комнаты.

– Оставь ее в покое! – воскликнул он.

Я развернулась к нему так стремительно, что он едва успел перебраться за диван к Кэти.

– С чего бы мне оставлять ее в покое? Она изображала мою подругу. Названивала и присылала сообщения каждый день. – Я потянула Кэти за волосы вперед с такой силой, что опрокинула ее на диван. – Зачем ты это делала? Зачем кому-то вообще могло понадобиться так поступать со мной?

Кэти издала вопль и ухватила за меня. Я снова грубо дернула ее за волосы, а она вонзила острые ногти мне в руку. Почувствовав выступившую из-под кожи кровь, я в наказание опять потянула ее за волосы.

– Это я попросил ее! – вдруг сказал Мэтт. – Мне важно было знать, что тебе известно. Я боялся, что ты меня найдешь.

Я отпустила волосы Кэти и столкнула ее с дивана на пол. Она упала, вскрикнув.

– И я все-таки тебя нашла, – заявила я. – Была уверена, что непременно отыщу тебя. И ты сам в этом не сомневался, не так ли?

Он не ответил, но я снова заметила, как у него трясутся руки.

– Ты разрушил все, Мэтт, – продолжила я. – Абсолютно все. Ты не только вывез вещи из моего дома... Ты уничтожил все мои фотографии, электронные письма и сообщения.

Он молчал, пристально глядя на меня. Кэти застонала, и Мэтт шагнул к ней, но я крикнула:

– Не смей!

И ему ничего не оставалось, кроме как отойти к стене и опереться на нее спиной.

– Почему ты сделал это? – спросила я, приблизившись к нему.

Ворванные пряди волос Кэти прилипли к моим рукам, и мне пришлось вытереть ладони о джинсы, чтобы избавиться от них. Я слышала ее плач и стоны, но радовалась, что причинила ей мучения.

– Почему ты отнял у меня все?

Мэтт отодвинулся подальше вдоль стены, не сводя глаз с меня.

Я посмотрела на Кэти, все еще лежавшую на полу.

– Зачем ты сотворил со мной такое?

Мэтт облизывал пересохшие губы.

– Я хотел, чтобы у тебя не осталось от меня ничего, – наконец ответил он.

– Но ты все же кое-что оставил, верно? На чердаке.

Я увидела, как блеснули его глаза. В них читалось признание и...

Неужели триумф? Меня снова охватила ярость.

– Я гадал, заметишь ты или нет, – продолжил Мэтт. – Мог бы заранее знать, что непременно заметишь.

– Что именно она должна была заметить? – вдруг спросила Кэти. – Ты все-таки оставил ей что-то на память о себе?

Он ей не ответил, глядя мне в глаза.

– Что? – повторила вопрос Кэти.

– Что это было?

Я сделала шаг вперед:

– Почему бы тебе не рассказать ей?

Мэтт распрямил плечи.

– Волосы и кровь, – произнес он. – Мои волосы и моя кровь. После того, как она ударила меня после Рождества.

– Зачем же ты решил оставить мне это? – поинтересовалась я.

– Чтобы ты вспомнила, – ответил он. – И всегда помнила, что тогда натворила.

– Помнить, что я натворила? А ведь это ты завел интрижку на стороне!

– Никакой интрижки тогда еще не было. – Кэти поднялась, держась одной рукой за край дивана, а другой потирая голову. – В тот день я заехала проведать тебя. Но тебя не оказалось дома. Я застала Мэтта одного. С глубокой ссадиной, сильно болевшей.

– Вот именно, всего лишь с ссадиной, – ухмыльнулась я.

– А еще ему пришлось прыгать с чердака, – добавила Кэти. – Ты убрала лестницу, зная, как трудно ему будет спуститься вниз без нее. Он ударился головой о гвоздь, а ты вдобавок еще и сильно врезала ему по почкам. У него открылось обильное кровотечение. – В ее глазах читалось теперь презрение ко мне. – Какого дьявола ты делала? О чем думала, так с ним обращаясь?

На секунду я растерялась, но вскоре взяла себя в руки.

– Ты даже понятия не имеешь, через что приходилось проходить мне, пока я жила с ним!

– Однако ты хотела найти и вернуть Мэтта. Ты идиотка. Не ценила того, как тебе повезло с ним. Он был предан тебе, а ты постоянно пыталась причинить ему боль.

На мгновение я лишилась дара речи. Предан мне? Мэтт, который завел роман с Кэти? А потом я посмотрела на нее, на свою лучшую подругу, и внезапно все встало на свои места. До меня дошло то, что я упускала из виду.

– Ты ведь помогала ему? Ты находилась там в день его бегства и

помогала собирать вещи, которые он увез с собой?

– Да, я там была, – заявила Кэти.

– А ты просто жалкий тип, – бросила я Мэтту. – Даже сбежать не смог без посторонней помощи!

– Я хотела ему помочь, – продолжила Кэти. – Вызвалась добровольно. Мечтала, чтобы он поскорее избавился от тебя.

– И все следующую неделю ты провела с ним? Ни на какую конференцию не ездила?

Она лишь презрительно подняла брови.

– Но ведь ты еще в феврале объявила мне, что отправишься на конференцию! – крикнула я.

Кэти молчала, и я теперь понимала, что они все спланировали заранее. У меня горело лицо. Я представила, как Мэтт вывозит вещи из моего дома. Вот он спускает вниз по лестнице телевизор, а потом замечает следы, будто его никогда и не было. Вообще не существовало.

– Это ты перестелила постельное белье? – Почему я не догадалась раньше? – Он бы сам забыл о нем. Твоя идея?

Кэти посмотрела на Мэтта, но ничего не сказала.

– Тебе всегда хотелось обладать тем, что имела я. Сначала это был Джеймс. Затем Мэтт. Все происходило по одному сценарию!

Она побагровела:

– Ты встречалась с Джеймсом шесть месяцев, и с тех пор прошло много лет! Пятнадцать лет. Пора бы уже забыть об этом и прекратить упрекать меня.

Краем глаза я заметила, как Мэтт направился к окну.

– Что ты собрался делать? – спросила я.

Он повернулся ко мне лицом.

– Тебе пора уходить отсюда.

– Что?

Кэти подошла к Мэтту и встала с ним рядом.

– Да, Ханна. Твое время истекло.

Мои глаза начал заволакивать туман, что означало одно: Кэти и Мэтту следовало тщательно подбирать выражения в разговоре со мной.

– И только не надо пытаться разжалобить Мэтта рассказом о своей беременности, – усмехнулась Кэти.

Я машинально посмотрела на свой живот, выглядевший теперь почти запавшим. А я-то почти забыла о нем.

– Мы с тобой не занимались сексом очень давно перед тем, как я ушел от тебя, – произнес Мэтт.

Его голос подрагивал, и я догадалась, что ему хотелось убедить в этом Кэти.

– Значит, вот в чем он тебе уверяет? – спросила я у нее.

На мгновение на ее лице отразилась неуверенность, и я продолжила:

– Тогда спроси у него, что произошло в марте, когда мы вернулись из винного бара в Нью-Брайтоне. Нас тогда пригласили на его открытие. А вы с Джеймсом были заняты и не смогли пойти с нами. Помнишь?

Она посмотрела на Мэтта, он покраснел, и я поняла, что наступил момент моего торжества.

– Спроси его, что случилось после нашего возвращения домой! – воскликнула я. – Ну же! Спроси!

– В этом нет необходимости, – сказал Мэтт. – В то время мы с Кэти еще не сблизились. То есть мы были друзьями, но сошлись только на следующий день после этого.

На следующий же день! Он от меня отправился к ней, так получалось?

– Помнишь, Кэти? – проговорил Мэтт.

Она молча кивнула.

– В ту ночь, – продолжил он, – я понял, что мне необходимо расстаться с тобой. Прости меня, Ханна, но я люблю Кэти. И я не стал бы спать ни с кем другим, если бы уже успел полюбить ее.

– Значит... – Я уже не контролировала себя. – Значит, ты бросил меня ради нее?

– Нет, – покачал головой Мэтт. – Я бросил тебя, потому что ты постоянно причиняла мне боль. Да, порой я вызываю раздражение....

– Прекрати оправдываться! – перебила его Кэти. – Она не имела права избивать тебя, каким бы ни воспринимала!

Но ее фразу мы оба пропустили мимо ушей.

– Живя с тобой, я не мог быть самим собой, Ханна. По крайней мере, ближе к концу наших отношений. Постоянно сидел как на иголках. Я очень тебя любил, Ханна, но теперь все кончено. Я бы ушел от тебя в любом случае, но потом... Потом появилась Кэти.

– Мы собираемся пожениться, – вдруг заявила она.

Шум у меня в голове усилился, в ушах зазвенело. Я ничего не могла разглядеть вокруг себя. Посмотрела на Кэти, но увидела перед собой нечто размытое. Тряхнула головой, чтобы прийти в себя, но Кэти неверно истолковала мой жест.

– Да, мы поженимся, не сомневайся! – крикнула она.

Дымка у меня перед глазами рассеялась, я различала черты ее лица. Глаза злобно сверкали, а когда она вновь открыла свой лживый рот, я

видела только превосходные белые зубы и нежный розовый язычок, проколотый серебряным гвоздиком. Она ведь заставила меня пойти с собой, когда после Рождества ей вздумалось сделать себе пирсинг. Попросила держать себя за руку. Теперь я знала, ради кого она пошла на это.

– Потом мы заведем ребенка! – Кэти бросила взгляд на мой живот. – Настоящего ребенка.

– Знаете что? – сказала я. – С меня довольно ваших откровений.

Я подскочила к ней. Во всем моем теле ощущалась поразительная легкость, будто я вообще ничего не весила. Причем я добралась до нее так быстро, что она успела лишь попятиться и оказаться на балконе. Мэтт маячил у меня за спиной, стараясь схватить меня за руки, но я оттолкнула его от себя.

Набрав в легкие побольше воздуха, я сжала пальцы в кулак и нанесла Кэти удар по лицу. Я слышала, как треснула кость ее скулы. Голова Кэти откинулась. Мэтт бросился к ней, но я даже не обратила на него внимания. Неожиданно Кэти выпрямилась и снова повернулась ко мне лицом, а ее рот открылся. Она всегда стремилась оставить последнее слово за собой. То же самое отец говорил про мою маму. Эта черта ее характера буквально сводила его с ума, и гнев, переполнявший его, вероятно, в такие минуты, захлестнул сейчас и меня. На мгновение я ощутила, что я – это он, и как бы смотрела на все его глазами. И по моим жилам сейчас текла не моя, а его горячая кровь.

Чтобы не дать ей больше произнести ни слова, я толкнула ее, и она всем телом ударилась о металлическое ограждение балкона. А потом со мной случилось нечто странное. Я не различала фигуры Мэтта, хотя знала, что он тоже теперь стоит на балконе рядом с Кэти. Он был каким-то мутным пятном. Я даже штор не могла видеть, хотя они хлестали меня по рукам.

Я четко видела только Кэти.

Сблизившись с ней настолько, что могла ощущать ее горячее сладковатое дыхание, я ухватила ее за плечи и швырнула на балконное ограждение. С багровым лицом и ртом, кривившимся, чтобы изрыгнуть новые оскорбления в мой адрес, она ухватилась за металлические перила, пытаясь удержать равновесие. Но внезапно они зашатались, и у меня от страха замерло сердце. А когда зрение снова прояснилось, я заметила, как опоры перил оторвались от бетонного пола балкона.

Кэти еще успела посмотреть на меня, как можно крепче вцепившись в металл. Я подумала, что она тянется ко мне за помощью, и протянула руку,

чтобы ухватить ее. Но тянулась она к Мэтту. Ограда балкона повалилась назад, и рука Кэти лишь поймала воздух. Раздался ужасающий скрежет стали по бетону, когда перила оторвались, а я машинально отпрянула.

Мэтт бросился вперед, но опоздал.

– Кэти! – крикнул он. – Кэти!

Я видела выражение ужаса в ее глазах, когда она предприняла последнюю попытку удержаться на балконе, но затем у нее соскользнула с бетона нога, и она упала вниз.

Отчаянный вопль будто прорезал воздух, а потом раздался удар, от которого, как казалось, содрогнулось все здание. И наступила тишина.

О боже! Что я наделала?

Глава 57

Я попятилась с балкона в комнату, едва не опрокинувшись на диван. Глаза застилал туман, и я слышала только биение пульса в своих ушах. Поняв, что падаю, я вытянула руку и вцепилась в подлокотник кресла. Крепкая хватка помогла удержаться на ногах. Образ Кэти в момент падения мелькал перед моим мысленным взором, и я поспешила зажмуриться и избавиться от всех видений, кроме мельтешения звезд во мраке, окружившем меня.

Затем я открыла глаза и подняла голову. Мэтт молча смотрел на меня.

– Что же ты наделала? – наконец прошептал он. У него от ужаса расширились зрачки. – Ханна! Что, черт возьми, ты натворила?

– О чем ты? Она просто упала! Врезалась в ограждение балкона и сломала его!

Мэтт продолжал смотреть на меня, а потом бросился к двери.

– Нет! Не надо! – воскликнула я. – Мэтт, мне необходимо лишь...

Но я сама не знала, как закончить фразу. Он обернулся и крикнул:

– Держись от меня подальше!

Неожиданно нога зацепилась за ручку дорожной сумки Кэти, и он с грохотом рухнул на пол. Раздался треск кости, когда он виском угодил прямо в угол черного стеклянного стола, служившего подставкой под телевизор. Я хотела броситься к нему, но ноги отказались мне служить, и все, что мне удалось, это растянуться на полу рядом с ним. Ухватив его за плечи, я заорала:

– Мэтт! Мэтт!

Он даже не пошевелился. Я не знала, как правильно проверить наличие или отсутствие пульса. Мне никогда не приходилось делать это прежде. Я прикоснулась к его руке, но мои пальцы были скользкими от пота и дрожали так сильно, что я ничего не могла ими ощутить. Я дотронулась до его лица, до губ. Мэтт не двигался. Когда же попыталась развернуть его голову к себе, то увидела глубокую рану на виске и растекавшуюся по полу лужу крови.

О боже, он мертв!

Меня охватила паника, и я стала лихорадочно осматриваться по сторонам. Французские окна были распахнуты, шторы слегка колыхались на ветру. Даже отсюда я могла видеть, что ограждения балкона больше нет. Сумка Кэти валялась, словно обвив ручкой ногу Мэтта и как бы навсегда

привязав его к себе.

Моя сумочка лежала на полу рядом с диваном. Я перекинула ее через плечо и стала рыться внутри, проверяя свои ключи. Нужно было срочно убираться отсюда. Но руки так дрожали, что я едва удержала в них связку ключей.

Выглянула в коридор. Там не было никого.

Тихо закрыв за собой дверь, я стала спускаться по лестнице с той стороны здания, рядом с которой оставила машину. Сердце с силой билось о грудную клетку, пот лил ручьем. У меня подскочило давление, все расплывалось перед глазами, но тем не менее я обращала внимание на любую мелочь. Знала, что поблизости никого нет. В коридорах была тишина, на лестницах – ни души.

Дверь на улицу открылась, и меня буквально ударило волной теплого вечернего воздуха. Я постаралась изобразить спокойную и даже замедленную походку, направившись к проулку, где находился мой автомобиль, но ноги плохо подчинялись мне, и со стороны меня могли бы принять за пьяную. Пальцы соскользнули с ручки дверцы машины. В голове шумело, когда я все-таки сумела пристегнуться ремнем безопасности.

Что мне теперь делать? Мой возлюбленный. Моя лучшая подруга. Да, они предали меня, но как я могла бросить их там? Я полезла в сумку. Необходимо вызвать «Скорую помощь». Но стоило мне набрать цифру 9, как до меня издали донесся звук сирен, и я снова почти потеряла контроль над собой. Они ехали, чтобы арестовать меня!

Я завела мотор машины и выехала из проулка. Дважды выполнив повороты, оказалась на улице, тянувшейся параллельно фасаду здания, и остановилась в ее конце, глядя в ту сторону с вершины пологого холма. Небольшая группа людей уже собралась во дворе. Розовое платье Кэти разметалось по асфальту. Рядом с ней лежало сломанное ограждение балкона. Две женщины склонились над ней, встав на колени. Мужчина указывал на пустоту, зияющую на балконе Мэтта, и я понимала, через несколько минут будет обнаружен и его труп.

Я все еще не могла сообразить, как поступить. Отправиться домой и вести себя так, словно меня никогда здесь и не было? Или подъехать к тем людям и сообщить, что Мэтт тоже мертв? В гибели Кэти никаких сомнений быть не могло. Любопытные уже отошли от тела, и лишь одна женщина осталась рядом. Две совсем молоденькие девушки плакали, обнявшись.

Я сходила с ума от страха.

В салоне была удушающая жара, и я опустила стекла в окнах, с трудом

попадая пальцами по кнопкам. Звуки сирен раздавались теперь гораздо ближе, и от их завывания у меня снова сильно заколотилось сердце. Это заставило меня наконец принять решение. Я нажала на педаль акселератора и свернула вправо. Проехала какими-то узкими и неизвестными мне улицами, а через пару миль остановилась на берегу канала. Набережная оказалась пустынной. Я не видела на ней ни одной человеческой фигуры, ни единого автомобиля. Это было место, куда я прежде никогда бы не приехала, но, если честно, то в тот момент никто не представлял для меня большей опасности, чем я сама.

Сердце по-прежнему колотилось к груди так сильно, что я не могла сосредоточиться ни на чем. Посмотрелась в зеркальце заднего обзора и увидела свое лицо – бледное, с глубоко запавшими глазами. С выражением неопишуемого ужаса на нем. Мысли хаотично метались, когда я в отчаянии принялась размышлять, как мне поступить дальше. Я пробыла там больше часа, стараясь дышать размеренно. Вдох – выдох. Все медленнее и медленнее. Теперь уже стремление представить лицо своей учительницы стало для меня непереносимым. Ведь я постоянно рассказывала ей о насилии, которое вершил над нами мой отец, и вот в кого превратилась сама.

Мне хотелось скорее попасть домой и лечь в постель. Я жалела о невозможности перенестись во вчерашний день или, что было бы еще лучше, на полгода назад. В любое время, кроме нынешнего.

А потом до меня дошло. Что бы ни произошло потом, оно становилось неизбежным, как бы предписанным свыше. И никакие мои поступки уже ничего не могли изменить. Моя жизнь изменилась, и это тоже было предначертано судьбой. Я потеряла двоих самых близких людей или которых считала самыми близкими. И ничто не могло мне их вернуть. Я завела мотор и медленно двинулась дальше. Вскоре заметила выезд на шоссе и влилась в плотный транспортный поток.

Дорога домой оказалась сплошным кошмаром. Я все еще находилась в глубоком шоке. Держалась на крайней левой полосе, хотя мной владело желание двигаться как можно быстрее. И мне повсюду мерещились Мэтт и Кэти. В пассажирах, в толпах людей на автобусных остановках. Даже светлые волосы совсем маленькой девочки превращались в прическу Кэти. Красные автомобили как будто были окрашены кровью Мэтта. Я стремилась скорее попасть домой, но не знала, что произойдет, когда вернусь туда.

Странно, но меня все еще трясло от ярости при воспоминании о ссоре

с Кэти. Она была единственным человеком, кому, как я считала, можно полностью довериться. Я воспринимала нас с ней почти как сестер, и так же думала о нас она сама. Я с трудом могла припомнить хотя бы короткий период, когда Кэти не играла бы важнейшей роли в моей жизни. И тем не менее все то время, пока я разыскивала Мэтта, она вытягивала из меня информацию, чтобы каждый вечер делиться ею с ним. Кэти притворялась моей подругой. Предала меня. И простить ей этого я была не в состоянии даже сейчас.

С тех самых пор, когда нам исполнилось семнадцать и я начала встречаться с Джеймсом, ей постоянно хотелось завладеть тем, что принадлежало мне. Разумеется, она не могла успокоиться и стать по-настоящему счастливой, пока не сошлась с Джеймсом. Долгие годы она дожидалась этого! Складывалось впечатление, будто все, что имела я, приобретало в ее глазах дополнительную ценность. У нас на стенах в домах висели одинаковые картины, в гардеробах стояли одинаковые туфли, посуду купили тоже однотипную, и так вплоть до покрывал и диванных подушек. Порой мы с Мэттом от души веселились по этому поводу, но факт оставался фактом. Моя лучшая подруга неизменно тянулась к тому, что принадлежало мне.

Но чтобы она осмелилась подобным образом покуситься на Мэтта... Меня поразило, насколько расчетливой оказалась Кэти. Предала меня, не моргнув глазом. Возникало ощущение, что я их совсем не знала, не считая ни Мэтта, ни Кэти способными на такой грандиозный обман.

Прошло более двух часов после того, как я уехала от дома Мэтта, когда добралась до туннеля Кингсуэй, соединявшего Ливерпуль с Уирралом. На сей раз путь оказался свободен, и я проскочила на противоположную сторону без малейших проблем. И только выбралась из туннеля, встав на дорогу, ведущую к дому, когда мой телефон зазвонил. Я чуть головой не пробилла крышу машины от испуга.

На какое-то безумное мгновение я решила, будто это Кэти делает свой дежурный ежедневный звонок, интересуясь новостями. Остановившись на обочине, я стала рыться в сумке, разыскивая мобильник. На дисплее высветилось имя звонившего: Джеймс.

Я постаралась набрать в легкие побольше воздуха, но не сумела. Голова кружилась, перед глазами мелькали искры. Звонок оборвался, но почти сразу раздался повторный вызов. И на сей раз я успела ответить.

Держись естественно. Держись совершенно нормально.

– Ханна! – крикнул Джеймс. Судя по звуку в трубке, он сидел за рулем автомобиля. – Где ты сейчас, Ханна?

– Что? – Я принялась озираться по сторонам и заметила в отдалении красно-белую вывеску универсама «Теско». – Как раз собралась в «Теско», – ответила я.

– Ты ведешь машину? Тогда припаркуйся немедленно. У меня для тебя плохие новости.

У меня опять закружилась голова.

– Нет, я еще не веду машину, – пробормотала я.

– Это касается Кэти и Мэтта. – Джеймс говорил тихо и хрипло. Я догадалась, что он только что плакал.

У меня ком встал в горле, и я постаралась сглотнуть его.

– Что с ними такое? – выдавила я.

– Мне только что позвонил отец Кэти.

Я замерла. Я ведь старалась не думать о ее родителях. И мне по-прежнему было трудно говорить.

– Новости очень плохие, Ханна, – сказал Джеймс. – С Кэти произошел несчастный случай. Она упала с балкона.

И даже в тот момент, после всего, что я натворила, я могла думать только об одном: *«Господи, спасибо! Он не сказал, что с балкона ее толкнули»*.

– Но есть еще одно обстоятельство. – Я напряглась, зная, о чем пойдет речь. – Ее отец сказал, что она находилась дома у Мэтта.

– У Мэтта? То есть как?

– Не у вас дома. А в новой квартире Мэтта. Как я понял, он жил в последнее время в Манчестере.

Я промолчала.

– С Мэттом тоже произошло несчастье, – продолжил Джеймс. – Просто поверить не могу. С обоими одновременно!

Мне пришлось задать вопрос, хотя ответ я знала заранее:

– А с ним что стряслось?

– Пока неизвестно. Отец Кэти сообщил, что вроде Мэтт упал и расшиб себе голову. – У него дрогнул голос. – Представляешь, в каком состоянии сейчас отец Кэти?

Я хотела что-то сказать, но не могла себя заставить. Представила рыдающего отца Кэти и чувствовала, как будто у меня сердце вот-вот просто разорвется в груди.

– Я сам до сих пор не могу поверить в случившееся, – вздохнул Джеймс. – Ханна, по-моему, у них был роман.

И только теперь я заплакала, стыдясь того, что только это заставило меня пролить слезы.

– Мне уже давно казалось, что с Кэти что-то не так, – добавил он. – Мы прекрасно ладили, но в ней появилось нечто новое для меня и странное. Она сильно изменилась.

Теперь я уже не могла сдержать обильных слез.

– Подожди минутку, – попросила я и стала искать в сумке носовые платки.

– Мне очень жаль, Ханна. Прости за столь печальные известия.

Я откинулась на спинку сиденья. Никак не могла сообразить, как мне продолжать разговор с Джеймсом. Меня сейчас волновало только одно: знал ли кто-нибудь, что я побывала в квартире Мэтта?

– Значит, родители Кэти в больнице? – уточнила я.

– Да, я и сам сейчас еду туда, как и мама Мэтта. – Джеймс немного помолчал. – Она сказала... Она хочет побыть с ним наедине.

Я прекрасно поняла, что имелось в виду. Мне там никто не обрадовался бы.

– Джеймс, а они очень сильно пострадали?

От него лишь требовалось сообщить мне, что у меня нет повода чего-либо опасаться.

– Медсестра сказала, что Мэтт в коме, а больше я о нем пока ничего не знаю.

Я крепко зажмурилась. Мне необходимо было задать еще один вопрос.

– А Кэти?

Джеймс издал необычный звук, и я сообразила – он изо всех сил старается не расплакаться.

– К сожалению, Кэти не выкарабкалась, – прошептал он.

– Что?

– Кэти умерла, Ханна.

Глава 58

Закончив разговор с Джеймсом, я положила голову на руль. Я не знала, как мне быть дальше. При мысли о смерти Кэти меня начало трясти. Что я наделала? Зачем мне вообще нужно было так упорно разыскивать Мэтта? Надо было прислушаться к совету Кэти и забыть о нем. Могла бы догадаться: подруга дает мне этот совет не без особой на то причины.

Мои руки по-прежнему остались липкими, и когда я попыталась вытереть их о джинсы, то почувствовала нечто, намотавшееся на пальцы. Я смотрела на пряди длинных белокурых волос Кэти, от которых так пока и не смогла избавиться. На секунду они показались мне очень похожими на пучок волос Мэтта, который я сняла с гвоздя на чердаке.

Я взвизгнула. На пассажирском сиденье лежала бутылка с водой, и я стала лить ее себе на руки, вздрагивая каждый раз, когда снимала очередную прядь. Достала бумажные носовые платки и принялась протирать руки снова и снова, пока они не стали чистыми.

Мой телефон издал сигнал, и я опять чуть не ударилась головой о крышу машины. Я бы сейчас отдала все, чтобы сообщение пришло от Кэти. Но теперь я уже никогда не получу никаких текстов ни от нее, ни от Мэтта. Глаза наполнились слезами. Они были мерзавцами, оба обманывавшими меня самым жестоким образом. Мне следовало помнить об этом, иначе я просто сломаюсь.

У меня сжалось сердце, когда я увидела, что сообщение отправил отец.

Я только что снова разговаривал с Алексом Хьюзом. Хотел замолвить за тебя словечко. Он сказал мне, что уже слышал от одного из сотрудников о твоей беременности. Он думал, что и мне это известно. Ты в очередной раз солгала мне. Солгала, глядя в лицо. Твоя мама знает обо всем?

Я набрала его номер. Мне нужно было срочно поговорить с ним, объяснить, что к маме все это не имело никакого отношения. Но отец не отвечал на вызов. Тогда я позвонила его секретарю.

– Ханна, вы с ним разминулись, – сказала она. – Он сел в машину и поехал домой.

В ее голосе звучало раздражение, и я догадалась, что и ей перепало от отца. Зато теперь я знала, что нужно сделать: перестать притворяться, будто

ничего не происходит. Настало время положить всему конец. Я набрала номер маминого мобильного телефона. И за те секунды, пока происходило соединение, я осознала: Мэтт находился в таком же положении, живя со мной, и мысль так ужаснула меня, что я нарочно ударила головой в оконное стекло.

– Мамочка, уходи из дома! – выпалила я.

– Что?

– Отец едет домой, в ярости.

Воцарилось молчание. Прежде я не уделяла особого внимания их «ссорам», как называл их отец. Но теперь мне становилось плохо при воспоминании о них. Я ни разу толком не разговаривала с матерью об отце, как никогда не рассказывала о чертах собственного характера.

– Все будет в порядке, – произнесла она после паузы. – Я сумею успокоить его.

Но я знала, что означали ее слова. Сколько лет я отводила глаза от многочисленных синяков на ее лице. Она и хромала при нашей последней встрече, потому что «сумела успокоить» его. Но сейчас я была в таком стрессе после случившегося с Кэти и Мэттом, что не сдержалась и крикнула:

– Почему ты терпишь все это?

– Он ведь мой муж, Ханна, – неожиданно резко отозвалась мать. – Не волнуйся, я сумею с ним справиться.

А я вспомнила, как отец целовал Хелен, крепко обняв и прижав к себе. Целовал прямо на улице, ни о чем и ни о ком не беспокоясь. Я глубоко вдохнула.

– Твой муж? Да открой же глаза, мама! У него интрижка на стороне. Я сама видела это.

Снова воцарилось молчание, а потом она спросила:

– Ты действительно сама все видела?

Вот она – болевая точка! С мамой отец мог творить что угодно, и она прощала его, но измена... Я вспомнила старую фразу: «Он, конечно, подонок, но он – мой подонок». До меня прежде не доходил истинный смысл этого заявления.

– У меня даже есть фотографии. Но сейчас, мамочка, тебе лучше уйти. Он обезумел от злости на меня, но сорвет ее на тебе. Уходи, пока не поздно. – Перед моим мысленным взором возникло тело Кэти на асфальте под балконом квартиры Мэтта и сам Мэтт, лежавший в луже крови. – Уходи, пока он не убил тебя!

– Сколько у меня времени? – вдруг спросила мама.

– Отец уехал из офиса пару минут назад. Значит, примерно четверть часа. А может, минут десять. Только не приезжай ко мне. Отправляйся к тете Крис.

Ее сестра жила в Шотландии, но отец годами не позволял матери видеться с Крис. И у той был крепкого сложения муж, который, случись что, сумел бы пустить в ход кулаки, пусть отец и приходился ему родственником. И тогда папочке пришлось бы несладко.

– Спасибо, – промолвила мама. – Спасибо тебе, моя милая.

Она попрощалась со мной, и я бросила телефон в сумку, после чего завела мотор машины. Мне хотелось добраться до дома и лечь в постель. Побывать одной.

Но остаток пути превратился в сплошную му́ку. Я едва различала дорогу перед собой. Слезы струились по лицу, и я не могла думать ни о чем, кроме Кэти и Мэтта. Я потеряла обоих.

Кэти... Я была с ней знакома почти всю жизнь. Забавная, красивая, ревнивая Кэти. А я-то считала, что мы с ней останемся подругами навсегда! И Мэтт. Когда я увидела его вчера идущим по склону холма, с пиджаком, переброшенным через плечо, он выглядел счастливым и беззаботным, каким был на первом этапе нашего с ним знакомства. А вот сегодня в своей новой квартире он превратился лишь в бледную тень самого себя, и хотя внешне нисколько не изменился, я смотрела на него, и передо мной предстал совершенно незнакомый мужчина.

Не надо было мне заходить к нему сегодня. Я могла написать ему письмо. Или встретить у дверей офиса по окончании рабочего дня. Зачем мне понадобился этот разговор с ним наедине? У меня не шло из памяти выражение лица Кэти во время падения, как и лицо поверженного Мэтта – глаза закрыты, из виска струится кровь. И все из-за меня.

Когда моя машина въехала на нужную улицу, я почти задыхалась от страха и чувства вины. Но что-то еще не давало мне покоя. Машинально барабанила пальцами по рулевому колесу, я пыталась понять, что именно.

А потом до меня дошло. Ощущение потери. У меня заболело сердце, стоило подумать, что я больше никогда не увижу ни Мэта, ни Кэти.

На своей подъездной дорожке я вдруг резко нажала на педаль тормоза. Заметила, что в окне гостиной моего дома горит свет.

Глава 59

Я сидела в автомобиле, уставившись на окно. Вспомнила, как уезжала отсюда днем, хотя казалось, что с того момента прошла неделя. Весь дом был подготовлен к возвращению Мэтта. Я мечтала, как мы сядем в гостиную и обсудим сложившуюся ситуацию. Как двое людей, желавших восстановить отношения. Я купила цветы, заготовила свечи к моменту наступления сумерек, вино, чтобы поднять тост за возвращение Мэтта. Меня переполняла надежда утром, и я искренне верила: она непременно сбудется. И еще мне припомнился краткий миг его нерешительности после того, как я попросила его вернуться. Мне показалось, Мэтт согласится.

Но хотя все было подготовлено к нашему совместному возвращению, я была уверена, что свет в гостиной не горел. На вечер планировалось только мягкое сияние свечей. Резкий желтый свет электрических лампочек не входил в мои планы соблазнения Мэтта.

Я попыталась восстановить свои перемещения по дому перед отъездом. Чтобы включить люстру, мне бы пришлось перегнуться через спинку дивана и потянуть за серебряную цепочку. И как я ни старалась, вспомнить столь замысловатое движение мне не удавалось.

Я медленно вышла из машины и заперла ее. В соседних домах свет не горел, и машин тоже не было. Повторив маневр, напомнимший мне об одном из дней три месяца назад, я подкралась к окну гостиной и заглянула внутрь. Там все оставалось так же, как было днем, когда я уехала. Все, кроме включенного света.

Значит, я все-таки включила его сама.

Испарина от моего дыхания осела на стекле, и я, все еще перебирая в памяти различные странные события, происходившие после ухода Мэтта, осторожно открыла дверь и вошла в дом.

В темном холле царил тишина, зато в гостиной ярко светила люстра, и я несколько минут разглядывала ее, заставляя себя все же вспомнить, как включила ее. И не могла. Я выключила ее, выдернув вилку из розетки и закрыла дверь.

Я чувствовала себя утомленной, как никогда раньше за всю свою жизнь. Силы полностью истощила глубочайшая тоска. Уже стало не так важно, выживет Мэтт или нет. Сегодня я потеряла и его, и Кэти, но, более того, выяснилось, что я лишилась их обоих много месяцев назад. Медленно я побрела в кухню.

Там я увидела фотографии Кэти, обнимавшей меня и улыбавшейся мне как лучшая подруга. Я всмотрелась в снимок, где нам по пять лет, и мы держимся за руки, и подумала, что лучше бы нам было никогда с ней не встречаться. Собрав все фото, я положила их изображениями вниз в выдвижной ящик стола. Пока я не знала, как поступлю с ними в будущем.

Вонь из мусорной корзины по-прежнему висела в воздухе, а вокруг раковины мухи уже роились, их стало гораздо больше. Я открыла заднюю дверь и высыпала мусор в стоявшие контейнеры, и сама не могла понять, почему не сделала этого раньше. Просто, видимо, усилие представлялось мне непомерным, пока столько приходилось обдумывать, над стольким размышлять. Потом я продезинфицировала корзину и вымыла раковину. Даже сквозь резиновые перчатки ощущалась слизь и остатки сгнившей пищи, накопившиеся в ней за последние месяцы. Затем посмотрела на грудку немытой посуды на кухонных столах, и поняла, до какой степени я была не в себе в те дни и ночи, пока занималась поисками Мэтта.

Тарелки, ножи и вилки я сложила в посудомоечную машину. И хотя наполнила ее до предела, грязной посуды оставалось еще много. Я налила в раковину воду с мыльным раствором и оттирала все дочиста, стараясь не смотреть на эту мерзость, с которой теперь приходилось справляться. Все напоминало о том времени, которое я провела, разыскивая Мэтта, о днях, когда мне постоянно звонила Кэти, чуть ли не каждый час, вытягивая из меня информацию.

Поливая поверхность столов отбеливателем, я обратила наконец внимание на дверцы шкафов и поразилась, до какой степени успела исписать их. Я едва ли теперь смогла бы даже разобрать смысл написанного, но, что было важнее, не испытывала желания читать эти каракули. Я сорвала отовсюду стикеры и бросила их в корзину. Тем же отбеливателем прошла по шкафам. Слова, выведенные красным фломастером, словно сочились кровью, и я работала с закрытыми глазами, пока упорно оттирала их все до единого.

Я провозилась с ними больше часа, хотя понимала, что поверхности никогда не станут прежними – ровными и глянцевыми. Наверняка при свете яркого утреннего солнца на них будут проступать следы стертых надписей. Но мне было плевать. Не они стали предметом моих основных забот. Я ведь не была уже той женщиной, которая могла неделями выбирать кухонный гарнитур, чтобы затем расплатиться за него своими деньгами. Хорошо помню, как стояла в кухне часами после ухода рабочих и рассматривала обновленное помещение как очередное доказательство своего успеха в жизни. Теперь-то я знала, какую в итоге потерпела неудачу.

Когда кухня вновь засияла чистотой, я открыла дверцу холодильника. Туда мои записи не проникли, и отмывать было нечего. На стойке рядом с ним я заметила бутылку французского вина, специально купленного, чтобы мы с Мэттом могли отметить вечером его возвращение. Специально вышла на улицу и швырнула ее в контейнер для отходов из стекла. Но у задней стенки холодильника обнаружилась еще бутылка белого вина. О ней я совсем забыла. Сейчас она мне пригодится.

Я закрыла холодильник. Куда же делась записка с единственным словом: «Удовлетворена?» На месте, куда я ее прикрепила, на дверце холодильника располагались магнитные буквы алфавита. Мы с Мэттом часто использовали их для обмена краткими сообщениями. Со времени его ухода буквы образовали бессмысленное сочетание знаков.

«До скорой встречи», – вдруг прочитала я и замерла.

Неужели Мэтт сумел побывать здесь сегодня? И включил люстру в гостиной тоже он? Когда он мог успеть проделать все это? Нет, Мэтт здесь ни при чем. Он весь день провел на работе. Когда я увидела его, на нем был деловой костюм, который он не надел бы никуда, кроме офиса. И если бы побывал у меня сегодня, то наверняка обрадовался бы, когда я появилась на пороге его квартиры. В глубине души я прекрасно понимала сейчас, что Мэтт не горел желанием встречаться со мной. Я до сих пор помнила выражение его лица при встрече. Он был в шоке.

Значит, все эти сообщения, телефонные звонки и записка никак не связаны с Мэттом. И туалетная вода тоже. Вероятно, ее запах мне просто померещился. А цветы? Что ж, в таком состоянии я запросто могла купить их сама.

Меня уже тошнило от постоянных попыток самообмана. Мэтт ничего не делал. Мэтт сюда ни разу больше не возвращался. Да, но кто-то же проникал в мой дом. Кто?

Я была до такой степени потрясена событиями сегодняшнего дня, что могла думать лишь об одном: давай же, действуй! Я готова к встрече с тобой. Больше меня ничего не пугало. Кэти умерла. Мэтт на грани жизни и смерти. Худшее уже произошло.

Я достала из буфета свой бокал работы Веры Вонг и подумала, не остался ли другой в манчестерской квартире Мэтта. Нет, едва ли Кэти это понравилось бы. Мэтту не удалось бы скрыть от нее значение такой вещи, поскольку она купила такую же пару бокалов к очередной годовщине их романа с Джеймсом. Я покачала головой. Нет, бокал попал не в руки Мэтта. Он не приближался к моему дому. Потом я поднялась наверх с бокалом и

бутылкой вина, легла на кровать, и эта ситуация в точности повторила ту, которая возникла у меня вечером, когда я вернулась из Оксфорда и обнаружила исчезновение Мэтта. Я переутомилась до крайности, болела каждая мышца моего тела. Стоило мне приподнять подушку, чтобы упереть ее в спинку кровати, как из-под нее выскользнула бумажка с распечаткой фотографии Мэтта. Я взяла ее и вгляделась еще раз. Он улыбался, но не мне. Я ведь еще не была тогда с ним даже знакома. Я нацепила наушники. Те самые, что блокировали для меня шум внешнего мира. Эти наушники я использовала каждый вечер с тех пор, пока была еще совсем юной и жила в доме родителей, чтобы не слышать, как отец избивает маму, чтобы до меня не доносился ее плач.

Если разобраться, то я была таким же скверным человеком, как и он.

А теперь ночь за ночью я сидела и пила, повторяя его привычку, не ощущая вкуса вина, словно человек, поставивший себе задачу напиться. При этом меня не покидала мысль: «Я ничем не отличаюсь от отца». Никакого выхода из этого положения я для себя не видела. Существо отца глубоко проникло в меня, и при любой попытке сопротивления прорывалось наружу. Зло, укоренившееся во мне.

Глава 60

Вскоре я заснула, а потом резко проснулась посреди ночи, как в тот день, когда Мэтт бросил меня. Моя рука крепко вцепилась в ножку бокала, а комната пропиталась запахами алкоголя, пота и слез. Запахи показались очень знакомыми, но я не понимала, почему, и не сразу снова вспомнила об отце. Так пахло от него по утрам после того, как ночью он избивал маму. Я содрогнулась и спрыгнула с кровати, швырнув наушники на пол.

В ванной тщательно почистила зубы, опять-таки повторив свои действия после ухода Мэтта. И старалась не смотреть на свое отражение в зеркале, заранее стыдясь того, что могла увидеть.

Вернувшись в постель, я позвонила в больницу и поинтересовалась состоянием Мэтта. Но бывшие возлюбленные явно не входили в число людей, с которыми следовало делиться информацией, и медсестра ничего мне не сообщила. Но она общалась со мной обычным формальным тоном. Наверняка ее тон смягчился бы, если бы Мэтт умер. Она говорила по-деловому кратко и не вкладывала в слова ни малейших эмоций.

– Для получения сведений о нем вам лучше связаться с членами семьи, – заявила медсестра.

– Непременно, – произнесла я. – Немедленно позвоню его матери.

И попыталась вообразить разговор с Оливией, если бы осмелилась набрать ее номер. Я представила ее сидевшей у изголовья больничной койки сына, державшей его за руку. На ее месте сейчас должна была сидеть я, мне предназначалось делать то, что делала она. Но проскочить мимо нее не удалось бы. Оливия и близко не подпустила бы меня к его палате, не говоря уже о возможности нести дежурство рядом с ним.

А еще я знала, что Мэтт непременно очнется. Он сильно ударился головой. Достаточно сильно, чтобы я поначалу посчитала его мертвым, но разве много людей погибало от таких же травм? Вот Кэти... Я снова содрогнулась, когда перед моим мысленным взором промелькнуло воспоминание о моменте ее падения.

А если Мэтт придет в себя хотя бы на секунду, то обязательно назовет мое имя. Во всем обвинит меня. При этом даже словом не обмолвится о причинах. О том, как сам довел меня до такого состояния, унизил трусливым бегством с моей лучшей подругой, о презрении, выраженном мне в лицо в ее присутствии. Он просто заявит, что это я столкнула Кэти с балкона.

У меня возникло ощущение, словно стальной обруч все туже стягивался вокруг моей головы. Я лежала, пробуя прибегнуть к дыхательным упражнениям, чтобы отсечь все мысли. Но на сей раз не помогло. Я не могла даже начать давать себе нужные команды, вести отсчет вдохов и выдохов, поскольку мне постоянно мерещилось, что откуда-то издали доносится звук сирен.

Объяснение же крылось в простом факте: только сейчас я впервые подумала о вмешательстве в дело полиции. Причем она придет независимо от того, очнется Мэтт или нет. Интересно, Кэти рассказала родителям, почему Мэтт бросил меня? Я зажмурилась, не в силах даже представить, как они судачат обо мне, осуждают меня. Но затем вспомнила о торте, испеченном ее матерью. Она не стала бы утруждаться, если бы ей были известны подробности. А вот матери Мэтта – Оливии – даже знать подробности не обязательно. У нее имелись свои причины ненавидеть меня. Она относилась ко мне с предубеждением с самого начала. Мне становилось плохо, стоило лишь подумать о разговорах, которые Оливия вела с Мэттом по поводу нашей с ним личной жизни. Хотя не имела никакого права влезать в нее!

На мгновение возникло безумное желание сбежать и исчезнуть навсегда. У меня оставалось около пятнадцати тысяч фунтов сбережений, которые я могла сразу снять со счета. Я давно оформила паспорт для поездок за границу. В моем распоряжении имелась машина. На работу я устроилась бы где угодно, уж в этом сомневаться не приходилось. Мысли лихорадочно метались, пока я обдумывала возможность начать новую жизнь с нуля. Даже под чужим именем. Новое удостоверение личности! Вот только я понятия не имела, как раздобыть его.

А потом я вообразила, каково это, оказаться в лапах полиции. Зажатой в угол. Представила свою фотографию на экранах телевизоров с подписью: «Разыскивается», и у меня перехватило дыхание. В наши дни никто не мог тихо исчезнуть. Номер моей машины станут высматривать повсюду, куда бы я ни направилась. На всех основных дорогах установили камеры видеонаблюдения. Так же легко удастся отследить мой мобильный телефон. Я теперь понимала, что меня непременно поймают, не поверив ни единому моему слову. Может, самой позвонить в полицию? Рассказать им о случившемся, опередив всех остальных. Я первой дам показания, изложу свою версию. Но меня тут же охватил страх. Стало сразу казаться, что я не способна на такое. Приходилось лишь жалеть о совете уехать в Шотландию, который я дала маме. Я знала: она примчится обратно, стоит мне только позвонить ей, но вот только к тому времени Мэтт может уже

очнуться. И полиция явится за мной.

Но мама все равно была сейчас нужна мне. Понимая, что нормально поговорить с ней не удастся, я липкими от пота пальцами набрала и отправила ей сообщение:

Мамочка, я нуждаюсь в твоей помощи. Произошло нечто ужасное, и Кэти погибла. Мэтт в коме, и если придет в себя, заявит, что в смерти Кэти повинна я. Прости. Прости меня за все.

Я откинулась на подушку и заплакала. Очень хотелось, чтобы мама оказалась рядом. Мне не терпелось дожидаться ее возвращения из Шотландии. Не получив быстрого ответа, я догадалась, что мама отключила свой телефон. Отец наверняка названивал ей беспрерывно, узнав о ее бегстве.

Номера телефона тети я не знала, как и адреса, если не считать названия городка, где она жила. Я позвонила в телефонную справочную, но мне ответили, что в базе данных ее телефона нет.

Мне придется справиться со всем одной.

Усилием воли я заставила себя встать с постели. Нужно собрать в сумку вещи на случай ареста и содержания под стражей для допросов. У меня подгибались колени, но я сумела немного успокоиться. Если не упакую вещи сама, кто-то другой сделает это за меня. Уж лучше я лично сложу в сумку все, что мне понадобится. А если дело примет благоприятный оборот и они мне поверят, то я сразу отправлюсь куда-нибудь в отпуск, даже не заезжая домой.

Начала я с белья и одежды, добавила ночную сорочку. Туалетные принадлежности. Хотела взять с собой планшет, но сообразила, что мне едва ли позволят им пользоваться, а потому заменила его на всякий случай парой книг в мягких обложках. Подумала о блокноте и ручке, а потом поняла: я же не хочу, чтобы к ним в руки попали любые мои записи.

Я собиралась выйти из комнаты, когда вспомнила о фотографии Мэтта. Она пролежала у меня под подушкой несколько месяцев, а порой я даже засыпала, держа ее в руке. Я опять взяла распечатку и рассмотрела ее. Это был не настоящий снимок, копия, сделанная на цветном принтере, помятая и местами надорванная. И хотя изображение получилось низкого качества, я все равно могла видеть его улыбку и расслабленность позы. Вчера при нашей встрече Мэтт выглядел иначе.

Я все смотрела и смотрела на его лицо, и внезапно во мне вспыхнул гнев. Если бы Мэтт не сбежал от меня без объяснений, ничего трагического

не произошло бы! Кэти осталась бы в живых, он не угодил бы на больничную койку, а я не металась бы в отчаянии, размышляя о возможности исчезнуть самой. Почему Мэтт так поступил со мной? На мгновение я почувствовала желание порвать фото в мелкие клочья, втоптать каблуками в пол. Никогда больше не видеть его лица. Но вдруг подумала: наступит день, когда мне захочется посмотреть на него снова, когда мы вместе вспомним о разных моментах, выпадавших в нашей совместной жизни. Конечно, я даже представить не могла, скоро ли придет такой день, но верила – однажды это случится непременно. Я положила фото в сумку. Нельзя, чтобы его обнаружил кто-то другой.

Я спустилась вниз и оставила сумку в холле. Пока не знала, как лучше поступить. Поехать в полицию на своей машине или вызвать такси? В кухне я посмотрела на настенные часы: было около двух часов ночи. Свет в соседних домах не горел. Вокруг царила мертвая тишина. Сейчас самое подходящее время отправиться в полицейский участок и обо всем рассказать, рассудила я. Там будет спокойно, и я смогу поговорить с ними так, чтобы никто не отвлекал. А рассказ мой продлится долго.

Я поставила чайник на плиту, чтобы вскипятить воду. Подумала, что поеду, выпив чай, хотя, если честно, по-прежнему не решила, отправлюсь ли, чтобы спрятаться под чужим именем, во Францию, повторю путь матери в Шотландию или все-таки окажусь в полицейском участке, находившемся в миле отсюда. Налив себе чаю, я перешла в гостиную. Мне требовался еще час полного покоя. Может, теперь я еще долго не смогу тихо посидеть дома. Если смогу вообще. Я пока не знала, куда отправлюсь и что со мной произойдет. Поверит ли мне хоть кто-нибудь?

В гостиной лежали связки свечей, купленных мною утром для празднования возвращения Мэтта. Я представила его в больничной палате неподалеку от моего дома, но сейчас нас с ним словно разделяло расстояние в миллион миль. У меня камнем лежали на сердце тоска по нему и сострадание, и я зажгла свечи. Ради него и в память о Кэти.

Зажгла я и те свечи, что стояли на каминной полке. Они, великолепно сияя, отражали свой свет от огромного серебряного зеркала. Внутри же очага свечи были сложены крупными связками – по восемь штук в каждой, – и они запылали, обдав меня искрами, когда я прошла мимо. Воздух в комнате наполнился ароматом ванили и роз. Круглые мелкие свечки под чайник, плававшие в цветных стеклянных вазах на журнальном столике, подрагивали на сквозняке. Вскоре комната была освещена так, будто наступило Рождество.

Среди записей на айпode я нашла мелодии в исполнении оркестра Дэйва Мэттьюза. Мы с Мэттом часто слушали их. Я включила тихую музыку. Меня пугала перспектива появления на пороге Рэя с жалобой на шум посреди ночи, но и сидеть в тишине наедине со своими печальными мыслями тоже не хотелось. Я не слышала этих песен со времени ухода Мэтта, и сейчас они навеяли мне воспоминания о том, как мы лежали на диване, обнявшись и прижавшись друг к другу так близко, что наше дыхание сливалось в единое целое.

Пришлось встряхнуться. Я действительно с ума сойду, если продолжу думать об этом. И я сидела, окруженная букетами цветов и мерцанием свечей, попивая чай и размышляя, что же в итоге мне лучше предпринять. От страха болело внизу живота. Ни один из вариантов не казался идеальным.

А потом в паузе между двумя песнями я вдруг услышала посторонние звуки. Какие-то скрипы и шуршание. Мне показалось, что доносятся они из кухни. Сердце забилося с такой силой, что каждый удар болью отдавался в груди.

Кто-то проник ко мне в дом.

Я медленно поднялась. От прилива адреналина кружилась голова, и мне пришлось опереться о диван, чтобы сохранить равновесие. Я напрягала слух, но больше ничего не улавливала. Схватив телефон, набрала 911, но кнопку вызова не нажала. Глупо звонить в полицию с просьбой о помощи после всего, что произошло днем, но я хотя бы знала, что если помощь реально понадобится, я вызову ее уже без колебаний. А вскоре снова воцарилась тишина, и мне стало казаться, что те звуки мне просто померещились.

Я повернула ручку и бесшумно приоткрыла дверь. В холле было по-прежнему темно, и не наблюдалось никаких признаков движения. Дверь в кухню стояла нараспашку, но и там не мелькало ни проблеска света. Теперь я уже раздумывала недолго, потому что поняла, кто это. Это мог быть только он.

Я шагнула в холл. Голова по-прежнему кружилась, и в тот момент мне уже самой верилось, что я сошла с ума.

– Мэтт? – прошептала я. – Мэтт, это все-таки ты?

Это ошибка. Здесь никого нет.

Я повернулась в сторону гостиной и увидела свое лицо в зеркале, подсвеченном сиянием свечей. Я была настолько бледна и до такой степени исхудала, что едва узнавала себя. Щеки горели от возбуждения, а под запавшими глазами образовались темные круги. Я выглядела

свихнувшейся. Умалишенной. Но затем в зеркале я заметила позади себя другое лицо и вздрогнула.

Это было лицо Джеймса.

Глава 61

– Я оказался прав, – произнес он.

Я резко повернулась к нему. Джеймс стоял в дверях, преграждая мне путь к выходу из дома. Он показался мне выше ростом, наверное, из-за его вытянутой тени. Его взгляд устремился на мои обнаженные руки, которые я поспешно спрятала за спину. Но я знала, что он заметил на них царапины. Джеймс был взвинчен. Обозлен. И смотрел на меня так, словно не мог поверить своим глазам.

– Что? – спросила я. – Откуда ты здесь и зачем?

– Почему ты убила ее?

Я хотела ответить, но во рту у меня пересохло.

– Не надо, – усмехнулся Джеймс. – Бессмысленно. Даже не пытайся ничего отрицать.

Он шагнул ко мне, и я попятилась.

– Не бойся. Я тебя пальцем не трону. – Джеймс помолчал, а потом продолжил: – Я ведь не такой, как ты. Это не в моем характере.

Я замерла.

– Неужели ты думала, что я не знаю, чем ты занимаешься? – спросил он.

– Что?

– Я всегда знал это, Ханна. С первого дня, когда Мэтт ушел от тебя.

– Что ты имеешь в виду? – выдавила я.

– Ты избивала его. Вот почему он расстался с тобой.

– Что?!

– Так же, как била меня, когда мы встречались. Я прекратил общаться с тобой по той же причине. Разве ты не помнишь?

Пол у меня под ногами вдруг стал шатким. Я ухватила за диван и держалась за него, как за преграду между мной и Джеймсом.

Глядя на Джеймса при свете мерцавших свечей, я вспомнила, каким он был в то лето, когда мы с ним сблизились. Мы часами могли заниматься любовью на его узенькой односпальной кровати, а по ночам гулять, держась за руки и мечтая о совместном будущем. И говорили, говорили не переставая. В то лето я сказала ему многое, чем с тех пор больше ни с кем не делилась.

Но затем я вспомнила, как в ярости избивала Джеймса руками и ногами, обзывая при этом последними словами. Поначалу он лишь

усмехался и просто старался защититься, но я оказалась значительно сильнее, чем он думал. Так было всегда. И училась я у настоящего «мастера» своего дела. Еще ребенком я усвоила уроки отца и отлично знала, как причинять боль тем, кого любишь.

– Это не ты прекратил наше общение, – возразила я. – Я сама тебя бросила.

Джеймс удивленно вскинул брови.

– Ты так считаешь? Короткая же у тебя память.

Я покраснела. Если честно, то я все прекрасно помнила. Он написал мне письмо, где изложил причины, вынуждавшие его прекратить связь со мной. Мы потом ни разу не разговаривали более десяти лет. До той поры, когда Джеймс сошелся с Кэти. Когда я впервые увидела его с ней, он отвел меня в сторону и сказал: «Прошное забыто, Ханна». И вел себя со мной по-дружески.

Я могла бы догадаться, что настоящими друзьями нам не стать уже никогда. Это было совершенно невозможно.

– И вот мы вернулись к тому, с чего начали, – продолжил он. – Ты и твой невыносимый характер, Ханна. Ты полностью потеряла контроль над собой.

Я постаралась сохранять хладнокровие.

– Я прекрасно держу себя в руках, – заявила я.

– Но ты снова сорвалась, верно?

Я молчала, лихорадочно размышляя, как найти выход из создавшегося положения.

– Ты была там! – бросил Джеймс. – И не пытайся отрицать этого.

– Да, – кивнула я. – Я там была. Но не убивала Кэти.

– Ты упорно искала бывшего возлюбленного. А нашла его в обществе своей лучшей подруги. Вот почему она мертва, а он – в коме. А твои руки покрыты ссадинами.

Я посмотрела на свои руки и поморщилась. Причем я догадывалась, что синяки скоро появятся по всему моему телу от ударов и толчков Кэти, отбивавшейся от меня.

– Она не сдалась так просто? Начала бороться с тобой?

Я промолчала.

– Что ж, она молодец, – произнес Джеймс. – Не могу сказать, что простил ее за роман на стороне. Особенно за интрижку с Мэттом. Но я рад, что Кэти оказала тебе сопротивление.

Вероятно, мне и дальше следовало помалкивать, однако сдерживаться я не сумела.

– Я тоже не могла простить ее. Каждый день Кэти честно смотрела мне в глаза, но при этом постоянно лгала. – У меня сорвался голос. – А ведь я считала ее самой близкой подругой!

– Знаешь, она сама считала себя твоей лучшей подругой. Постоянно твердила мне об этом. На деле же она повела себя подло с тобой, как и со мной. Но только это не значит, что Кэти заслуживала смерти.

– Я знаю! И я не желала ей смерти! – Я хотела ограничиться этой фразой, но, не сдержавшись, добавила: – Я сделала это непреднамеренно.

Джеймс вздохнул.

– Но она говорила и говорила. Никак не хотела заткнуться! – У меня снова заколотилось сердце при воспоминании об этом. – Заявила, что они с Мэттом собираются пожениться. Завести ребенка. Да, я врезала ей, а она мне. Посмотри на меня. Посмотри, как Кэти меня отделала! – Я протянула к Джеймсу руки. – словно вернулись школьные времена, когда мы с ней постоянно дрались. А потом она ударилась о хлипкое ограждение балкона и...

Продолжить мне не удалось. Образ падающей Кэти, ее открытый рот теперь будет вечно преследовать меня. Она уже наказала меня очень жестоко, заставив жить с этим последним воспоминанием о себе.

– И что же было дальше?

Внезапно мои глаза заволокло красным туманом, и я начала бить себя кулаком. Снова и снова. Будто откуда-то издалека до меня доносились крики Джеймса, просившего остановиться, но я не могла. Он обхватил меня и развернул на месте. При этом я ударилась головой о каминную полку. Услышала, как он выругался, поправляя упавшие свечи, а я наклонилась вперед и опять врезалась головой в каминную полку. Из глаз посыпались искры, но на мгновение я испытала облегчение.

Как много лет назад, Джеймс сгреб меня в охапку и старался держать как можно крепче.

– Расскажи мне, – произнес он, и я почувствовала его дыхание у себя на виске. – Расскажи мне о том, что случилось.

– Ограждение сломалось, – прошептала я. – Я потянулась к ней, чтобы удержать ее, но она не видела меня. Смотрела только на Мэтта. – У меня по лицу струился пот. – Кэти упала спиной вперед. Мы находились на третьем этаже, и шансов у нее не оставалось.

Джеймс отпустил меня и сел на диван.

– А Мэтт?

– После того как Кэти... После того, как ограждение сломалось, Мэтт побежал. Он хотел спуститься вниз к ней. – С чувством стыда я вынуждена

была добавить: – Но он пытался сбежать и от меня тоже. Сумка Кэти валялась на полу. Мэтт споткнулся об нее и упал – нога зацепилась за ручку сумки – и ударился головой об угол телевизионного столика. Ты его должен помнить. Столик из черного стекла, стоявший когда-то в моей гостиной.

После долгой паузы Джеймс сказал:

– Именно так трактует события полиция.

Я похолодела:

– Полиция?

Он кивнул.

– Я разговаривал с медсестрой в больнице. У Мэтта на лодыжке осталась ссадина от ручки сумки, а весь стол был покрыт его кровью.

Что я могла почувствовать при этом? Облегчение. Они уже не смогут заявить, что Мэтта убила я. У меня в голове не прекращалась пульсация и от ударов, и от сильнейшего стресса, но я ощущала себя теперь намного лучше. Мне было необходимо хоть кому-то обо всем рассказать.

– Кэти сказала мне, что ей придется по работе уехать на всю ночь, – продолжил Джеймс. – И ее ложь звучала убедительно.

– Меня она тоже обвела вокруг пальца вполне убедительно. Хотя я могла бы догадаться, что она связалась с Мэттом, как только он ушел от меня.

– Каким образом?

– Помнишь, я приезжала к вам вечером вскоре после его исчезновения? Она рассказала тебе, что Мэтт даже постельное белье заменил. Но только я не сообщала ей об этом, а она ни разу не поднималась наверх, бывая у меня дома, когда я осталась одна. Кэти могла узнать такую деталь только от Мэтта. Или если сама находилась там в момент сборов. – Я покачала головой. – Мне сразу показалось, будто я заметила нечто странное, но не сообразила, что именно. Знала: что-то не сходится. Ничего не понимала, но не переставала думать об этом. И лишь сегодня у меня словно открылись глаза.

Мы немного помолчали. Вероятно, нас с Джеймсом посетила одна и та же мысль: если бы я сразу вникла в суть слов Кэти, разобралась бы в обмане, то трагедия бы не произошла.

– А как ты сумел попасть в мой дом? – вдруг спросила я.

Джеймс достал из кармана ключ и положил на журнальный столик. Ключ, продетый в розовое пластмассовое кольцо. Я наморщила лоб.

– Уж не тот ли это ключ, который я вручила Кэти, когда переехала сюда?

Он кивнул.

Я давно забыла об этом, но сейчас вспомнила, как мы вместе с ней ходили делать копию ключа для нее. Я радовалась своему новому дому, но мне впервые предстояло жить самостоятельно, одной, и я волновалась, что могу случайно запереть себя внутри. Кэти тогда взяла меня за руку, а потом крепко обняла и обещала непременно выручить. Хорошо же она выполнила свое обещание!

Не знаю, может, удары головой о каминную полку так подействовали на меня, но чего-то я по-прежнему не понимала.

– Почему ты просто не позвонил в дверь?

Джеймс посмотрел на меня. В выражении лица отчетливо читался вызов, но одновременно и нечто другое. Стыд.

– Нет, – сказала я. – Нет, не может быть. Значит, это все было делом твоих рук?

– Что ты имеешь в виду?

– Это были твои проделки? Цветы. Сообщения. Записка, которая исчезла. – Ярость вновь охватила меня. – Ты постоянно проникал в мой дом, так ведь?

Джеймс молчал, глядя на меня.

– А Мэтт не сделал ничего? Абсолютно ничего?

– С какой стати Мэтту было возвращаться в твой дом? Зачем ему могло понадобиться что-то посылать тебе? – наконец произнес он. – Он сбежал и стал спать с Кэти. О тебе Мэтт забыл.

Мысль, что он уже не думал обо мне, неожиданно заставила меня соображать яснее.

– Но ведь сообщения приходили с номера мобильного телефона Мэтта, – напомнила я. – Как такое могло происходить?

– Можно купить особое приспособление.

– Какое? Чтобы казалось, будто звонок идет с другого номера?

Джеймс кивнул.

– Но ведь это противозаконно!

– Ты сейчас не в том положении, чтобы заводить речь о тонкостях закона, – заявил он.

– Но почему, Джеймс? Все, что ты делал, заставляло меня думать, будто я схожу с ума.

– Точно так же я чувствовал себя, когда мы были с тобой вместе, – ответил он. – И мне показалось, что пришло время заставить тебя понять, каково это.

Я уставилась на него.

– О чем ты?

– Как только Мэтт исчез, я догадался, что ты избивала его. И когда явился к тебе в ту же ночь, был почти уверен, что застану его дома, но только лежащим замертво на полу.

Я содрогнулась.

– У нас никогда все не заходило настолько далеко. Не такая уж я и плохая.

«Но ведь Кэти мертва. И погубила ее ты», – вдруг подумала я.

– Ты всегда была скверным человеком, Ханна. И осталась такой! А мне было всего семнадцать лет, когда ты ударила меня! Ты хоть представляешь мои ощущения?

Прежде мы не говорили об этом. Никогда.

– Тебе трудно даже вообразить, что значит быть совсем еще молодым... Почти мальчиком... И сильно любить девушку. И девушка не уставала повторять, что любит тебя тоже... А потом вдруг начала бить тебя. А я даже не мог ни с кем поделиться этим! Кому мне было рассказывать такую историю, чтобы не выглядеть жалким размазней? Полным неудачником? – Его голос дрожал, и Джеймс стал вновь напоминать мне подростка. У меня болезненно сжалось сердце. – Это было... Мне было бы легче, если бы ты не клялась в своей любви ко мне. Но ты говорила об этом каждый день. Покупала мне подарки. Мы слушали красивую музыку, нам нравились одни и те же вещи. Ты называла нас родственными душами. Говорила...

У меня в горле стоял ком, в глазах – слезы. Теперь я вспомнила все.

– Я говорила тебе правду, – прошептала я.

– Ты мне лгала! – крикнул Джеймс. – Как это могло быть правдой? Тех, кого любят, не бьют! И ты много раз обещала прекратить вести себя так со мной. Повторяла, что остановишься. Даже собиралась обратиться за медицинской помощью.

Я закрыла глаза, вспомнив такой же разговор с Мэттом. Они были правы. Правы оба.

– И только когда я ехал сюда сегодня, то вдруг понял нечто очень важное. Ты годами жила в постоянном страхе. И это началось задолго до нашей с тобой встречи.

Я изумленно посмотрела на него. Как он сумел догадаться об этом?

– А я-то всегда удивлялся, почему ты позволяешь Кэти унижать тебя.

– Ты замечал это? – А у меня складывалось впечатление, что все оставалось нашим личным с Кэти делом, где каждая стремилась в итоге одержать верх.

– Конечно замечал. Порой видел, как ты вся сжимаешься в

предчувствии этого. Она была подобием твоего отца. И ты никогда не умела противостоять ей достойно, как не могла ничего поделать с ним.

Я в ужасе смотрела на него, не понимая, почему сама ощущала себя с Кэти совершенно иначе.

– Ты ведь мне рассказывала об отце. Или уже забыла?

И мне вдруг вспомнился один вечер ранним летом, когда мне было семнадцать лет, и я убежала из дома в слезах, потому что отец набросился на маму. Ушла к Кэти, и родители не слышали, как я вернулась. Я же видела все, что он творил с мамой, но не остановила отца. Я никогда не останавливала его. И сбежала к Джеймсу. Не к Кэти – ей я не рассказала бы, какие страшные вещи происходят у меня дома. Той ночью я поделилась с Джеймсом всем, а потом в письме, которое написал, расставаясь со мной, он посоветовал скорее покинуть родительский дом и обратиться за помощью к психиатру, поскольку в противном случае я бы окончательно стала копией отца. Я попыталась последовать его советам, но вот только... Все оказалось значительно сложнее, чем я предполагала. Не просто сложнее, а совершенно невозможно. Кровное родство. Теперь уже мне было легче вспоминать о событиях сегодняшнего дня, чем о том, что происходило в далеком прошлом, когда я затыкала уши, чтобы не слышать криков боли, издаваемых мамой.

Я перевела взгляд на свечи, сильно разгоревшиеся на сквозняке, проникавшем в комнату через открытые двери.

– Значит, и телефонные звонки... Это тоже был ты?

Джеймс не ответил, но я знала, что права.

– Для тебя это в пределах нормы звонить женщинам и что-то разбивать, чтобы заставить их кричать от страха?

– Прости, я разбил тогда бокал Веры Вонг случайно. Хотел купить другой на замену, но их уже не оказалось в продаже.

– И ты забрал бокал у меня?

Джеймс пожал плечами:

– Ты же знаешь, как Кэти их любила.

Еще один фрагмент сложной мозаики встал на место.

– Ты отправил мне то фото?

– Какое фото?

– На котором я в «Сэйнсберис» покупаю свечи. – Я снова чувствовала, что схожу с ума. Значит, и здесь Мэтт оказался ни при чем? Он не следил за мной в супермаркете. – Я получила снимок на телефон утром. Значит, и это тоже твои проделки?

– Да. Ты покупала вино, свечи, цветы, – произнес Джеймс. – А еще

сыр бри. – Он пристально посмотрел на меня. – Разве беременным женщинам можно пить вино и есть бри?

У меня покраснелось лицо, но я промолчала.

– Но ведь ты вовсе не беременна, верно? Неужели ты рассчитывала ввести кого-то в заблуждение?

– Я была беременна, – ответила я, но прозвучала моя фраза неубедительно. – Была. Случился выкидыш.

– Чепуха! Перестань лгать, умоляю тебя! Ты не была беременна и прекрасно знала об этом.

– Но как... Откуда тебе все известно?

– Потому что, когда носила моего ребенка, ты выглядела совершенно по-другому.

Глава 62

В комнате воцарилась тишина. Я с трудом дышала. Мы не затрагивали эту тему более пятнадцати лет.

– Ты тогда заметно смягчилась. Я догадался о твоей беременности еще до того, как ты сообщила мне о ней. А сейчас... – Джеймс презрительно усмехнулся. – Ты только взгляни на себя, Ханна!

Он вскочил с дивана, схватил меня за плечи и заставил подойти к зеркалу. Слезы замутили мой взгляд. Джеймс обхватил меня, почувствовав мою податливость, и встряхнул. И мне вспомнилась наша с ним последняя встреча задолго до того, как он сошелся с Кэти, когда Джеймс точно так же встряхнул меня, услышав, что я побывала в больнице и больше никакой беременности нет. «Но ведь это был бы и мой ребенок!» Его голос сорвался почти до визга. Я пыталась объяснить ему, что отец не позволил бы мне оставить ребенка. Это он отвез меня в клинику и все организовал. Грозился навсегда отречься от меня, если бы я родила. И мою маму избил до полусмерти. Но только Джеймс уже не слышал меня. «Но ты же обещала выйти за меня замуж! – крикнул он. – Мечтала, что мы поженимся и будем вместе растить малыша!»

У меня тогда все еще болело после процедуры, я неделю толком не спала, голова раскалывалась от боли. Мне не следовало тем вечером приходить к Джеймсу домой. Отец категорически запретил мне вообще видаться с ним. А его запреты нельзя было нарушать. Он требовал беспрекословного подчинения. Но он на час отлучился для встречи с клиентом, и у меня появился единственный шанс успеть поговорить с Джеймсом. И этот час быстро истек. Страх, что отец обнаружит мое отсутствие, довел меня до крайности. И когда Джеймс стал кричать, ругаться, не желая даже выслушать мои доводы, у меня подскочило давление, голова закружилась, и я ударила его.

Я била его и раньше, а он неизменно прощал меня, но в тот раз... Надо сказать, что и ударила я его сильнее, чем обычно, сразу поняв, что не обойдется без огромного синяка под глазом. Глаз начал заплывать и закрываться. Джеймс замер, после чего произнес: «Уходи!» Я уставилась на него, мне даже хотелось, чтобы он нанес мне ответный удар, чтобы я вмазала ему еще раз изо всех сил. Но меня остановило выражение отвращения ко мне, читавшееся на его лице. «Уходи», – повторил Джеймс, и у меня потекли слезы. Даже в тот момент я все еще жалела только себя.

Я взяла свою сумку, плащ и ушла. Домой я вернулась за считанные минуты до появления отца, застав маму вне себя от волнения. В тот вечер я сказала отцу, что хотела бы уехать, отправиться, например, в Австралию – более отдаленного места я представить не могла, – чтобы найти там работу. Всего на год, обещала я. При слове «работа» отец немного смягчился. Видимо, хотел на время избавиться от меня. Он оплатил мне дорогу туда и обратно, и через неделю я улетела. Кэти я ни в какие детали, разумеется, не посвятила. Сказала только, что у меня возникло желание провести год в Австралии перед поступлением в университет. Она назвала меня счастливицей.

А с Джеймсом я больше не виделась до того дня, когда встретила его вместе с Кэти, хотя не стану врать, будто ни разу не вспоминала о нем.

– А теперь скажи наконец правду, – произнес Джеймс. – Зачем ты хотела заставить нас всех поверить в твою беременность?

Я присела на диван, испытывая слабость, стыд и сожаление обо всем, что произошло.

– Так получилось, – ответила я. – Большая глупость с моей стороны. Сэм предположил это, и я мгновенно ухватилась за идею как вполне правдоподобную. А когда поняла, что никакой беременности нет, то все равно посчитала ее хорошим поводом, чтобы оправдать в глазах окружающих свое безумное стремление разыскать Мэтта.

– Но почему ты так отчаянно хотела найти его? Ты ведь не могла не знать, почему он ушел от тебя.

– Я ничего не знала. Несколько последних месяцев мы с ним прекрасно ладили. Вот только в Рождество... Да, в Рождество у нас произошла ссора. Я ушла из дома, а Кэти заглянула к нам и увидела Мэтта избитым.

– Кэти? А тебе откуда это известно?

– Сама мне сказала. Сегодня. – Я тряхнула головой. – Или уже вчера? – Я начала путать один день с другим.

– Мне она ни о чем подобном не говорила.

– Она бы и не стала ничего тебе рассказывать. Именно в тот момент отношения между ними изменились. Но странным образом... Даже у нас с Мэттом все на какое-то время стало почти идеальным. Я догадывалась о произошедшей в нем перемене, но причина упорно ускользала от меня. Разумеется, я представить не могла, что у него связь с другой женщиной. Между нами вроде бы прекратились конфликты, и я даже не пыталась понять, из-за чего. Так, казалось, лучше для нас обоих.

– У нас с Кэти получилось примерно так же, – сказал Джеймс. – Я заметил это. Мы почти перестали спать вместе, но относились друг к другу хорошо, как никогда прежде. Я знал: что-то происходит, но тоже не мог догадаться, что именно. И только сегодня, когда уже ехал из больницы, сообразил: Кэти была счастлива. Счастливее, чем за многие предыдущие годы.

– И он тоже.

– Я мог бы догадаться, что дело в Мэтте. – В его голосе звучала печаль. – Какой же я недоумок!

– С чего тебе было обо всем догадываться?

Джеймс пожал плечами:

– Ясно же, что Кэти непременно захочет подобрать то, что потеряла ты. Именно поэтому она в свое время разыскала на «Фейсбуке» меня.

– А я думала, вы случайно встретились в каком-то клубе.

Мне вспомнился тот телефонный разговор. Кэти, возбужденная и радостная, рассказывала, что познакомилась с Джеймсом накануне вечером в Ливерпуле, а он пригласил ее поужинать с ним.

Он покачал головой.

– Нет. Как только я завел страничку на «Фейсбуке», Кэти нашла меня через несколько дней и вышла со мной на связь. Я должен был догадаться, что здесь не обошлось без Мэтта.

Мы сидели и молчали. Я думала о Мэтте и Кэти, размышляя, надолго ли затянулся бы их роман. Были ли они действительно счастливы или всего лишь попали во власть иллюзии?

– Она бы ушла от меня, как он ушел от тебя, – заметил Джеймс почти равнодушно. – Они ждали только, чтобы наступила безопасная для них ситуация и ты перестала бы переживать.

Я снова вернулась в прошлое. В тот школьный день, когда Кэти с расцарапанным лицом, но с довольной улыбкой попросила меня стать для нее лучшей подругой и как потом на протяжении многих лет, если у меня появлялось нечто, чего не имела она, повторяла одну и ту же фразу: «Какая же ты счастливица, Ханна!»

– Да, я согласна с тобой, – сказала я. – Она готова была бросить нас обоих.

Разумеется, я понимала, что всему пришел конец. Абсолютно всему. Кэти мертва. Мэтт в коме. Но как только очнется, заявит полиции о том, что я совершила. Хотя первым это сделает Джеймс, и будет прав.

Я хотела спросить, как восприняли смерть Кэти ее родители, но не осмелилась. Оставалось надеяться, что они переживут эту трагедию,

находя поддержку друг в друге. Каждому нужна в жизни надежная опора.

– Как ты думаешь, Мэтт выживет?

Джеймс покачал головой:

– Не знаю.

Мы несколько минут просидели молча, едва соприкасаясь руками. В те вечера, когда мы с Джеймсом были вместе, могли проводить так часы напролет, слушая музыку, и ни один из нас не хотел разрушать ее волшебных чар. Мелодия «Некто по имени Дьявол» была поставлена в режим кругового воспроизведения. Раньше я думала, что она никогда мне не надоеет, но сейчас знала: больше не включу ее.

А потом мы с Мэттом занимались любовью здесь же, прямо на полу, под звуки песен с того же альбома. Он, конечно же, не знал, что прежде я наслаждалась теми же шлягерами с Джеймсом. Интересно, слушал ли один из них эту музыку вместе с Кэти? Впрочем, если и слушал, то какая мне разница?

– Зачем ты по телефону поставил для меня ту песню? – спросила я. – «Ты потерял способность любить»?

Вопрос застал Джеймса врасплох, как мне показалось, и он явно не хотел отвечать на него.

– А тебе это ничего не напоминает? – произнес он.

И я сразу вспомнила, что он имел в виду.

В прошлом Джеймс мог позвонить мне ночью, когда родители крепко спали, и мы подолгу разговаривали, каждый лежа в своей кровати. И, посмотрев на него сейчас, я поняла, что он мог ненавидеть меня, но, когда включил в ту ночь эту песню и мы снова слушали ее, лежа в темноте, должен был ощущать ко мне не одну лишь ненависть. В какой-то момент после того, как мелодия стихла, мне показалось, будто он готов что-то сказать. О чем?

– Почему ты пришел сюда сегодня, Джеймс? Если знал обо всем, что произошло, то отчего просто не позвонил в полицию?

Он снова долго тянул с ответом, уставившись на горевшие внутри камина связки свечей. Затем поднял голову на меня.

– Хотел поговорить с тобой. В последний раз.

Мои глаза наполнились слезами, и его – тоже.

– Ты жалеешь, что мы не остались с тобой вместе? – неожиданно спросил Джеймс.

– Нет. Я рада, что мы расстались, – ответила я. – Иначе я бы просто уничтожила тебя.

– Ты уже успела сделать это, – заметил он.

Джеймс встал и достал из кармана сотовый телефон. Я похолодела, понимая, что наступает решающий момент, но не ожидала его так скоро.

– Что ты собираешься сделать? – воскликнула я.

– Пойми, Ханна, я обязан обратиться в полицию.

Джеймс подошел к двери и даже взялся за ее ручку, словно для того, чтобы обезопасить себя. Может, он не знал этого, но ему ничто не угрожало. Он находился в абсолютной безопасности. Хотела бы сказать то же самое про себя!

– Да, я понимаю. Я сама собиралась сделать это.

Джеймс набрал номер и вызвал полицейских по моему адресу. Я ничего уже не могла с этим поделать. И вообще не знала, как поступить.

– Что ж, давай предоставим полиции во всем разобраться, – добавил он. – Просто честно расскажи им о том, как произошла трагедия. Ничего не скрывая.

У меня задрожали колени, я знала, что уйду в тюремную камеру. Однажды моя ярость все-таки доведет меня до тюрьмы. А как иначе? И лучше было организовать явку с повинной, сообщить обо всем самой. Я заметила, что Джеймс закрыл глаза. И хорошо. Нельзя было показывать ему, насколько мне страшно. Он ведь поступал правильно. Единственно возможным образом.

Я старалась сохранять спокойствие.

– Хорошо, что ты позвонил в полицию, – произнесла я. – Заодно расскажу им и обо всем том зле, которое причинил мне ты.

– О чем, например? – спросил Джеймс.

Он подошел к стоявшей на окне свече и задул ее. Потом склонился к камину, встал на колени и погасил фитили остальных свечей. Последний огонек на мгновение вспыхнул ярче, колыхнулся и исчез.

– Так о чем же ты им расскажешь? Что у тебя неожиданно нагрелась вода в чайнике? Что ты ощущала запах туалетной воды бывшего друга, хотя его самого в доме не оказалось? Что в твоей гостиной включили свет?

Он продолжал двигаться по комнате, задувая свечи, и в гостиной с каждым его новым шагом становилось все темнее и темнее.

– Ты избивала своего любовника, а когда он сбежал от тебя, сумела выследить его. Избила его новую возлюбленную, свою лучшую подругу. Ты толкнула ее, и она упала с балкона, разбившись насмерть. А он настолько боялся тебя, что чуть тоже не погиб, спасаясь от тебя бегством. На что ты пожалуешься полиции? На пропажу бокала работы Веры Вонг?

Джеймс задул последнюю свечу, и я услышала, как зашипел погасший фитиль.

– Настало время отвечать за свои поступки, Ханна, – заявил он.

Джеймс встал у двери. Я сидела, откинувшись на спинку дивана, развернувшись к Джеймсу лицом и пытаюсь разглядеть его в наступившем мраке. Я слышала только его дыхание, а вскоре на стенах гостиной замелькали отсветы синих проблесковых маячков полицейских автомобилей, стремительно приближавшихся к моему дому.

Эпилог

Два с половиной года спустя

– Ханна Монро?

Я кивнула.

Передо мной стояла женщина средних лет, держа в руках огромную кипу папок с личными делами.

– Меня зовут Джанин Эванс, и я ваш новый офицер-попечитель. Приехала сюда для встречи с другой подопечной и решила заглянуть к вам, чтобы познакомиться.

Она производила впечатление чем-то слегка напуганной, словно ее предыдущая встреча прошла далеко не так благополучно, как она надеялась.

– А куда делась Вики?

В последние несколько месяцев меня изредка навещала другая сотрудница службы надзора за заключенными, претендовавшими на досрочное освобождение (они называли себя офицерами-попечителями). И она объясняла мне условия, необходимые для удовлетворения моего прошения о выходе из тюрьмы ранее назначенного заключения.

Джанин села напротив меня и обратилась к сопровождавшей ее надзирательнице:

– Все в порядке, спасибо.

Тюремщица вышла из камеры, и мы остались вдвоем.

– Вики получила другое назначение. Итак, завтра у вас знаменательный день?

Я кивнула.

– Какие чувства испытываете в связи с этим?

Интересно, как она себе представляла мои чувства?

– Я счастлива. Взволнована, – ответила я.

– Нервничаете?

Я на секунду задумалась. Если схватки внизу живота возникали именно по этой причине, то да, я нервничала. Если она имела в виду учащенное сердцебиение, тогда тоже. А если ее интересовало, схожу ли я с ума при мысли, что мне осталось провести здесь всего одну ночь...

– Мне немного страшно, – проговорила я.

Джанин Эванс улыбнулась:

– Это естественно в вашей ситуации. Два с половиной года заключения – долгий срок. – Она облизала кончик пальца и принялась листать страницы дела. – Значит, вас осудили за убийство по неосторожности и приговорили к пяти годам.

Я на мгновение закрыла глаза, потом кивнула.

– И к завтрашнему утру вы отбудете ровно два года и шесть месяцев, включая то время, что провели, находясь на свободе под залогом. Это ровно половина назначенного вам срока наказания. Остаток его вы будете находиться под постоянным наблюдением, и, как вам уже известно, вам придется придерживаться определенных условий. – Она передала мне один из документов. – Возьмите это с собой и убедитесь, что вам все понятно. Вы знаете: нарушение хотя бы одного из данных условий может привести вас снова в тюремную камеру.

Мне, разумеется, было это известно. Каждое из условий буквально вколачивала в мою голову работавшая непосредственно в этой тюрьме офицер-попечитель.

– Вижу, что на раннем этапе заключения вы имели взыскание и ограничение в правах. – Джанин Эванс посмотрела на меня. – За драку?

Я кивнула. Вела себя тогда как последняя идиотка. Но меня вовремя предупредили, что, если нарушение правил содержания повторится, меня лишат уже не только возможности смотреть телевизор, но и всяких надежд на условно-досрочное освобождение, если вообще не увеличат срок. И этого оказалось достаточно, чтобы вразумить меня и заставить вести себя иначе.

– Но это случилось буквально в первые дни. Вернее, в первый месяц. С тех пор я ни разу не нарушала режима.

Она продолжала смотреть на меня, словно взвешивала на весах мою судьбу.

– Вы посещали консультации психолога?

– Да, – ответила я. – Это мне очень помогло.

– Но вы никогда не обращались к специалистам прежде, чтобы справиться с проблемами, возникшими у вас еще в детстве?

Джанин Эванс добросовестно выполнила свое домашнее задание.

– Обращалась однажды, еще студенткой университета. На первом курсе. Но вот только тогда я не понимала, каким образом это поможет совладать с моими трудностями.

– А теперь?

– Теперь я ощутила реальную помощь. И я непременно продолжу такие консультации.

– Хорошо. Но есть еще кое-что. Я заметила, что за весь срок пребывания здесь вас никогда никто не навещал. – Ее голос звучал удивленно, хотя я не понимала, почему. Многих женщин в этой тюрьме никто не навещал.

– Да, это так, – подтвердила я.

И сама услышала, как холодно я произнесла эту фразу. Не стала объяснять, что меня приводила в ужас мысль, что кто-то увидит меня здесь.

– А ваша мама? Вы сохранили с ней близкие отношения?

Я постаралась избежать прямого ответа.

– Мама живет в Шотландии. И я сама просила ее не приезжать сюда. Она... не совсем здорова. Но мама обязательно приедет ко мне на новую квартиру после освобождения, чтобы помочь обустроиться.

– А ваш отец?

– Мне не хотелось, чтобы он навещал меня.

За эти два с половиной года я получала письма от людей с просьбами разрешить им свидание со мной, но отец не прислал ни строчки. Особенно настойчиво ко мне пробивался Сэм. Рассказал в одном из писем, что Люси уволили за отправку от моего имени искаженных документов. Она поступала так преднамеренно, объяснил он, увидев в этом самый короткий путь для того, чтобы заполучить мою должность. «Можно подумать, что ей твоя работа досталась бы в любом случае!» – добавил Сэм. Он вообще не упомянул об их прежней любовной связи, и я сделала вывод: Сэм бросил ее. Он же информировал меня о содержании электронных писем, присланных мне отделом кадров, которые я так и не прочитала. Это были приглашения явиться для пересмотра решения о моем отстранении от работы. Но заметьте – письма были отправлены еще до суда надо мной. Больше никакой корреспонденции не поступало. Отдел кадров явно передумал возвращать меня.

Мама тоже рвалась ко мне, но для меня была непереносима мысль встретиться с ней в тюрьме. Мать не должна видеть дочь в тюремной робе. Жила она теперь по соседству с сестрой. Я написала ей, что не хочу никаких визитов, и, думаю, она не испытала при этом ничего, кроме облегчения. Тюрьма, вероятно, только этим и хороша. Никто не может приехать к вам туда без вашего согласия. Разумеется, я увижусь с мамой уже завтра, поскольку она хочет помочь мне устроиться на новом месте. Но я догадывалась, что настоящие испытания ждут меня уже после ее отъезда обратно в Шотландию. В тюрьме было трудно представить свою жизнь на свободе. Я часто слышала разговоры об этом других женщин, считавших, что получить условно-досрочное освобождение – это подобно крупному

выигрышу в лотерею. Я же понимала, что они ошибаются. Ничто не станет прежним для меня. Я потеряла все, что имела.

– Насколько мне известно, до ареста у вас был собственный дом, – сказала Джанин.

Я кивнула:

– Да, но мама продала его по моей просьбе.

– Вы же могли просто сдать его внаем, пока находились здесь. Почему же продали?

– Не хочу возвращаться туда, – ответила я.

– Вы получили за него хорошие деньги?

– Да. И скоро я смогу внести первый взнос на покупку другого дома.

– А кто распоряжался вашими средствами, пока вы отбывали срок? На них никто больше не претендует?

Я вздохнула, хотя должна бы привыкнуть, что у заключенных не может быть никаких секретов.

– Я перевела свои счета в банке на другую фамилию, и моя мама стала доверенным лицом, контролировавшим деньги.

Бросив отца, мама очень изменилась. Неизвестно из какого источника, но она обрела крепчайшую силу воли, и после оглашения моего приговора приехала из Шотландии, чтобы выставить мой дом на продажу. А когда его купили, снова явилась в компании мужа сестры и пары его дружков. Знала, что при такой защите отец и пальцем ее тронуть не рискнет. Она описывала мне, как дождалась его отъезда на работу, а потом они все вместе вошли в дом, чтобы забрать ее оставшиеся вещи. Оттуда она отправилась ко мне, тоже за вещами. В следующем письме рассказывала, что Шейла и Рэй наблюдали за ней из окна своей гостиной. Но все мое имущество хранилось отныне на складе, хотя мне не хотелось больше видеть ничего из своих прежних пожитков.

– Я знаю, Вики беседовала с вами по поводу работы. Не забывайте, что и я могу помочь вам подыскать подходящее место, – сказала Джанин. – Или, вернее, указать вам правильное направление поисков. А нам с вами предстоит встречаться еженедельно. Это одно из условий освобождения. Вам потребуется пара недель, чтобы обжиться в новом доме, но следует начать искать работу как можно скорее.

Я сжалась. Мне ведь уже дали понять, что я едва ли буду принята куда-либо на должность даже простого бухгалтера. И с работой возникнут проблемы. Придется сообщать любому нанимателю о своем недавнем выходе из тюрьмы: не лучшая рекомендация, если принять во внимание общий экономический спад. Уже года два я часто ломала себе голову над

тем, чем смогу заняться, но так ни к чему и не пришла. Единственным разумным выходом представлялось открытие своего небольшого бизнеса. Мне с трудом удавалось вообразить, как я заполняю анкету при приеме на работу и объясняю причины своего пребывания за решеткой.

– И последнее, о чем мне необходимо поговорить с вами, – продолжила Джанин. Она перевернула еще одну страницу моего личного дела. – Из этих материалов следует, что поначалу вы были склонны обвинять других людей в том, что оказались в столь тяжелой ситуации. Сваливали на них все, что натворили сами. – Она еще раз прочитала текст документа. – Особенно это касалось Мэттью Стоуна. Он давал показания против вас в суде, если не ошибаюсь.

Я с тоской вспомнила, как Мэтт, отощавший и очень бледный, со свидетельской скамьи рассказывал всем о постоянном насилии над собой с моей стороны. Стоило ему впервые произнести подобную фразу, как глаза присутствующих в зале устремились на меня. Кроме его собственных, разумеется. На меня он избегал смотреть. Казалось, что для него меня не существовало.

– Значит, вы утверждаете, что подсудимая регулярно била вас? – спросил его представитель прокуратуры.

Мэтт молча кивнул, но его заставили отчетливо произнести: «Да, это так» – для занесения в протокол. С дрожью в голосе он сделал это.

– Когда это началось?

– Мы были знакомы около двух лет, когда она впервые распустила руки. – Мэтт смотрел в противоположную от меня сторону. Но я уставилась прямо на него, и он чувствовал на себе мой взгляд. – У нее всегда был необузданный темперамент, но до того момента она никогда не кидалась в ярости на меня.

В зале суда был собачий холод, и мне приходилось прятать руки в рукавах свитера. Отчасти, чтобы согреть, но и скрыть дрожь тоже. Или, по крайней мере, скрыть ее от публики в зале. Пока Мэтт говорил, мои пальцы нащупали шрамы на руках, оставленные мной самой в злости на себя, когда по ночам я лежала на койке в тесной камере, думая о доме, о Мэтте и о Кэти. Обо всем, чего мне так не хватало, чего я лишилась.

– Насколько часто происходили подобные нападения на вас? – спросил прокурор.

Нападения? Я не воспринимала свои действия как нападения. Но видела присяжных, смотревших на меня в изумлении. Я знала, что вопреки всем инструкциям и правилам они непременно станут обсуждать меня между собой сегодня же вечером.

– Каждый раз, когда между нами возникали разногласия и мы ссорились, – ответил Мэтт. – Приблизительно раз в месяц. Иногда несколько месяцев могли пройти без скандалов, но мне приходилось быть настороже. Это напоминало переход через минное поле. Взрыв мог последовать в любой момент. – Он замялся. – Мне стало казаться, что она постоянно ищет предлог. Ей хотелось ударить меня, и она вступала в перепалку, чтобы получить повод для насилия.

Лишь усилием воли мне удалось сохранить спокойное выражение лица, понимая, что все в зале ждут моей реакции на его слова. Мэтт им искусно лгал. Да, мы действительно ссорились. Разве есть пары, обходящиеся без разногласий между собой? А потом он намеренно делал что-то, выводившее меня из себя, сводившее с ума от раздражения, и тогда, конечно же, я была вынуждена ответить ему. А кто сдержался бы на моем месте? Но я понимала, что в зале суда скорее поверят ему, чем мне.

– Не могли бы вы привести пример, что могло спровоцировать избиение?

– Я так и не научился предсказывать это заранее, – произнес Мэтт. – Вечером я мог вернуться домой с работы немного позднее обычного. Она налиwała мне вина и просила рассказать, как прошел день. Вот и все. Но потом наступал точно такой же вечер, и она набрасывалась на меня, начинала бить, хлестать по щекам.

Я поморщилась. В таком изложении все действительно было очень скверно для меня. Но он же просто не понимал, насколько трудно было зачастую уживаться с ним под одной крышей.

– А случалось... – продолжил Мэтт, уже решившись на полную откровенность.

«Да хватит уже распинаться! – подумала я. – Тебя попросили привести всего один пример».

– Случалось, что ей начинало казаться, будто я слишком сблизился с одной из женщин со своей работы. Она постоянно проверяла мой мобильный телефон, читала мои сообщения. И даже снимала показания пробега моего автомобиля, если почему-то считала, что я соврал ей о том, куда на самом деле ездил. А дальше... Потом я получал очередной удар от нее.

Все это было явным преувеличением. Разумеется, я проверяла его телефон. Но так поступают все женщины! Никто не хочет, чтобы у возлюбленного возникли тайны и он, секретничая, обманывал тебя! Разве мои поступки можно было считать выходящими за пределы нормы? К тому же догадайся я следить за сообщениями на его телефоне почаще за

несколько месяцев до ухода от меня, то обнаружила бы его интрижку с Кэти, верно? Если только Мэтт не завел себе второй телефон... Я так и не выяснила, был он у него или нет. В суде эту тему не затрагивали, а сама я уже не могла спросить Мэтта об этом.

– Объясните нам, пожалуйста, почему вы продолжали жить вместе с мисс Монро, мистер Стоун? Почему не ушли от нее раньше, если все обстояло настолько плохо?

Возникла долгая пауза. Теперь все смотрели на Мэтта, словно мы с ним играли в финале Уимблдона, и зрители хотели видеть каждую подачу. Он закрыл глаза, а потом проговорил:

– Я ведь любил ее. С ней почти всегда было интересно. Она была забавной, тоже любила меня. После каждого инцидента глубоко раскаивалась, просила прощения, между нами происходило примирение.

Внезапно я заметила Джеймса, сидевшего в дальнем конце зала и наблюдавшего за мной. Я покраснела и отвела от него взгляд.

– Она постоянно давала мне обещания обратиться за помощью к психиатру. Сознавала, что с ней не все в порядке. И еще... Да я любил ее, и потому так долго оставался с ней.

– Но все же решились уйти, что в итоге привело к трагическим событиям восемнадцатого июля. Объясните нам теперь, почему вы все-таки расстались с ней?

– В новогоднюю ночь мы опять поссорились, и она ударила меня. Избила. Причем гораздо более жестоко, чем прежде. И я всерьез стал бояться ее.

– Вы обращались в больницу?

Мэтт покачал головой:

– Я никогда не обращался за медицинской помощью. Что бы ни случилось.

– Почему?

– Это означало бы предать огласке факт, что моя возлюбленная избивает меня. Как я мог пойти на такое?

В зале возникло оживление, присутствующие зашумели. Его мать ударилась в слезы, как и сам Мэтт. Судья стукнул молоточком по столу и объявил перерыв. Через несколько секунд конвой увел меня.

Я повернулась к Джанин, стараясь ничем не выдать, как глубоко подействовали на меня воспоминания.

– Я ни в чем его не виню, – сказала я. – Он был прав. Я действительно нуждалась в лечении.

- Вы прошли курс лечения в стенах тюрьмы, верно? Он вам помог?
- Да. Я научилась сдерживать свой темперамент, поняла, что лучше сразу уйти, чем вступать в конфликт с кем-то, на кого сержусь.
- Вы пытались каким-то образом связаться с мистером Стоуном?
- Нет, не пыталась, – тихо ответила я.

Она принялась просматривать мое досье. Видимо, проверяла, кому я писала письма, звонила по телефону, выискивая среди моих контактов его имя. Но она напрасно трудилась. Мама написала мне со слов Джеймса, что Мэтт снова переехал. Я не ответила на то ее письмо. Уж не знаю, чего мама ждала от меня.

– Значит, завтра, – продолжила Джанин, – вы поселитесь во временной квартире? Насколько мне известно, вы подробно обсуждали этот вопрос с Вики.

Она прочитала адрес. Причем «временная квартира» в ее устах прозвучало как аналог ночлежки для бездомных. Мама сняла для меня квартиру в другой части Уиррала, где меня никто не знал и я не была ни с кем знакома. А мне очень хотелось гулять, совершать пробежки, ходить в бассейн. В тюрьме у меня порой возникало ощущение, будто меня уже положили в гроб. Тюремный двор был слишком маленьким, чтобы заниматься физическими упражнениями, и вечно заполнен толпами женщин. И тогда я решила, что стану энергично расхаживать по камере, чтобы израсходовать накопившийся запас энергии. А ночи проводила беспокойно, почти без сна.

- Как вы доберетесь туда?
- Возьму такси, – ответила я. – Мама будет ждать меня.
- Вы не пожелали, чтобы она встретила вас у ворот?

Я покачала головой:

- Не хочу, чтобы она даже близко подходила к этому месту.

Затем она снова зачитала мне инструкции и правила, что разрешено, а что нет. Но я думала только о завтрашнем дне. О возвращении на свободу.

Такси я брать не стала, а поехала на автобусе. Мой первый маленький бунт. Рядом с тюрьмой располагалась стоянка такси, но я знала – по мне сразу будет видно, что я только что вышла из заключения. И мне стала ненавистна мысль, как я буду сидеть в такси под постоянными любопытными взглядами водителя.

Тюрьму я покинула в десять часов утра. В тот же день на свободу выходила только еще пара женщин, и обеих кто-то уже ждал по ту сторону ворот. Я же пошла своей дорогой, низко склонив голову, но случайные

прохожие не обращали на меня внимания. Было солнечное, но холодное январское утро. Я была в джинсах и кожаной куртке. И если не считать простого холщового вещевого мешка, я ничем не отличалась от тех, кто попадался мне по пути. Хотя особая бледность, свойственная заключенным, была заметна на моем лице. Солнце сияло, словно празднуя вместе со мной. Проснувшись я задолго до рассвета и несколько часов простояла у окна камеры, стараясь хоть что-то разглядеть сквозь грязный и толстый плексиглас.

Автобусная остановка находилась в центре города, и водитель даже не удостоил меня взглядом, когда я поднялась в салон. Я подумала о маме, дожидавшейся меня в новой квартире. Точного времени своего приезда я ей не назвала. Сказала, что не хотела бы никуда торопиться в этот самый первый день. Я знала: она непременно что-нибудь приготовит для меня. Вероятно, одно из тех блюд, которые я любила в молодости. И моя постель окажется безукоризненно застеленной, свет будет чуть приглушенным, как мне это нравилось. Конечно, мама попытается обнять меня, но я отстранюсь от нее. Моя кожа стала чувствительной от постоянной чесотки (еще одна причина, почему я противилась ее визитам ко мне), а нервы были так напряжены, что я опасалась просто рассыпаться на части от любого прикосновения.

На станции в такое время народа было немного. Еще до выхода из тюрьмы, при одной из последних встреч с надзирательницами, мне предложили пропуск для бесплатного проезда по железной дороге. Я сразу отказалась от него, вообразив взгляд кассира, когда протяну ему в окошко тюремный пропуск: любопытство, кто я такая и что натворила, если угодила за решетку. Невыносимо. Я заявила, что сама способна заплатить за билет – спасибо большое! И надзирательница посмотрела на меня как на умалишенную, хотя мне было плевать на это. Мама сохранила даже мой кошелек и прислала его мне в тюрьму незадолго до выхода оттуда. Теперь казалось странным держать в руках вещь из своей прошлой жизни. Создавалось впечатление, что она принадлежала кому-то другому.

На станции я достала из кошелька кредитную карту. Миновала целая вечность с тех пор, как я пользовалась ею, и на мгновение я испугалась, что забыла ПИН-код. К счастью, срок действия карты истекал только через год. Купив билет, я подошла к банкомату, чтобы снять немного наличных – первые деньги, которые я снимала за последние два с половиной года. Даже на ощупь хрустящие банкноты вызывали у меня необычные ощущения. Я купила сэндвич и пару журналов в дорогу, а потом вышла на платформу, стараясь держаться в стороне от пассажиров. Меньше всего мне хотелось,

чтобы кто-нибудь попытался вовлечь меня в разговор.

В поезде я тоже села подальше от людей, положив холщовую сумку на соседнее сиденье, не позволяя никому расположиться рядом. Поездка показалась мне тихой, когда я очутилась далеко от шума и гвалта, царившего в женской тюрьме. Там почти невозможно было хотя бы ненадолго обрести покой, и вы, наверное, способны представить, в какое отчаяние меня это повергало. В вагоне вместе со мной ехали несколько человек, и почти все сразу вставили в уши наушники от своих телефонов. Меня это устраивало. Я пока не успела обзавестись собственным мобильником. Прежний полиция изъяла у меня в первый же вечер, а когда я о нем вспомнила, то находилась в камере, и мне его так и не вернули. Я надеялась, что мама сумела затребовать его, но, честно говоря, не могла быть уверена, поскольку почти ничего не запомнила из тех событий. Если постараться и заблокировать что-то в памяти, то скоро ты забываешь об этом. Хотя на горьком опыте я убедилась, что некоторые воспоминания имеют свойство внезапно возвращаться к тебе, когда ты менее всего готова к ним.

Свой багаж я оставила в камере хранения на станции Лайм-стрит. Этой ночью мне ничего не должно было понадобиться из вещей. Утром мама отвезет меня туда, чтобы забрать сумку, а сегодня хотелось скинуть с рук долой все, что напоминало бы о тюрьме.

Я села в поезд до Уэст-Кирби, где и должна была поселиться. Вагон оказался переполнен, и я запаниковала, опасаясь встретить кого-то, с кем была знакома до суда, но потом сообразила, что в разгар дня мои потенциальные знакомцы находятся на своих рабочих местах. Тем не менее я расположилась в самом конце вагона и внимательно наблюдала за всеми, кто сходил с поезда или садился в него. Пока я не могла позволить себе роскоши расслабиться.

В тот день я гуляла вдоль берега моря, подставляя лицо под лучи зимнего солнца. При этом смотрела на линию горизонта, где смутно проступали очертания побережья Северного Уэльса. Много лет передо мной не открывался такой живописный вид. Подумала, что начну совершать пробежки там по ночам, когда вокруг не будет ни души. Знала, как трудно будет, сколько усилий придется приложить, чтобы восстановить былую форму после двух с половиной лет сидения в тесной камере, но вскоре я вновь почувствую радость свободного бега. Мне не терпелось дожидаться этого момента.

Я замерзла, пряча руки в карманах куртки, чтобы согреться, но сейчас мне не хотелось оказаться ни в каком другом месте, кроме этого. В тюремной библиотеке я брала книги о йоге и о медитации, проводя много

часов в стремлении очистить свое сознание. И вот только теперь наступил день, когда мне впервые удалось это сделать, пусть лишь на какое-то время.

Вечером я вернулась в город и нашла еще работавшее кафе. Села за маленький столик в углу и огляделась вокруг. Чашки из тонкого фарфора и крошечные стеклянные вазочки с цветами казались предметами из другого мира, из того, к которому когда-то принадлежала я сама.

– Что пожелаете заказать? – спросила официантка.

Я не сразу смогла решить, что именно выбрать. Человек быстро привыкает к условиям, когда ему не нужно ничего выбирать, потому что ему не дают права выбора. Я улыбнулась и попросила принести горячего шоколада. Официантка улыбнулась мне в ответ. Содержимое бокала венчала белая шапка из взбитых сливок, а на отдельном блюде лежала еще и обычная шоколадка фирмы «Флейк». Мне все это показалось таким проявлением доброты, такой огромной для меня услугой, что я чуть не расплакалась. Пришлось выпить стакан воды, чтобы немного успокоиться.

Я просидела в том кафе до ухода последнего посетителя. Так там было тихо и мирно. У меня выдался неожиданно хороший первый день на свободе.

По пути к новой квартире я остановилась перед витриной винного магазина и долго смотрела на нее. Прежде я много пила, однако плохо разбиралась в сортах вин. И теперь не могла решить, какое вино выбрать. А потом ушла, так ничего и не купив. Подумала: теперь я в любой момент могу это сделать.

Стемнело, в окнах домов загорелся свет, вспыхнули уличные фонари. Я продолжала идти в сторону своего нового дома, но у подножия холма вдруг остановилась. Там находилась библиотека. Я успела забыть о ее существовании. Читальный зал был ярко освещен, и сквозь окна я видела посетителей. Кто-то брал книги на дом, в отдельной комнате играли дети читателей. Я посмотрела на часы. 18.30. Словно под влиянием невидимого магнита я вошла внутрь. На доске объявлений висело расписание. Сегодня библиотека закрывалась в половине восьмого. Я замерла, во рту у меня пересохло. Как мне поступить? Дверь читального зала внезапно распахнулась, и я вздрогнула. До меня донеслись приглушенные голоса, а затем в ушах раздался давно забытый звон. Я не слышала его более двух лет. Точнее, с того дня, когда встретила Мэтта вместе с Кэти. Закружилась голова, я пошатнулась и ухватила за ручку двери. Осмотрелась по сторонам. Но рядом никого не было. Я пыталась убедить себя, что просто оказалась у двери, снабженной датчиком, которая автоматически открывалась, если к ней кто-нибудь приближался. Но в глубине души

догадывалась: не все так просто. Дверь открылась специально для меня, приглашая войти.

Это был знак, поданный мне свыше.

Я зашла в главный зал и поговорила с женщиной, старшим библиотекарем. У меня не было при себе документов, хотя засвидетельствовать свою личность я могла с помощью водительского удостоверения, хранившегося в кошельке. Она посмотрела на фото, а потом снова на меня.

– Снимок старый, – объяснила я, но женщина улыбнулась: все в порядке. Я осталась прежней. Узнаваемой.

Ты ошибаешься, подумала я. Я вовсе не прежняя. Совершенно другой человек.

Она сказала, что я могу пользоваться компьютером бесплатно полчаса и включила один из них, оформив меня в качестве гостя библиотеки. У меня снова начали дрожать руки, в горле встал ком, от которого перехватило дыхание. Я не приближалась к компьютерам два с половиной года, однако вспыхнувший передо мной экран выглядел до боли знакомым. Я открыла поисковую страницу в Интернете.

Потерла руки, чтобы избавиться от дрожи, появившейся сразу, как только я поняла, чем буду заниматься, а потом собрала волосы в хвостик. Так я поступала всегда, если требовалась предельная концентрация внимания. Наверное, такие чувства испытывает алкоголик, бросивший пить, когда берет в руки бокал и решается нарушить запрет на спиртное.

Вы должны понять, о чем я часто думала в тюрьме и к каким выводам пришла. Мэтт мог отнять у меня фотографии, стереть электронную переписку. Он мог устранить все физические, реальные напоминания о себе, и, видит бог, ему это удалось! Но вот мою память уничтожить ему было не под силу. Никто не сумел бы стереть все из моей памяти. Причем это же было верно в отношении его памяти. Я всегда буду помнить о нем, а мой образ не исчезнет из его сознания. Вот в чем заключалась истина.

Я размяла пальцы. И в поисковую строку ввела слова: «Мэттью Стоун, архитектор». Через несколько секунд на мониторе появились первые результаты. Я откинулась на спинку стула и облегченно вздохнула. Возникло ощущение, будто я попала в родной дом.

Оставалось только продолжить поиски.